

Елизавета Дворецкая

НОВАЯ КНИГА В ЦИКЛЕ

Княгиня Ольга. Ведьмины камни

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Ведьмины камни

«Автор»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Княгиня Ольга. Ведьмины камни / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2024 — (Княгиня Ольга)

940-е годы, Древняя Русь. Неудача первого поход на греков поставила под угрозу власть Ингвара киевского во всех подчиненных ему землях. Зимой после похода приехав в Хольмгард просить о помощи, он узнает, что Эйрик, правящий в Мерямаа, отказался платить дань. Но подчинять его силой сейчас не время. Отыскивая средство повлиять на Эйрика, Ингвар обращает внимание на юную Хельгу, по прозвищу Каменная Хельга, – племянницу Эйрика, живущую в гостях у его матери, королевы Сванхейд. Молодой вожак варягов-наемников, Эскиль Тень, берется за несвойственную ему задачу – завладеть сердцем девушки и уговорить ее бежать с ним в Киев. Но не такое уж легкое дело – внушить любовь девушке, привыкшей высоко себя ценить и имеющей защитников среди жителей Асгарда.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дворецкая Е. А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Ведьмины камни

Часть первая

Глава 1

Королева Сванхейд о многом хотела поговорить со своим двоюродным братом Эйриком – без веской причины женщина пятидесяти лет не пустится в далекое путешествие посреди зимы. Однако, увидев его, от изумления она растерялась и даже не ответила на приветствие.

– Ты тоже не помолодела, дорогая! – Эйрик прочел ее мысли по лицу, хотя Сванхейд славилась самообладанием, а он никогда не отличался особой проницательностью. – Мы ведь не виделись с тобой целых двадцать пять зим. Ну, может, двадцать четыре. Ты ведь не ждала, чтобы я остался прежним. Впрочем, я-то тебя сразу узнал. Ты меня поцелуешь, или нужны достойные доверия свидетели, что я – это я?

– Где твои рыжие волосы, Эйрик? – пробормотала Сванхейд, делая несколько шагов ему навстречу, чтобы он мог ее поцеловать.

– Вон они. – Эйрик кивнул ей за спину. – Теперь живут у тебя.

Удивленная Сванхейд обернулась и обнаружила позади своего младшего сына Хакона, по прозвищу Логи-Хакон¹. В свои пятнадцать лет он начал быстро расти, и уже было видно, что будет он высоким, в материнскую родню. Рыжие волосы, довольно длинные, у него были пышнее и ярче, чем Сванхейд когда-то видела на голове его дяди Эйрика.

Увы, волосы Эйрика потускнели и поредели – ему пошел шестой десяток. Сванхейд запомнила его великаном, с крупными чертами малоподвижного лица; несокрушимая уверенность в своей силе сказывалась в каждом его движении, во взгляде, в низком голосе. Теперь борода его была почти седой, лишь на щеках сквозь белизну просвечивала рыжина; он отяжелел, лицо покрылось морщинами. Уверенный взгляд приобрел задумчивость с оттенком глухой печали – Эйрик не хотел мириться с подступающей старостью, но понимал, что время его подвигов и славы миновало.

Эйрик не польстил сестре, сказав, что узнал ее сразу: Сванхейд, пожалуй, за те же двадцать пять лет изменилась меньше. Красотой лица она и в юности не отличалась, а морщины не скрывали выражения ума и силы, которым дышали ее суровые черты и голубые глаза. Родив одиннадцать детей, она сохранила худощавое сложение и завидное здоровье, которое и позволило ей пуститься в зимнюю дорогу вверх по реке Мсте, за пятнадцать дневных переходов на восток, к волоку между Мстой и Мерянской рекой². Эйрик приехал на эту встречу с востока, из земли, называемой русами Меренланд, а собственными уроженцами – Мерямаа. Этими уроженцами он, с позволения Олава, конунга Хольмгарда, правил уже двадцать пять лет.

– Сожалею о твоём муже. – Выпустив Сванхейд из объятий, Эйрик почтительно склонил голову. Двадцать пять лет назад он ни перед кем не склонялся даже из вежливости. – Олав конунг был разумный и достойный человек. Мы с ним хорошоладили в свое время.

– И тем более жаль, что этот лад умер вместе с ним, – не удержалась Сванхейд, сразу переходя к делу.

---

¹ Логи (др.-сканд.) – «огонь». (Здесь и далее примечания автора.)

² Мерянской рекой здесь называется водный маршрут, пролежавший по нескольким рекам (от притоков Мологи к Волге и далее по Волге на восток).

– Заходи же, что мы стоим на холоде! – Эйрик, вышедший во двор встретить сестру, указал ей на дверь в дом.

Местом их встречи был Видимирь – довольно новый погост, поставленный по приказу Эйрика для постоя его дружины. Все двадцать пять лет он упорно расширял пределы подвластных ему земель, не только на восток, но и на запад, а этому Олав конунг радовался куда меньше. По их давнему уговору, Эйрику полагалось продвигаться на восток по Мерянской реке, подчиняя и усмиряя народы по ее берегам, чтобы обезопасить путь к Булгару и увеличить собираемую дань. Все это Эйрик делал как нельзя лучше, но одновременно продвигался и на запад, в области, населенные словенами, а те были собственными данниками Олава. Построив Видимирь, Эйрик почти вплотную подобрался к тем пределам, где собирал дань сам Олав – его сборщики доходили до Забитицкого погоста, в двух переходах от Видимирия на запад.

Забитицкий погост на Мсте был западной точкой волока – от него можно было плыть до Хольмгарда, а Видимирь – крайней восточной. Их разделяло около двух пеших переходов, не соединенных сплошным водным путем. Край этот был насыщен реками, озерами и болотами так густо, что передвигаться по нему было намного легче зимой, чем летом. Собственно волок по большей части проходил по мелким рекам и озерам, и лишь некоторые участки приходилось преодолевать по суше, волоча лодьи на катках через настланные гати.

В озере Видимирь волок заканчивался: от него извилистая речка Ольховка вела в Песь, и здесь по существу начиналась Мерянская река, то есть водный путь к далекому Хазарскому морю. Для погоста Эйрик выбрал пригорок на берегу, откуда открывался широкий вид на озеро. Вал с частоколом поверху окружал широкую площадку с кольцом изб; здесь же был большой дом для постоя дружины, клетки, кузница, навесы для лошадей. Одни ворота выходили в поле, другие, противоположные – на берег озера. Постоянного населения здесь собралось около сотни человек, и городок окружали выпасы, огороды, пашни. Зимой здесь останавливались Эйриковы сборщики дани, перед тем как повернуть назад на восток, а летом – торговцы, ездившие между Мерямаа и Хольмгардом.

Сванхейд со смесью неудовольствия и одобрения окидывала взглядом срубы из толстых сосновых бревен, под крышами из дерна, озерного тростника и дранки. Ей нравилось, как хорошо здесь все устроено, но она не могла радоваться, что Эйрик так прочно обосновался в этом краю. Эйрик предложил встретиться в Видимире, и Сванхейд пришлось согласиться – на Забитицком погосте две дружины не смогли бы разместиться. Эйрик же обещал ей и ее людям удобное пристанище – и не обманул.

Вступив вслед за братом в большой дом, Сванхейд с удовольствием увидела пылающий в длинном очаге, обложенном камнями, жаркий огонь.

– Мы приветствуем тебя, госпожа Сванхейд, под этим кровом! – раздался впереди звонкий молодой голос. – Да будут милостивы к тебе Скади и Ульв, повелители зимних дорог, да защитит нас Тор, да согреют этот дом теплом Фрейр и Фрейя, и да пошлет вам, владыкам земель, мудрости Один для разрешения всех дел ко всеобщему довольству!

Речь эту произнесла уверенным и бойким голосом молоденькая девушка – лет пятнадцати, высокая ростом, с продолговатым умным лицом. Весь ее облик дышал таким ярким сочетанием телесной свежести, здоровья со зрелостью ума, что Сванхейд улыбнулась от недоверчивого восхищения. Девушка была одета хорошо, даже богато – платье тонкой светло-зеленой шерсти, орехово-коричневый хенгерок, отделанный по верхнему краю шелковой красно-зеленой тесьмой, золоченые наплечные застёжки, а между ними ожерелье из крупных зеленых и более мелких бусин золотого стекла. Русые волосы девушки были заплетены в длинную косу, к шелковому очелью крепились на висках несколько крупных серебряных колец, а маленькие серебряные колечки были вставлены в уши. В Свеаланде такого не носили, кольца на очелье и в ушах были в обычае у мерян, а от них перешли к мерянской руси.

На шее девушки висело еще одно ожерелье, сделанное, как Сванхейд подумала по первому взгляду, из звериных зубов или косточек. Посчитав было это еще одним чудным мерянским обычаем, она вгляделась и подняла брови: это оказались не зубы, а камни. Пять камешков – белый, серый, красновато-бурый, черноватый, песчано-желтый. Величиной от ногтя на большом пальце женской руки до голубинового яйца, разных очертаний: одни почти круглые, другие продолговатые, а самый большой, красноватый, расположенный в середине, напоминал треугольник со сглаженными углами. Самый темный и впрямь походил на волчий зуб. Все их объединяло наличие отверстия, не высверленного, а от природы; через отверстия был пропущен красный шерстяной шнурок, обвязанный так, чтобы камни не наезжали друг на друга.

В руках девушка держала серебряную чашу хазарской или болгарской работы и протягивала ее Сванхейд.

– Выпей, госпожа, это тебя согреет.

Сванхейд взяла чашу, вдохнула теплый запах – отвар целебных трав и ягод с медом.

– Чабрец и зверобой, да? – Потянув носом, Сванхейд подняла глаза на девушку. – И малина.

– Еще душица, малиновый лист, шиповник.

– А ты... Это твоя дочь, Эйрик? – Сванхейд отпила из чаши, с удовольствием проглотила горячее душистое питье и взглянула на брата. – Которая?

Она знала, что у Эйрика семеро детей, из них три дочери, но знакома была только с тремя старшими сыновьями, раз-другой бывавшими в Хольмгарде.

– Это моя племянница. – Эйрик положил руку на плечо девушке. – То есть племянница Арнэйд, дочь ее брата, Арнора Камня. Ты, помнится, знала ее мать. Она тебе кланяется.

– Ее мать... Снефрид? – Приближение старости не притупило памяти Сванхейд, и ее бледно-голубые глаза широко раскрылись под светлыми бровями. – Снефрид Серебряный Взор?

– Она тоже часто вспоминает тебя, госпожа. – Девушка открыто улыбнулась.

– О боги... – Сванхейд отдала кому-то рядом чашу и бережно взяла девушку за локти, будто хотела получше рассмотреть. – Ты – дочь Снефрид... Не скажу, что ты на нее похожа... Не вижу здесь, какие у тебя глаза... А может, и похожа... Только не лицом.

– Лицом она похожа на своего родителя, а вот способностями пошла истинно в мать. – Эйрик еще раз похлопал девушку по плечу. – Потому я и взял ее с собой – чтобы не дала мне расхвораться по дороге.

Сванхейд уже отметила, что Эйрика мучает гулкий кашель.

– Как тебя зовут?

– Хельга, госпожа.

– Тебе подходит это имя, хоть ты и не из рода конунгов. – Сванхейд одобрительно кивнула. – А почему ты носишь эти камни? – Она показала глазами на ожерелье девушки.

– Это мои друзья, – улыбнулась Хельга. – Я с детства их собираю, и они приносят удачу.

– Они ведь называются «глаз Одина», помнится?

– И так, и еще «ведьмины камни».

– У меня, кажется, тоже есть такой... В Хольмгарде. Я нашла его на берегу моря, еще когда ехала из Свеаланда, чтобы выйти за Олава конунга... О боги, как же это было давно! – Сванхейд засмеялась. – Я тогда была немногим старше тебя.

– Из-за этих камней у нас ее прозвали Каменная Хельга, – добавил Эйрик. – Мы решили, что она будет приветствовать тебя как хозяйка. Другой здесь все равно нет – Несветова жена умерла, а новой он пока не выбрал.

У Видимирия имелся хозяин, и на этого человека королеве Сванхейд тоже было весьма любопытно взглянуть. В тот самый год, когда она семнадцатилетней девушкой приехала из Свеаланда в Хольмгард, чтобы выйти за Олава конунга, другая жена, словенка, родила

ему сына, но об этом в то время ни Сванхейд, ни даже сам Олав не знали. Сванхейд узнала о существовании этого мальчика, Несвета, почти десять лет спустя. Олав готов был признать его своим наследником, но эта опасная честь требовала, чтобы его отослали в Киев, в заложники союзнику Олава, Хельги Хитрому³. Тихонрава, мать мальчика, предпочла удержать сына при себе, и в Киев уехал сын Сванхейд, Ингвар. Он был на десять лет моложе Несвета, ему исполнилось всего четыре года, но Сванхейд знала: ее сын рожден стать конунгом, а для этого приходилось идти на риск, терпеть разлуку и тревогу.

Несвет, сын Тихонравы, одно время жил у Эйрика, на озере Неро. Там он и женился – довольно рано, в шестнадцать лет, – и лет десять спустя Эйрик доверил ему власть над волоком, что было большой честью и знаком высокого доверия. По матери Несвет происходил из знатного словенского рода, жившего севернее волока, и у словен пользовался уважением. Сейчас это был мужчина в расцвете сил – в начале четвертого десятка, – отец семейства и вожак собственной дружины, повелитель прилегающей округи. На нем лежала обязанность поддерживать волок в порядке, защищать его и взимать с торговых людей пошлину в пользу Эйрика.

Сванхейд раньше с ним не встречалась и теперь с жадным любопытством взглянула на мужчину, который, как старший сын Олава, мог бы сейчас быть владыкой Хольмгарда. Не жалеет ли он, что мать решила выкупить его безопасностью отказом от власти, когда ему было всего четырнадцать? Сванхейд искала в нем сходство с Олавом, ее мужем, – и да, первый же взгляд сказал ей, что сходство есть: и в чертах, и в выражении, и в глазах. Средний рост, как у Олава, коренастое сложение, мощные широкие плечи с узловатыми мышцами придавали ему некое сходство с карлами-свартальвами. Волосы, борода и брови русые, с оттенком рыжины. Продолговатое овальное лицо. Прямой довольно длинный нос, с островатым кончиком и широкими крыльями, когда Сванхейд взглянула Несвету прямо в лицо, привел ей на память подвески в виде торсхаммера, «молоточка Тора». Густые брови, образуя почти прямую линию, расходились от конца рукояти этого «молоточка», а усы такой же ровной скобкой огибали рот, вливаясь в небольшую ухоженную бородку. Взгляд из-под слегка нависших век был тверд и суров. Из него вышел бы неплохой конунг, невольно отметила Сванхейд, это истинный сын своего отца! Он наделен волей твердой, как железо, без чего не может быть толкового правителя.

Пока еще Несвет не сказал ни слова и в ответ на взгляд Сванхейд лишь слегка поклонился, скорее подтверждая сказанное Эйриком, чем выражая почтение.

– Такая хозяйка сделает честь любому дому, в который вступит, – с улыбкой, но весомо ответила Сванхейд, понимая, как много значит ее приговор.

Юная Хельга смотрела на нее с жадным любопытством, и неудивительно: не каждый день в этой глуши можно увидеть женщину королевского рода. Сванхейд происходила из Уппсалы, из потомков Бьёрна Железнобокого⁴, и конунгом свеев сейчас был ее племянник Бьёрн, вслед за ее дедом и отцом. Выйдя замуж, Сванхейд приобрела звание «дроттинг»⁵, как это называлось на языке свеев, которое и носила всю жизнь. Уже больше года, с тех пор как умер муж, Сванхейд безраздельно правила Гардами; все знали, что она-то и есть настоящий конунг Хольмгарда.

С сожалением Сванхейд отвела взгляд от девушки. Охотнее всего она посидела бы у очага и поболтала бы с дочерью Снефрид, отдыхая после дороги. Но привели ее сюда совсем иные заботы, и упускать их из виду Сванхейд не могла.

³ Хельги Хитрый, Хельги инн Витри – вероятно, так исходно звучало имя Олега Вещего на его родном языке.

⁴ Бьёрн Железнобокий – сын Рагнара Лодброка, основатель «династии Мунсё», которая правила в Швеции в этот период, сменив более древнюю династию Инглингов; однако, с Инглингами они имели кровное родство.

⁵ Королева (др.-сканд.)

– Мы не будем сейчас говорить о делах. – Эйрик снова как будто прочел ее мысли. – Отдохни, королева. Как бы ты ни спешила назад, несколько дней ты здесь пробудешь, и мы все успеем обсудить.

– Я не очень спешу назад. В Хольмгарде остался мой сын Торорд, второй по старшинству. Он разумный человек, я на него во всем полагаюсь.

– Но он не признан конунгом? – в первый раз подал голос Несвет. – Его не возвели на престол Олава?

Он задал этот вопрос на русском языке, и хотя по выговору было слышно, что этот язык ему не родной, Несвет владел им вполне свободно – благодаря тому что около десяти лет прожил в доме Эйрика.

– Я могу говорить с тобой на славянском языке, – предложила Сванхейд, – если тебе так легче.

Она знала, что Несвет вырос среди славян, в родных местах своей матери, и до переселения на озеро Неро не слышал ни одного русского слова.

– Я понимаю русскую речь. Твой второй сын признан конунгом в Хольмгарде?

– Нет, я же объяснила. – Сванхейд перевела взгляд на Эйрика. – Я объясняла твоим людям: мой старший сын Ингвар теперь владеет всеми землями, которыми владели его отец и Хельги Хитрый...

– погоди! – Эйрик движением руки остановил ее. Он видел, что хотя Сванхейд сохраняет внешнее спокойствие, глаза ее засверкали от вспыхнувшего в сердце огня. – Я буду считать себя очень невежливым человеком, если стану мучить женщину разговором о делах, не дав ей отогреться и поесть. Лучше скажи, хочешь ли ты сходить в баню? Там уже топят, Хельга тебя проводит.

Хельга взглянула на юного Логи за спиной у Сванхейд и приветливо ему улыбнулась.

* * *

В хозяйстве Несвет знал толк, это с первых шагов бросалось в глаза. Ему Сванхейд была обязана тем, что в большом дружинном доме к приезду знатных гостей натопили, что все содержалось в порядке, крыша не текла, из щелей не дуло, плесенью и гнилью не пахло, как в тех погостах, которые посещаются один раз в году на пару дней. Эйрик и его дружина, ожидая Сванхейд, жили здесь уже два или три дня. На широком спальном помосте вдоль стены для Сванхейд приготовили удобное место близ очага, с тюфяком, набитым новым, свежим пухом рогоза, а стену завесили большой медвежьей шкурой, ограждая от дыхания внешней стужи. На помосте лежали продолговатые подушки, обшитые кунным мехом, – в Свеаланде, на родине Сванхейд, такой роскошью пользовались только конунги, но здесь, в Мерямаа, куницы были намного дешевле. Собственно, ради обилия пушного зверя, чьи шкурки можно с большой выгодой продавать за моря, выходцы из Свеаланда, Готланда, Аландских островов и прокладывали сюда пути в последние почти двести лет.

В бане Сванхейд не требовалась помощь Хельги – она привезла трех собственных служанок, и Хельга только показала им, где что, а потом вернулась в дом. У очага хлопотали Несветовы челядинки, жарили мясо, варили кашу и похлебку для пира в честь встречи Эйрика и его знатной сестры. Хельга оглядела дом, отыскивая дядю и Несвета. Однако их здесь не оказалось, только юный Логи вскинул на нее смущенный взгляд. Хельга улыбнулась ему и ушла в Несветову избу, не сомневаясь, что ее дядя там.

– Сам видел – у нее не так уж много людей с собой, – услышала Хельга голос Несвета, когда почти неслышно скользнула в приоткрытую дверь.

– Это ничего не значит, – невозмутимо ответил Эйрик. – Даже если бы при ней были только две бабы, она здесь в такой же безопасности, как у себя дома в Хольмгарде.

– Считаешь себя бессмертным? – Несвет наклонился над столом, опираясь на него ладонями, к сидящему с другой стороны Эйрику.

– Я считаю себя честным человеком королевского рода. И я никогда не пойду на предательство, тем более когда речь идет о моей сестре. Никто ее здесь не тронет. Так и запомни.

– Не забывай: я родом не хуже, чем ты! – с напором ответил Несвет. – Олав конунг был моим отцом, этого даже она не оспаривает! И я родился от такого же законного брака, как ее сыновья.

– Не очень-то красиво замышлять насилие к жене своего отца. Именно потому что ты от законного брака. Такая подлость, знаешь ли, пристала бы какому-нибудь...

– Эйрик! – Несвет перебил его, и трепещущие от негодования ноздри как никогда ясно придали его носу сходство с «молоточком Тора». – Хотя ты и конунг, но оскорбления я не стерплю и от тебя! Ты у меня в доме!

– Тогда не замышляй дел, которые не сделают чести благородному человеку. Сванхейд ведь не пыталась тебя убить или взять в заложники. И она, кстати, тоже гостя в твоём доме. Если ты попытаешься ее захватить, сам Одноглазый придет посмотреть на тебя, но едва ли это принесет тебе счастье.

– Откуда ты знаешь, что она замышляла? – Несвет, выращенный родичами матери, почитал словенских богов и намеков на Одина пропустил мимо ушей. – Или замышляет теперь? Из-за нее я был отвергнут моим отцом! Я мог бы уже две зимы править в Хольмгарде, если бы не она! Но теперь она угрожает тебе, Эйрик! Пусть тебе плевать на меня, но почему ты не хочешь позаботиться о себе и о доле своих детей? Может быть, она приехала сюда, ища *твоей* гибели!

– О себе я позабочусь без твоих советов! – Эйрик слегка нахмурился. – Не забывайся, Несвет. К тому же мы еще не знаем, с чем она приехала. Может быть, все получится уладить миром.

– Миром? Между вами – может быть. А что получу я – вот это озеро с лягушками? – Несвет махнул рукой в ту сторону, где лежало озеро Видимирь. – Два болота ближних?

– А ты хотел бы стол в Хольмгарде? – Эйрик прищурился чуть насмешливо.

– Я имею на это право, я – самый старший сын моего отца! Свандры сын, который занял мое место, сам отказался от Хольмгарда. Ты должен поговорить с ней, Эйрик. Может, она уже осознала, что такую власть бабе не удержать, что здесь мужик нужен!

– Я и приехал, чтобы с ней поговорить. – Эйрик на миг опустил веки.

Но Хельга, хорошо знавшая своего дядю, понимала: сколько бы Несвет ни бушевал, он не заставит Эйрика ни на волос отступить от его собственных намерений. Эйрик и к старости сохранил свое упрямство, которое было так же невозможно сокрушить, как передвинуть скалу. И Несвет, и Сванхейд хотели именно этого – передвинуть скалу, только в разные стороны. С обычной скалой они толкали бы ее навстречу друг другу и оба не преуспели. С Эйриком будет то же самое: никто не преуспее, потому что у него есть другой, более уважаемый советчик. Сам Один, с которым Эйрик водит близкую дружбу с отрочества.

– Ну, что там старуха? – шепнул голос рядом с Хельгой. – Отвела ты ее в баню? Вот было б лихо, если б она там взяла и сгорела!

Повернув голову, Хельга обнаружила неслышно подошедшего отрока – это был первенец Несвета, Видимир, на год старше ее. Несвет приехал сюда как раз в то лето, когда его сыну исполнилось семь и того передали от нянек на воспитание дядьке; на радостях Несвет назвал погост именем сына, а не собственным. Это был парень среднего роста – одного роста с Хельгой, довольно красивый лицом: светло-карие, медово-янтарные глаза, правильные черты, безупречно прямой нос, русые волосы красивыми волнами над высоким лбом. С Хельгой они несколько раз встречались и ранее: Несвет нередко брал наследника с собой, когда Эйрик приглашал его в Озерный Дом на пиры Зимних Ночей, Середины Зимы или Дисатинга.

– Тебе стоит говорить о ней почтительнее! – Хельги строго взглянула на Видимира. – Госпожа Сванхейд – королевского рода и королева!

Перед этой поездкой Хельга выпросила у матери все, что та могла рассказать о сестре Эйрика, но несколько опасалась встречи – женщина-конунг это как бы и не женщина вовсе, а что-то непонятное. Но при первом же взгляде на девушку строгость холодных голубых глаз Сванхейд так явственно смягчилась и потеплела, что та не могла не потянуться к ней. Сванхейд понравилась Хельге – в ней сразу виден был ум, уверенность и властность, редкие в женщине, но оправданные ее положением и родом, а еще довольно дружелюбный нрав. Когда-то эта женщина была подругой матери Хельги, та отзывалась о ней тепло, и Хельге приятно было узнать, что Сванхейд тоже бережно хранит воспоминания о дружбе Снеффрид.

Злые слова Видимира задели Хельгу, и она бросила на него уничижительный взгляд, но он только ухмыльнулся:

– Не учи меня, чего мне делать! Мой отец родом не хуже, и он может быть князем в Хольмгарде.

– Вيني твою бабу Тихинрейв, что он остался конунгом жаб и лягушек.

– Сама лягушка!

Видимир вспыхнул и сделал движение, будто хочет ее ударить, как, видно, привык делать со своими сестрами, но Хельга отскочила и приняла угрожающий вид: попробуй только!

Эйрик и Несвет разом обернулись к ним.

– Что вы там? Идите во двор жениться. – Несвет неправильно понял природу этой возни.

Хельга растянула губы, изображая издевательскую улыбку – очень было надо! – и села подальше от Видимира. Тот еще немного посидел на прежнем месте, потом опять придвинулся, незаметно показывая знаком, что она может не опасаться.

– Попробуй только меня тронуть, – стараясь меньше шевелить губами, прошептала Хельга. – Мой дядя тебе задаст.

– Ладно тебе. Я пошутил. А бабушка моя – Тихо-нрава! – поправил Видимир, дескать, и скзать-то толком не умеешь!

От родителей он хорошо знал славянский язык, которого Хельга не понимала: с рождения ее окружали только русь и меря, славян в Силверволле было мало.

– Тебе виднее. Она отказалась от наследства за всех вас, хотя Олав и Сванхейд признавали твоего отца.

– Кто знает, какое колдовство ваша Свандра на нее навела при встрече, чтобы заставить ее согласиться! С тех пор все стало по-другому. И эта твоя старуха здесь в нашей власти. Если она не признает наших прав, то может вовсе не выйти отсюда. Или выйти не раньше, чем поклянется признать права моего отца и отдать нам Хольмгард.

– Ничего такого не будет! – После того как Хельга увидела Сванхейд и поговорила с ней, эти замыслы стали тревожить ее сильнее прежнего. – Конунг этого не допустит.

– Мы еще посмотрим! – Видимир не хотел сдаваться, хоть и понимал, что повлиять на Эйрика не во власти Несвета. – Будет мне доля – и я когда-нибудь в Хольмгарде князем сяду! Подумай об этом!

Он окинул Хельгу взглядом, выражавшим снисходительное одобрение ее красоте, и лениво отошел. Хельга скорчила рожу ему вслед.

Еще при рождении Видимира и Хельги старшие с обеих сторон видели в них возможную будущую пару. Оба, разумеется, об этом знали и при каждой встрече уже три-четыре года приглядывались друг к другу, примерялись: нравится ли мне такая судьба? Хорош ли жених, не засмеют ли подруги? Красивая ли будет жена, можно ли ею похвастаться перед друзьями? И главное сомнение, в котором ни один из будущей пары не сознается друзьям и подругам: кто из двоих сможет взять верх? Править я буду в своем доме или подчиняться? И если Види-

мир твердо намерен был не подчиняться женщине – какой шестнадцатилетний парень решит иначе? – то Хельга точно знала: поискать придется такого мужчину, которому она позволит править собой.

С обручением родители не спешили: будущее могло потребовать и другого родства, особенно для Хельги – племянницы Эйрика. Сейчас, как понимала Хельга, решение этого будущего приблизилось вплотную. Но если Видимир видел только одно возможное изменение в судьбе – стрелой вверх, к престолу Хольмгарда, – то Хельга, не без помощи своей мудрой матери, куда яснее видела другой: к гибели, в черную бездну, куда так часто ввергают людей тщеславие и притязания на величие, не подкрепленные истинным правом и настоящей силой.

* * *

Шла пора коротких дней и долгих ночей; в середине зимы привыкаешь, что вся жизнь проходит между белым снегом на земле и темным пологом на небе, будто два великана, черный и белый, держат тебя между ладонями. Каждый из этих великанов по-своему налагает на человека узы неволи, ограничивает свободу узкими тропками между постройками во дворе. Хельге очень повезло, что дядя взял ее с собой в эту поездку, дал возможность покинуть дом, посмотреть новые места, новых людей, да еще таких знатных – в то время как ее сестры и другие женщины только тянут бесконечную пряжу, перебирают всем известные мелочи, и даже ссора кажется развлечением. В эту пору и новостей-то нет, никто не приезжает, и большое событие – посмотреть чью-нибудь охотничью добычу, посидеть на пиру с мясом лося или вепря, послушать над медовыми чашами: «А тут он как выскочит из кустов, и прямо на меня!..». Зато когда она вернется, ей будет что порассказать!

К тому времени как Сванхейд вышла из бани и приготовилась к ужину, совсем стемнело, но дружинный дом сиял огнями. На середине длинного стола частым строем выстроились глиняные светильники, заправленные воском, и ярко освещали лица сидящих. Отблески играли на серебряных, позолоченных украшениях владык и их приближенных. Эйрик сменил простую одежду на выкрашенную в синий цвет шерстяную рубаху и зеленый кафтан с золочеными пуговками, на груди его блестела толстая серебряная гривна с нанизанными на нее десятками золотых и серебряных перстней всевозможных видов. Малолетние дети и племянники, когда Эйрик брал их на руки, первым делом тянулись к этой гривне; покачивая их, Эйрик обещал, что мальчики сами раздобудут такое богатство, когда вырастут, а девочки получают столько же перстней в свадебные дары. Хельга, ее сестры и братья, – родных и двоюродных их было девятнадцать человек, не считая мерянской родни, – привыкли смотреть на эту гривну как на божественный источник всех сокровищ земных и небесных. Хельга с детства запомнила дядю Эйрика рыжебородым великаном с низким сильным голосом, и самого Тора представляла точь-в-точь таким же. Перемен, произведенных в нем возрастом, она почти не замечала, да Эйрик и сейчас, в пятьдесят с небольшим, еще не превратился в развалину и крепко держал в руках все приобретенное за срок жизни. В юности он был «морским конунгом», и хотя потом остепенился, приобретя в Мерямаа собственные владения и женившись, хватки, как в последнее время стало ясно, не утратил.

Эйрик, будучи владыкой этого края, сам позаботился об угощении для пира: с озера Неро привезли несколько баранов и свиней, муки для хлеба и лепешек. Эйрик не зря носил на груди целую казну – он всегда был щедр. Пива и медовой браги Несвет приготовил загодя, а на стол выставил припасы попроще: свежую жареную рыбу из озера, соленые грибы, моченые ягоды, пареную репу и гороховую кашу с жареным луком и салом. Челядинки его напекли пирогов – с сыром, ягодами, с рыбой. Издали поймав взгляд Видимира, Хельга выразительно понюхала разломленный пирог и показала пальцами на столе, как прыгает лягушка; Видимир ухмыльнулся и pokrutil головой.

В доме было тепло от огня в длинном очаге, от дыхания полусотни людей, висели запахи жареного мяса и лепешек, которые Несветовы служанки пекли на сковородах у очага и тут же, горячими, рассылали по столам.

Эйрик, поднявшись с большой серебряной чашей в руках, смотрелся истинным богом, хоть и поседевшим.

– Воздадим честь и хвалу богам, что хранят нас и посылают блага! В честь нашей встречи с тобой, сестра моя Сванхейд, я поднимаю эту чашу, и пусть славятся боги Асгарда!

– В эту темную пору мы славим Тора, защитника людей от племени зимних великанов, – в свой черед сказала Сванхейд, – и дарующего богатство Фрейра, Бога Альвов, Владыку Альвхейма, Ингви из числа ванов, и благородную его сестру!

Она отпила из чаши и передала ее своему сыну, сидевшему напротив, чтобы Логи плеснул в очаг у него за спиной. Перед пиром она сменила простую дорожную одежду на крашеную; ее возраст и вдовство предписывали ей носить синий цвет – цвет Одина, и все части ее наряда были разных оттенков синего, а хенгерок на груди украшен широкой полосой узорного шелка, где две белые птицы с пышными хвостами стояли клювами друг к другу, в окружении цветов и листьев. Серебряная тканая тесьма на головном покрывале, позолоченные нагрудные застёжки, золотые обручья придавали ей вид самой богини Фригг, тем более что править пиром ей было столь же привычно.

Чаша поплыла вокруг стола. Здесь сидели дружины Эйрика и Сванхейд – «словенские русы» из Хольмгарда и «мерянские русы» из Ватнсстадира – Озерного Дома, как при Эйрике стали называть прежнюю мерянскую твердыню. Многие были знакомы между собой: люди Олава почти каждый год проезжали через Мерямаа по пути в далекий Булгар. Причитавшуюся Олаву дань с Мерямаа, которую собирал Эйрик, они увозили с собой, чтобы продать булгарам и сарацинским купцам, и нередко люди Эйрика присоединялись к ним на обратном пути, чтобы купить в Хольмгарде что-то из товаров, привезенных с Севера. В речи одних русские слова мешались со славянскими, у других – с мерянскими, но друг друга они хорошо понимали. Среди людей Сванхейд почти половину составляли словене, в дружину Эйрика затесались не только меряне – с ними мерянские русы почти все были в близком родстве, – но и несколько булгар.

Над столом висел стук ножей и чаш, веселый разноязыкий говор; все были возбуждены встречей, пивом, едой, медом, жадной новостей и холодящим жилы ожиданием беды. Ибо двое владык съехались не для свадьбы или чего-либо столь же веселого, и не ради родственной любви. Эйрик и Сванхейд уверяли, что прибыли договориться по-родственному, но и они сами, и все до одного их люди знали: двое владык встретились, чтобы поссориться.

– Какие новости есть от твоего старшего сына, сестра? – вскоре начал Эйрик.

Все за столом при этом стали жевать потише, напряженно вслушиваясь, гул голосов поутих.

– Минувшим летом мой сын, Ингвар конунг, посылал войско в страну хазар – этот город называется Самкрай, если я правильно помню. Его возглавлял некий Хельги сын Вальгарда, это сводный брат Эльги, моей невестки. Весьма отважный и достойный человек, я его знаю – он побывал в Хольмгарде пару лет назад. Он одержал победу, взял в том городе большую добычу и пленных. Такую добычу, что все его люди оделись в шелковые кафтаны! Но когда он уже возвращался, греки предали его и напали, желали отнять добычу. У них это не вышло, но теперь Ингвар с ними в ссоре. Будущим летом он намерен пойти на них войной. Он приглашает с собой всех отважных людей, охочих до славы и добычи. Может быть, Эйрик, твоим сыновьям это понравится?

– На Миклагард? – уточнил Эйрик, подавшись к ней. – Вот прямо на самого кейсара?

– Прямо на сам Миклагард, – торжественно подтвердила Сванхейд. – На Романа цесаря.

Более заманчивой цели военного похода не существует на свете – разве что сам Асгард. Сын Сванхейд выбрал цель, способную принести ему наивысшую славу, и она заслуженно гордилась им. Она не ошиблась, когда двадцать лет назад приняла это тяжелое решение – отослать четырехлетнего мальчика на край света, ко двору Хельги Хитрого. Бывший крошка вырос, взял в жены наследницу того, кто держал его в заложниках, и сел на его престол.

Гул за столом усилился: люди Эйрика оживленно переглядывались, взбудораженные такой важной новостью. В их среде хорошо известны были рассказы о подвигах отцов: поход Хельги Хитрого на Миклагард более тридцати лет назад, поход большого войска на Хазарское море. Этот последний был особенно хорошо известен в Мерямаа: многие из ее жителей в нем участвовали, в том числе Арнор, отец Хельги, и его младший брат Вигнир. У нынешних молодых русов, выросших на этих рассказах, предложение присоединиться к войску Ингвара означало возможность самим войти в столь же славное сказание.

– Вы еще успеете, – добавила Сванхейд, довольная этим многообещающим гулом. – Ингвар конунг будет ждать всех, кто придет в Киев за первым льдом⁶. Скажи мне, Эйрик, – она взглянула на брата, – разве плохо быть родичем и союзником человека с такими замыслами, с такой силой, отвагой и доблестью?

– Я не откажусь ни от родства, ни от союза с моим племянником Ингваром. – Эйрик добродушно кивнул. – Я лишь не могу признать себя данником конунга, который мой младший родич и живет где-то на краю света.

Именно ради этого разговора Сванхейд и пустилась в далекий зимний путь. Хельга, стоявшая с кувшином меда за спиной своего дяди, увидела, как сверкнули острой искрой голубые глаза королевы.

– Что за важность, где он живет? – спокойно ответила Сванхейд, но Хельги чувствовала: та приготовилась к битве. – Ивар Широкие Объятия, Харальд Боезуб, Рагнар Меховые Штаны тоже жили далеко от некоторых своих владений. Это не мешало им быть величайшими из сынов Одина. Объясни мне самой, Эйрик: что заставило тебя разорвать договор и союз, который связывал тебя с нами целых двадцать пять лет?

– Я заключал этот союз с Олавом, конунгом Хольмгарда. Его больше нет, и в Хольмгарде нет конунга, кроме тебя, дорогая сестра. Как бы я ни любил тебя, – миролюбиво отвечал Эйрик, – я не могу подчиняться женщине и держать всю мою землю в подчинении у женщины.

– Я – не конунг в Хольмгарде. Конунг – мой сын Ингвар.

– Конунг Хольмгарда не может жить в Кёнугарде. Ингвар – конунг Кёнугарда. Он предпочел наследство Хельги Хитрого, получив его в приданое за своей женой, так? Это его право – выбрать себе наследство, когда есть из чего выбирать. Но выбор сделан, и от Хольмгарда он отказался сам.

– И теперь Хольмгарду нужен новый конунг! – не утерпел Несвет. – Не пришло ли время, госпожа, вспомнить, что я – старший сын Олава? Я рожден от законного брака, и даже если кто-то в этом усомнится, еще живы свидетели, и я представлю их хоть Сварогу и Перуну. Если твой сын не жалеет сидеть в Хольмгарде, то я не откажусь. И пусть кто-то скажет, что я недостойн!

– Твоя мать отказалась от твоего права наследования!

– Ее вынудили! На нее навели... – Несвет запнулся, все же не решившись в лицо обвинить Сванхейд в колдовстве. – Меня вынудили уступить твоему сыну, который в то время едва научился сам ложкой в рот попадать!

– С тех пор он научился еще очень многому! – В голосе Сванхейд послышалась угроза, острая и твердая, как клинок меча-корляга.

---

⁶ За первым льдом – по свободной воде весной, едва сойдет ледоход.

– Мы этого не видим! Он отказался от Хольмгарда, сам отказался от владений своего отца, будучи уже взрослым мужчиной, знающим, что делает. Ты, женщина, не имеешь права мешать мне... старшему сыну Олава... пользоваться моими правами!

Он волнения Несвет тяжело дышал и с трудом подбирал слова. Настал миг, которого он ждал всю свою взрослую жизнь: миг борьбы за княжеское наследство.

– Мой сын не отказывался от Хольмгарда. Он присоединил к нему Кёнугард, наследство Хельги Хитрого.

– Было бы похоже на правду, если бы он жил в Хольмгарде, а с Кёнугарда получал дань, – снова вмешался в разговор Эйрик. – Но пока все наоборот: он живет там, а отсюда ты шлешь ему дань. Но моей доли в этом не будет. Я не стану платить дань Хольмгарду, который сам платит Кёнугарду. Сама согласишься: это уж слишком унижительно для потомка Бьёрна Железнодорожного. Когда наш уговор заключался, условия были другими.

Сванхейд глубоко втянула воздух, готовясь отвечать. Что условия изменились – этого она не могла отрицать.

– Условия, Эйрик, стали лучше, – убедительно сказала она.

– Для кого лучше? – вклинился Несвет.

– Для нас, Эйрик. – Сванхейд, будто не замечая «пасынка», обращалась к брату. – Для нашего рода и всех его союзников. – Тут она взглянула на Несвета, будто вспомнив, что он, несомненно, принадлежит к роду Олава. – Теперь мой сын владеет путями и на Варяжское море, и на Греческое. Это очень выгодно. Куда лучше, если все эти земли находятся в одних руках.

– Но между ними немало других конунгов, не подчиняющихся Ингвару, – напомнил Эйрик.

– Их уже стало несколько меньше, – мягко заметила Сванхейд, откровенно стараясь, чтобы это не прозвучало как угроза. – Ты, может быть, слышал, что три лета назад Ингвар подчинил себе земли по Ловати, и там больше нет князя. А когда конунг владеет многими землями, он сам выбирает, где ему удобнее жить. Ингвар выбрал Кёнугард – там намного теплее, лучше земля, выше урожаи. Туда сходятся пути и стекаются богатства от множества разных народов – славянских и иных, от мери и чуди до печенегов и угров. Оттуда вдвое ближе до Миклагарда и хазарских земель. Ингвар правильно сделал, что избрал себе для жительства Кёнугард. И это ничуть не умаляет его прав на Хольмгард.

Слушая Сванхейд, никто бы не подумал, что полтора года назад она возражала против того, чтобы Ингвар сохранил власть над Хольмгардом, живя в Киеве. Тогда ее сумели переубедить, чтобы теперь она могла переубеждать других.

– Мне известно одно, – начал Эйрик, когда Сванхейд замолчала. – Олав конунг, с которым я заключал договор, умер. Нового конунга, владыки Хольмгарда, я не видел. Он не прибыл сюда ни прошлой зимой, ни нынешней. И не собирается, как я тебя понял. Твоему мужу я был несколько обязан... Хотя, если помнишь, в то время в Мерямаа разгорался мятеж, и я избавил Олава от труда самому его подавлять. Я обеспечил ему мир в этих краях, союз с Алмас-каном и выгодную торговлю с булгарами и сарацинами по спокойному... ну, по большей части спокойному пути. Чем я обязан твоему сыну? Ничем. Когда все это решалось, его не было на свете. Не думаю, что я согласился бы по-прежнему платить дань в Хольмгард, даже если бы твой сын сам похоронил отца и взошел на его престол после поминальных чаш. Но теперь, когда он живет за пару месяцев пути, я был бы глупцом и рохлей, если бы стал ему подчиняться. Мой род – королевский, это и твой род. Поэтому, дорогая сестра...

Эйрик медленно поднялся на ноги; расправив плечи, он и сейчас выглядел так внушительно, что Сванхейд невольно встала тоже, и тут же вскочили все вокруг стола.

– Я не хотел этого делать у вас за спиной, но теперь, когда ты здесь и мы смотрим в глаза друг другу, я объявляю: Мерямаа – моя земля, мое наследственное владение. Я, Эйрик сын

Анунда, ее конунг. И никому не подчиняюсь, никому не выплачиваю дани. Я готов быть другом и союзником твоего сына, моего племянника, но подчиняться ему не стану. Да слышат меня Фрейр, Ньёрд и всемогущий ас⁷.

Он сделал знак Хельге у него за плечом; трепеща от волнения, чувствуя себя истинной валькирией возле Одина, она налила меду в его чашу, и Эйрик поднял ее обеими руками к кровле. Даже Сванхейд выдохнула и немного склонила голову в знак почтения к богам, призванным к этому разговору.

Продолжать спор не было смысла: Эйрик принял решение, объявил о нем и призвал богов в свидетели. Дело решено.

Все сели и взялись за еду и питье, но без прежнего оживления, как будто придавленные значением свершившегося.

– Надеюсь, Сванхейд, ты не сочтешь себя в обиде, – снова заговорил Эйрик. – Я и впрямь хочу сохранить дружбу и с тобой, и с твоим сыном. Мы могли бы даже обменяться заложниками, как это было принято у вас с Хельги Хитрым.

– Вот эту девушку я охотно увезла бы с собой. – Сванхейд улыбнулась Хельге, но по ее лицу было видно, что она еще не справилась с неприятным потрясением. – Уже больше года, как Альдис вышла замуж и уехала от меня, и я была бы рада заполучить другую молодую девушку. Ведь больше дочерей у меня нет. Только Мальфрид, но она живет так далеко, – Сванхейд подавила вздох, – что едва ли мы еще когда с ней увидимся.

– У этой девушки, – Эйрик оглянулся на племянницу, – есть родители, и тебе придется уговорить их с нею расстаться. Но если ты оставишь мне вон того молодца, – он кивнул на Логи, – то кого-то из моих младших сыновей, Сигурда или Бьёрна, я бы мог тебе доверить.

Логи переменился в лице. При начале этого разговора его лицо озарилось радостной надеждой: если бы удалось увезти Хельгу с собой в Хольмгард, он бы радовался этому куда сильнее матери. Но чему же радоваться, если сам он останется в Мерямаа, и между ним и Хельгой по-прежнему будет месяц с лишним трудного пути!

– Видишь ли, Эйрик, – Сванхейд вздохнула, – нам с тобой не нужно обмениваться заложниками, мы ведь и так в близком родстве. Тебе нужен союз не со мной, а с Ингваром. Я без него не могу решать такие дела.

– Ну и много же вам пользы от такого конунга, что живет за тридевять земель, – вставил Несвет. – Туда идти – три посоха железных изотрешь, три пары башмаков железных стопчешь.

Сванхейд взглянула на него, и хотя взгляд ее не таил угрозы, Несвету стало под ним неуютно.

– Не всякий, кто вынашивает великие замыслы, может считаться великим человеком, – неспешно начала она. – Но великого человека не бывает без великих замыслов. Мой сын умеет видеть через горы, куда не достигают взгляды простых низкорослых людей. Он создаст великую державу, способную на великие дела. Неудивительно, что простым людям его замыслов не понять.

Несвет, при всех причисленный к «простым» людям с незрячей душой, в гневе сжал губы, чтобы не выдать в ответ откровенную грубость. Эйрик ухмыльнулся.

– Ты хорошо сказала, сестра! – С одобрением заметил он и уважительно приподнял свою чашу. – Но отсюда, где мы сейчас сидим, до Озерного Дома ехать полмесяца, а оттуда до Булгара еще месяц, если без приключений. Представь себе эти просторы! Только Один со своего небесного престола может увидеть все эти земли одновременно. Из Кёнугарда такое невозможно. Не надо запихивать твоему сыну в рот такой большой кусок, а то подавится. У него длины рук не хватит, чтобы все это удерживать в повиновении и порядке.

Несвет хмыкнул, чувствуя себя несколько отомщенным.

---

⁷ Древнескандинавская формула клятвы.

– Я вот не хотел бы такого куска, – добавил Эйрик. – Я правлю своей землей и не собираюсь посягать на большее, чем поместится у меня во рту. Если другие тоже будут поступать разумно, у нас не найдется причин для ссоры.

– Я выслушала тебя, – медленно вымолвила в ответ Сванхейд, глядя не в лицо Эйрику, а на сверкающую серебряную чашу у него в руках, – и постараюсь точно передать твоё решение моему сыну. Но если он не смирится с ним... будь готов защитить его перед Ингваром конунгом.

Она не хотела угрожать брату, но считала себя обязанной предупредить о последствиях.

– Ты ведь не думаешь, что я смел только в спорах с женщиной? – ухмыльнулся Эйрик.

– О нет. Ты своим упрямством извел даже нашего деда, а ведь его считали бессмертным! – не удержалась от укола Сванхейд.

– Я с молодости не уступал того, что считал своим, и с чего мне меняться в старости? Я честно служу богам и надеюсь, они не оставят меня и теперь.

Сказав это, Эйрик снова оглянулся на Хельгу и протянул ей чашу.

* * *

Сванхейд не могла так сразу отправиться назад – дружина, лошади, да и она сама нуждалась в отдыхе. Хельга была этому только рада и проводила с ней почти все время. Сванхейд охотно беседовала с девушкой: в глубине души ей было одиноко после того, как ее младшая дочь Альдис вышла замуж и уехала в Псков, на запад.

– Я привыкла, что при мне всегда есть какая-нибудь девушка, – рассказывала она Хельге. – У меня было несколько дочерей: Альвхильд, мой первенец, потом Мальфрид, потом Альдис. Альвхильд умерла тех же лет, как ты сейчас. Она была обручена, но не дожидаясь свадьбы. Мальфрид оставалась со мной долго: она вышла замуж за внука Хельги Хитрого, Олега-младшего, пока он жил у нас в заложниках. Когда Хельги Хитрый умер – это было двенадцать или тринадцать лет назад, – она вместе с мужем уехала в Кёнугард, где теперь правит Ингвар.

– Ингвар тоже женился, пока был в заложниках?

– Да, но его жена не из Кёнугарда. Он взял племянницу Хельги Хитрого, она жила на западе, возле Пскова, со своим отцом. Поэтому Ингвар имеет права на Кёнугард, как муж племянницы Хельги-старшего.

– Мальфрид и сейчас там?

– Н-нет... – Сванхейд отвела глаза, и Хельга поняла, что невзначай затронула болезненное место. – Она... уехала из Кёнугарда... когда Ингвар... Это длинная сага, не будем об этом. Еще у меня была Ульвхильд, падчерица, дочь Олава от первого брака...

– Первого? Она сестра Несвета? – Хельга широко раскрыла глаза.

– Нет. – Сванхейд коротко рассмеялась. – Его первая жена – Гейрхильд дочь Карла, он женился на ней совсем юным, когда сам жил в Кёнугарде. На Тихонраве он женился, когда Гейрхильд умерла, а он уже вернулся в Хольмгард. Ульвхильд было восемь или девять, когда я приехала в Гарды. Она вышла за сына Хельги Хитрого, Грима, но он не вернулся из сарацинского похода, и она овдовела всего в шестнадцать лет. Еще долго жила с нами, говорила, что больше никогда не выйдет замуж, но Хакон как-то сумел ее уговорить...

– Хакон? – еще сильнее удивилась Хельга, заставив Логи-Хакона вскинуть на нее глаза.

– Да не мой Хакон. – Сванхейд рассмеялась громче. – Другой – Хакон ладожский, сын Эйлава.

Хельга тоже засмеялась – над своей неспособностью разобраться в запутанных родственных отношениях северной руси.

– Но теперь и Ульвхильд замужем, а я взамен их всех получила только невестку, Бериславу. Она хорошая женщина, но у нее муж, свой дом, хозяйство...

Сванхейд охотно рассказывала о Хольмгарде, но не менее охотно расспрашивала Хельгу о ее матери и прочей семье. При этих беседах часто присутствовал и Логи, но больше отмалчивался. С Видимиром они были почти ровесниками, но не выказывали желания подружиться; встречаясь за столом, лишь обменивались небрежными, вызывающими взглядами. С Хельгой Логи тоже почти не разговаривал, но по другой причине: она слишком ему нравилась. Уверенный, что она на него не смотрит, он мог бы разглядывать ее без конца. Продолговатое лицо, правильные тонкие черты, большие, удлинённые серые глаза, слегка выступающие, нежно очерченные скулы – наследство ее мерянских прабабок, – пышные густые волосы, венчающие высокий белый лоб, придавали юной девушке невыразимую прелесть. К тому же она так бойка, уверенна без назойливости, так свободно говорит, почтительно, но непринужденно держится, что даже особы более знатного рода чувствуют себя польщенными ее улыбкой. Если даже Сванхейд не смогла перед ней устоять, чему же удивиться, что у молодого парня при виде Хельги захватывало дух. Если общий разговор вынуждал его к ней обратиться, он краснел и с трудом подбирал слова.

Видимир не оставлял это без внимания, и с каждым днем его острые глаза, устремленные на Сванхейд и ее сына, делались все более враждебными. Его брак с Хельгой оставался лишь в замыслах – хотя при надобности возраст обоих уже его позволял, – но видя, как на нее пялит глаза какой-то рыжий русин, Видимир возмущался, будто его ограбили.

– Что ты так на нее смотришь, будто хочешь съесть? – как-то поддразнила Видимира Хельга. Это было вечером, когда Эйрик у очага беседовал со Сванхейд, а Видимир наблюдал за ними из угла. – Твой отец добился бы большего, если бы показал себя ее другом, а не врагом!

– Мой отец добьется чего захочет! – Видимир перевел на Хельгу тяжелый взгляд. – Так и запомни. Посмотрим, долго ли ей еще думать, будто она нас одолела.

Может, это была пустая угроза бессильной злобы. Но что, если не пустая? Хельга присела рядом с Видимиром, вынудив его немного подвинуться на лавке.

– Да что вы можете ей сделать? – лишь миг подумав, небрежно прошептала она. – Сванхейд – королева, у нее вооруженная дружина. Вот-вот она уедет домой и думать про вас забудет!

– Может, уедет, – ответил Видимир, издали глядя на Сванхейд в отблесках огня, с чашей на коленях, – а может, и нет.

– Может, и я с ней уеду! – хвастливо сказала Хельга, видя, что нужно поддать жару. – А если не сейчас, то когда конунг поговорит с моими родителями. Сванхейд хочет взять меня к себе, чтобы я пожила при ней вместо дочери. И может быть, она даже захочет выдать меня за Логи! Раз уж я так ей понравилась, она будет рада взять меня в невестки!

– За этого рыжего сопляка? – Видимир покосился на нее. – Да он небось еще влюблен в свою кормилицу!

– Ох, я вижу, ты забыл, что он приходится тебе дядей! – С невинным ехидством Хельга покачала головой. – А ты ему – племянником! О своем дяде стоило бы говорить повежливее!

– Это... Лихо его мать! – Видимир, упустивший это из виду, даже покраснел от досады: оказалось, что от этого «сопляка» он сам отстает на целое поколение. – Он всего лишь сводный брат моему отцу!

– Однако он ваш родич именно по Олаву конунгу. И он выше тебя ростом!

– Вскоре он может оказаться там, где даже земляные черви будут выше! – Видимир сердито сузил глаза и поджал губы.

Это уже была угроза, которой Хельга не могла пренебречь.

– Что ты болтаешь? – Она развернулась к Видимиру и схватила его за руку. – Глупости! Ты как ребенок, что обещает пойти и убить всех великанов!

– Это не глупости! – Видимир тоже обернулся и второй рукой накрыл ее руку. – Это девчонки болтают, вроде тебя. А я – мужчина. Мы с отцом не позволим над нами смеяться. И когда она уедет отсюда... долго же им придется ждать ее в Хольмгарде!

– Если так, то вы сумасшедшие! – отрезала Хельга и бросила взгляд на Эйрика. – А конунг? Он – ее брат, и он только что поклялся соблюдать с ней мир! Если вы посмеете ее тронуть, ты думаешь, он это так оставит? Вам придется воевать с нашим конунгом и с Хольмгардом сразу. И никто не даст за вашу жизнь даже плевка.

Несколько мгновений они с вызовом смотрели в глаза друг другу, потом Видимир отвел взгляд.

– Я пошутил, – бросил он и отнял у Хельги свою руку, криво усмехаясь. – А ты и поверила, глупая.

– Вовсе я не поверила! – Хельга прикинулась будто обижена, но на деле сама не знала, поверила ему или нет. – Ведь если так... Вы вроде не едите лягушек, чтобы считать вас *настолько* сумасшедшими!

* * *

Не слишком удобно женщине, что молодой, что старой, жить в одном покое с полусотней мужчин, но Сванхейд мирилась с этим, зная, что путь королевы вообще непрост, а Хельга – от юного избытка сил, позволявшего в неудобствах видеть приключения. Ей выделили место возле Эйрика, и она спала у него под боком, возле очага, где поддерживали огонь всю ночь, в тепле и покое. Нужно было только дожждаться, когда закончатся бесконечные разговоры о поездках в Булгар, о войне Хельги Красного с хазарами в Боспоре Киммерийском и с греками в Таврии; а то еще Эйрик вспомнит что-то из тех давних лет, когда вел жизнь «морского конунга» с дружиной на пяти кораблях. Эйрик, правда, во сне храпел, как медведь, но это Хельгу не беспокоило: наоборот, навевало покой и чувство безопасности. Другое мешало ей заснуть в эти долгие вечера. Она привязалась к королеве Сванхейд, как к родной тете, хотя и напоминала себе, что в родстве с той состоит Эйрик – муж ее тетки по отцу, а у самой Хельги со Сванхейд кровного родства нет.

Что, если Видимир угрожал Сванхейд не от бессильной злобы? Что, если Несвет и впрямь задумал недоброе? У Сванхейд при себе два десятка человек, но Несвет может набрать и больше. Пусть его люди уступают хирдманам Сванхейд вооружением и опытом, но на их стороне хорошее знание местности и внезапность. Если с толком подготовить засаду, можно сразу выбить половину. Выросшая в семье военных вождей, Хельга знала, как делаются такие вещи. Но тогда войны не миновать – Ингвар, как ни будь он сейчас далеко, придет посчитаться с убийцами матери. И спросит с Эйрика – не был ли тот в сговоре с Несветом?

Может, все это глупые девчоночьи страхи, убеждала себя Хельга. Отчаянно ей хотелось с кем-нибудь посоветоваться. Лучше всего с матерью, или с отцом, или с братьями, но они далеко! Заговорить об этом с Эйриком она стеснялась. Он – конунг, в десять раз опытнее и лучше разбирается в этих делах. Если бы опасность существовала, он бы ее увидел. Кто она такая, девчонка, чтобы давать конунгу советы? Он взял ее с собой не для этого, а отвар шиповника готовить. Но и тянуть дальше нельзя – отъезд Сванхейд назначен на завтра.

В эту пору светает так поздно, что само утро приходит уже почти днем. Дневной свет прибывает по капле, медленно-медленно разбавляя густую ночную тьму. Когда небосвод из черного стал синевато-серым, в доме еще многие спали; сочтя, что это и есть рассвет, Хельга закуталась в шубу на бобрах и вышла. Перед этим она отвязала со своего ожерелья крайний камешек – серый, округлых очертаний, довольно плоский, и сжала его в кулаке.

Отойдя за угол дома – подальше от желтых замерзших луж на снегу под стеной, туда, где над головой простирали зеленые лапы огромные ели, Хельга раскрыла ладонь и обратилась к камешку с речью.

– Серый, дружок мой, – все ее камешки имели свои имена, – нужно тебе поработать. Мы должны позаботиться о госпоже Сванхейд, потому что она хорошая женщина, нельзя допустить, чтобы она стала жертвой коварства.

И зашептала, поднеся камешек ко рту:

Внемли, «ведьмин камень»,
Слушай волю Хельги,
Силой славных асов
Я повелеваю:
Пусть беды избегнет
Королева Сванхейд,
Пусть вернется в Хольмгард
Зла в пути не встретив!

Вслед за тем она поглядела на небо через дырочку в камне и подула туда. Потом поцеловала камешек и снова сжала в руке.

Когда Хельга вернулась в дом, Эйрик уже проснулся и сидел на краю помоста, гулко кашляя и потирая грудь. Готовая к этому, Хельга принесла от очага горшочек с отваром шалфея, чабреца, листа липы, душицы и мяты – то, что готовила ему каждое утро.

– Мне так нравится госпожа Сванхейд! – сказала Хельга, когда Эйрик взял горшочек и втянул запах распаренных трав и ягод шиповника. – Она прямо как женщина из сказаний!

– Я не могу отпустить тебя с ней, – мотнул головой Эйрик, считавший, будто понимает ее мысли. – Твоя мать откусит мне голову. Но если она и Арни тебя отпустят, то будущей зимой, когда их люди поедут из Булгара, сможешь поехать с ними.

– Я... я не прошусь ехать с ней. – Хельга встала на помосте на колени за спиной у дяди, взяла костяной гребень и стала бережно расчесывать его длинные полуседые волосы. – Я только тревожусь... – шептала она почти ему в ухо, чтобы люди поблизости не слышали. – Здесь такие глухие места... было бы вежливо... проводить ее немного дальше на запад, когда она поедет домой. Хотя бы два-три перехода. Ты не думал об этом?

Теперь, когда она заручилась помощью «ведьминоного камня», обратиться к дяде-конунгу ей было легче.

– Это я не счел бы за труд. Места здесь и правда... глухие. А глупость человеческая... – Эйрик не договорил, глядя в горшочек, и Хельга поняла, что все эти дни он думал о том же, о чем она. – Никакие ётуны со злобы не натворили столько зла, сколько заносчивые глупцы. Не следует давать им лишний случай...

О своем намерении проводить Сванхейд Эйрик объявил в тот же день. Сванхейд улыбнулась и поблагодарила, Логи бросил на Хельгу радостный взгляд – этот замысел означал, что он расстанется с нею на два-три дня позже. Но тот, ради кого этот замысел возник, только усмехнулся.

Через какое-то время Несвет подсел к Эйрику.

– Если ты вздумал провожать Сванхейд из-за меня, – тихо сказал он, – то не трудись напрасно. Я не собираюсь делать ей никакого зла. С места не тронусь и даже вслед не плюну.

– Уверен? – Эйрик повернул к нему голову.

– Чтоб мне до зари солнышка не видать! Зачем мне вступать в ссору между тобой и ее сыном... Подставлять свою голову, когда ты сам не хочешь о себе беспокоиться...

– Самое для тебя разумное, – Эйрик переложил чашу в другую руку и похлопал Несвета по спине, – предоставить мне разбираться с моими родичами.

– Да, разбирайся, когда Ингвар придет сюда с войском, – с ехидным дружелюбно пожелал Несвет, – требовать с тебя дань за все пропущенные годы. Но я вот что подумал. Он ведь летом собирается воевать с греками, а до той поры у него времени для тебя не найдется?

– Скорее всего, так.

– Ну а от греков он может и вовсе не вернуться. Так зачем нам сейчас утруждаться, если не пройдет и года, как боги сами избавят нас от беды? Вот тогда мы снова поговорим о Хольмгарде и кому в нем править.

Эйрик медленно поднял брови – эта мысль ранее не приходила ему в голову. Как истинный вождь, верящий в свою удачу, он не думал о поражении и смерти, даже когда в поход собирался не он сам, а его незнакомый племянник. Ведь родовая удача у них, потомков Бьёрна Железнобокого в Гардах, одна на всех.

Зато у Хельги отлегло от сердца: в доброту Несвета она не верила, но в его расчетливость поверила вполне.

А поход Ингвара на греков, ранее которого он не станет заниматься делами на севере, отсюда, из междуречья Мсты и Мерянской реки, казался далеким, будто само Затмение Богов.

Глава 2

Снег выпал, когда березы еще стояли в желтой листве, и не таял целый день.

– Смотри, Хельга, там осень, а там уже зима! – крикнул Арни-младший, восьмилетний двоюродный брат Хельги.

С вершины пригорка, где стоял Силверволл, было видно далеко, и Хельга понимала, что он имеет в виду. Лиственные рощи стояли в желтом уборе, вдоль речки, у серо-стальной воды, холодной даже на вид, стеной тянулись бурые камыши, слегка присыпанные снегом, – здесь еще была осень. Несколько белых домашних гусей, плававших в речке, тоже казались издали комками снега. А ельник выглядел уже совершенно по-зимнему: снег лежал на темно-зеленых лапах, полностью выбелил низенькую траву ближней луговины. Хельга глубоко вдохнула влажный запах снега, смешанный с запахом влажной палой листвы и прелой травы. Снег понемногу шел уже несколько дней, но быстро таял; теперь же похолодало, земля подмерзла, и следовало ожидать, что вскоре он ляжет. В Силверволле это вызывало немалое беспокойство: обоз из Булгара еще не пришел, и что будут делать путники, если Мерянская река замерзнет и они застрянут в нескольких переходах от дома? Большой беды в этом нет: устроятся в каком-нибудь большом яле на постой и отправят гонца в Силверволл, чтобы Арнор выслал сани и лошадей для перевозки товаров, но сколько это будет лишних хлопот! А то и какая-нибудь ватага из леса посягнет на дорожные товары – и такое случалось в дальнем пути.

В этот раз торговую дружину, ушедшую в Булгар, возглавлял дядя Вигнир – отец Арни-младшего, и с ним был Хедин, старший родной брат Хельги. Целое лето их не видели и с нетерпением ждали домой; но в таком далеком и трудном пути все может случиться. Живы ли они? Не унесла ли их смертельная болезнь по дороге через леса или в самом Булгаре? Не вышло ли каких столкновений с воинственными чермису, с буртасами, с самими булгарами? С хазарской русью, которую с русью северной связывали отношения далеко не дружественные? Вигнир имел богатый опыт дальних странствий. Почти тридцать лет назад он был в том войске, что впервые прошло от хазарского устья реки Итиль до Булгара, где в нее впадает Валга, а потом по Валге до Силверволла – так и выяснилось, что Силверволл и Булгар связывает прямой, без волоков, водный путь. С этого начался настоящий расцвет Силверволла: за эти тридцать лет он разросся вдвое больше, чем был до похода на Хазарское море. Теперь в нем жили не только меряне и русы, но и несколько пришедших с запада словенских родов, ловцов и торговых людей. Дворы тянулись вдоль речки, протекавшей от Силверволла к Огде. На всем протяжении ее виднелись высокие крыши выстроенных по мерянскому обычаю срубных домов на каменных опорах по углам, клети, загоны для скота.

Мальчишки пытались лепить снежки, но те, наполовину состоящие из холодной земли и палых листьев, летать не хотели. Хельга глубоко вдыхала свежий воздух с запахом холодной прели – в доме уже давно приходилось дышать дымом очага. Вот и зима! Зима наводила ее на мысль о путешествиях – как в прошлую зиму, когда дядя, Эйрик конунг, взял ее с собой в Видимирь на встречу с королевой Сванхейд... Увы, в этом году такой поездки не будет. Не о чем Эйрику больше говорить со своей сестрой. Лучшее, что ожидало Хельгу – на йоль, как и каждый год, поехать в Озерный Дом, на озеро Неро, вместе со всей семьей.

Дети тем временем сгребли снег в кучу и начали что-то из него лепить, хоть и было ясно, что даже толковой бабы пока не сделать. Хельга часто гуляла с младшим выводком двоюродной братии, то есть детьми ее дяди Вигнира от второй жены-булгарки. Среди светлоголовых мальцов руси и мери они выделялись более смуглой кожей, темными волосами, хотя разрез узковатых глаз и роднил их кое с кем из мерян.

– Хельга! Хельга! – К ней со всех ног бежал Арни-младший. – Смотри, что я нашел! Это он – «ведьмин камень»!

Почти врезавшись в сестру с разбега, мальчик протянул ей что-то на открытой мокрой ладони, порозовевшей от холодной воды.

– В ручье нашел! Он настоящий, да? Волшебный?

Находкой оказался небольшой, с лесной орех, серовато-бурый камешек причудливых очертаний и с дырочкой у края.

– Да, это он. – Хельга осторожно взяла мокрый камешек и осмотрела. – «Ведьмин камень», настоящий. Какой ты, Арни, везучий человек! Теперь можешь загадать желание. Пойдем, покажи, где ты его нашел.

Подпрыгивая от радости, Арни привел ее к берегу, где клочья снега выбелили жухлую траву и песок.

– Вот здесь!

По следам было видно, докуда мальчик дошел, прежде чем подобрать камушек и пуститься бегом назад.

– Возьми. – Хельга вложила камешек обратно ему в ладонь. – Теперь посмотри через дырочку на воду и скажи...

Она ненадолго задумалась, по привычке коснулась своего каменного ожерелья под теплым кафтаном на бобровом меху и произнесла:

Чудный этот камень
Мне богами послан,
Все желанья Арни
Норны исполняют.
Боги шлют удачу,
Мощь словам даруют,
Этой силой ныне
Я повелеваю...

– Говори, в чем твое желание? – добавила Хельга, когда младший брат повторил за ней.

– Хочу, чтобы отец и все его люди скорее вернулись домой! – выпалили Арни, сквозь отверстие в камне глядя на текучую воду. – И чтобы мне привезли коня!

– Хорошее желание! – Хельга вздохнула. – Все мы хотели бы увидеть дядю Виги поскорее.

– И Хедина!

– И Хедина.

– Теперь что делать – бросить его в воду? – Арни покачал камень на ладони.

– Нет, храни у себя. Я повешу его на шнурок, ты сможешь носить его на шее, и тогда удача будет с тобой всегда.

– Носить, пока желание не исполнится?

– Потом тоже можно. Когда удача в «ведьмином камне» иссякнет, он сам расколется на части.

– А если набрать их много? Как у тебя?

– Если найдешь их три, то удача будет с тобой десять лет. Если пять – то двадцать. А если семь, и все разных цветов, тогда удачи хватит до конца жизни.

– Я найду семь! А у тебя их сколько?

– У меня пока только пять.

– Если я найду больше, то поделюсь с тобой, – великодушно пообещал Арни, сжимая в кулаке свой первый залог удачи.

– Смотри этот не потеряй. И мы с тобой будем самые удачливые люди на свете!

Арни кивнул и побежал к другим детям, размахивая кулаком и крича:

– Бикташ! Икиви! Смотрите, что у меня есть! Я нашел «ведьмин камень»! И загадал, чтобы отец вернулся скорее!

– Где? Где? Покажи!

Стайка детей столпилась вокруг довольного Арни, плотно сомкнулись светловолосые, темноволосые, русые головки.

– И мне привезут коня! Настоящего! – В мечтах Арни уже видел все свои желания исполненными.

– Покажи, где нашел? – просила его подруга Икиви. – Мы тоже хотим камень!

Арни повел их к тому счастливому месту, и все принялись рассматривать мелководье и песок, надеясь, что «ведьмины камни», как и все живые существа, живут целыми родами. Но едва ли им еще раз повезет – камешки с дыркой, именуемые «ведьмиными камнями», или «камнями Одина», или даже «глазом Одина» отыскать не так просто. Хельга знала о них все – свой первый «ведьмин камень» она нашла, когда ей было около трех лет, и нипочем не хотела с ним расставаться. Но и камни ее любили: к двенадцати годам она набрала их уже три и сделала себе первое небольшое ожерелье.

«У нас в Свеаланде такие камни называют „Глаз Одина“, – рассказывала ей мать, когда Хельга, лет девяти или десяти, нашла второй по счету дырчатый камень. – У моей тетки Хравнхильд было их несколько».

«Эта тетка, которая была колдунья?»

«Да, она была очень сильной колдуньей. У Одина – один глаз, и в этих камешках тоже глаз. Поэтому в них – сила Одина. Если посмотреть через отверстие, то можно...

«Увидеть Одина?» – в волнении перебила Хельга.

«Увидеть тот свет и обратиться к нему с просьбой».

«Но если это – глаз Одина... то если посмотреть *в глаз Одина*»... – Хельга сама растерялась от пришедшей мысли.

Смотреть в глаз Одина – страшно!

«Через глаз Одина и можно увидеть тот свет. Он сам так и делает».

Мысль эта крепко засела в голове Хельги: бросая взгляд на отверстие камня, она слегка склоняла голову, не исключая, что Владыка Асов в этот время может смотреть на нее...

«Не заморочь ей голову твоей теткой, – говорил Арнор жене. – Не хочу, чтобы мои дочери играли в колдовство».

Он никогда не видел колдунью Хравнхильд, лишь кое-что о ней слышал; из уважения к Снефрид он молчал, но в глубине души знал, что предпочел бы обойтись без такой родни. И не согласился, когда Снефрид предлагала назвать ее именем сперва старшую, а потом и младшую дочь.

Когда родилась вторая девочка, ее собирались назвать Арнэйд – в честь сестры Арнора и жены Эйрика конунга. Держа на одной руке младенца, а другой брызгая на него водой, Арнор, как положено, произнес: «...и нарекаю ей имя...»

«Хельга!» – сказал чей-то голос прямо у него в мыслях.

«Хельга», – повторил Арнор, не успев подумать.

А когда сообразил, было поздно: на руках у него лежала Хельга дочь Арнора, и уже ничего не поменять. Он сам не понимал, что на него нашло: никто в семье с обеих сторон не носил имя Хельга, да и само имя больше пристало для женщины королевского рода.

Снефрид следовала совету и редко упоминала при детях о своей давно покойной тетке – и не только из покорности мужу. Обладательница бронзового «жезла вёльвы», полученного от той самой Хравнхильд, она знала, как опасно водиться с колдовством неподходящим людям. Она не хотела, чтобы ее дочери пытались подражать тетке, а так могло бы случиться: то, что она могла рассказать о Хравнхильд, прозвучало бы не хуже самых знаменитых сказаний. Но все

должно идти своим чередом. Если кровь предков по матери сама собой скажется в детях... значит, так пожелали норны, а с ними не поспоришь.

Хельга почти ничего не знала о том, что не только тетка матери, но и отец Снефрид, и его родители на востоке Свеаланда имели славу сильных колдунов. Однако с десяти лет она сама научилась складывать маленькие заклинания, призывающие силу камня исполнить желание, и уже к двенадцати среди детей имела славу «колдуньи». Ее прозвали Каменная Хельга, и братья иной раз поддразнивали ее, что это имя больше подошло бы троллихе. Однако даже братья, собираясь на какое-нибудь важное дело, просили у Хельги на время какой-то из ее камней, и она охотно одалживала их, веря, что сила Одина, призванная ее удачей, поможет и ее родичам. «Это у нее от деда», – сказала как-то Снефрид, чей отец, Асбранд Эриль, когда-то славился по всему восточному Свеаланду как лучший резчик рун на поминальных камнях. И много лет спустя его мудрость таким вот образом сказалась во внучке, рожденной на другом краю света. «И прозвище ее отца – Камень!» – добавила Виглинд, старшая сестра.

– Эй, дети, тише! – вдруг крикнула Хельга. – Слушайте.

Сквозь болтовню и крики она различила вдали на востоке некий звук... Может быть, это только ветер... Но нет! Ветром донесло знакомое пение рога – то, что часто предвещает новости и перемены.

– Тише вы, бобры! – закричал и Арни на мальчишек; отсутствие передних зубов мешало ему выговаривать некоторые слова, но ярость в голосе привлекла их внимание. – Это р-рог!

Разобрав, в чем дело, дети перестали бегать и повернулись на запад, в сторону реки Огды. Огибая Силверволл с севера, она впадала в большую Мерянскую реку, и именно оттуда в Силверволле уже давно ждали новостей.

И впрямь это поет рог! У Хельги сильно забилося сердце.

– Беги к дяде Арнору! – Она развернула Арни-младшего к воротам Силверволла и слегка подтолкнула. – Скажи, по реке идет обоз. Наверное, это твой отец приехал.

– Это все камень! – Арни, все еще державший в кулаке свою находку, в изумлении уставился на камень с дырочкой. – Смотри, Бикташ! Я только пожелал, и уже исполнилось! Значит, и конь мой тоже там!

Мальчишки умчались гурьбой, истошно вопя, будто на Силверволл напали ёлсы. Хельга еще постояла, глядя на дорогу. Самой Огды отсюда не было видно, и когда очередной обоз приходит, жители Силверволла бегут за две с лишним версты на берег – встречать своих родичей и друзей, разгружать лоды, перевозить товары, жадно расспрашивать о новостях далеких южных земель...

В нерешительности Хельга сделал несколько шагов к дороге. Как всегда при вести о приходе обоза, сердце сильнее забилося от тревоги, волнения, осторожной радости. К тому времени и другие расслышали звуки рога; народ выбегал из домов, и уже немалая толпа собиралась на дороге, тянулась к реке.

Мимо Хельги помчались несколько всадников – значит, отец уже услышал весть и выслал дренгов – проверить, кто же это прибыл. Дурные люди не стали бы предупреждать о себе рогом, но побережся стоило.

И если дядя Вигнир с дружиной наконец приехал, подумала Хельга, то отец непременно прикажет справлять Дисаблот в ближайшие дни. Они и так уже задержались, но Арнор не хотел отмечать начало зимы, пока не завершено главное дело лета и не вернулся его брат. А теперь... Хельги округлила глаза, сообразив, сколько работы всем вскоре предстоит, и устремилась в Силверволл.

* * *

Еще утром тихий и словно бы готовый заснуть на всю зиму, Силверволл к ночи сделался тесным, шумным и полным движения. Булгарская дружина насчитывала человек двести, и теперь всех их требовалось устроить. Большая часть была из местных жителей, и те пошли по своим домам; почти сотню людей из Хольмгарда поместили в гостевой дом, где прежде останавливались сборщики дани – по большей части эти же самые люди.

Из Хольмгарда они уехали год назад, прошлой зимой. По зимнему пути торговая дружина – как сборщики дани при Олаве – одолевала путь между Хольмгардом и Силверволлом и здесь оставалась до весны. Весной, когда вскрывались реки, по большой воде люди Олава и Эйрика спускались по Валге до Булгара и в то же лето возвращались назад. Успевали под самое начало зимы и здесь около месяца отдыхали, а когда прочно устанавливался санный путь, отправлялись на запад, в Хольмгард. Полное путешествие из Хольмгарда в Булгар и обратно занимало год. Сейчас вернулись те, кто уехал, еще пока старый договор между Хольмгардом и Мерямаа оставался в силе, и теперь им предстояло узнать весьма неприятные новости – о разрыве Сванхейд и Эйрика и о том, что эта их поездка в Булгар была последней. Решение Эйрика отныне считать себя независимым владыкой, горячо поддержанное и мерей, и мерянской русью, нарушило «торговый мир» с Хольмгардом, но на жизни в Мерямаа это пока никак не сказывалось. Если Эйрику удастся отстоять свою независимость перед Ингваром, будет заключен новый договор. Но какой? Когда? Минувшим летом Ингвар должен был отправиться с войском на Греческое царство, но чем завершился этот поход, принес он Ингвару славу или гибель, пока никто на севере не знал.

До самой ночи дом Арнора гудел, как пчелиное дупло. Это было старое, весьма обширное сооружение, неоднократно перестроенное разными поколениями владельцев и принявшее в итоге весьма причудливые очертания. Длинные сени шли вдоль стены теплого покоя, в середине располагался сам большой покой с выложенным камнем длинным высоким очагом, позади него еще один – спальня, и еще два, пристроенные с разных сторон – где нашлось место во дворе при жизни старого Дага. В очаге большого покоя горел огонь, и дым поднимался к высокой кровле; здесь же под началом хозяйки, госпожи Снефрид, варили кашу и жарили мясо, пекли блины и лепешки на глиняных сковородах. Во дворе ошипывали уток и опаливали боровка. Всем нашлось занятие – и двумя хозяйским дочерям, и племянницам, и невестке, и служанкам-мерянкам.

Занятая делом, Хельга ловила обрывки разговора отца с его братом Вигниром и с вождями хольмгардской дружины, которых Арнор по старой дружбе пригласил к себе за стол. Старшие из них еще помнили те давние времена, когда в этом доме их встречала сначала первая жена старого Дага – ладожанка Финна, потом вторая – мерянка Ошалче, подававшая им, по обычаю своего родного края, лепешки и кусочки сыра с мерянской медовухой – пуре. Теперь же хозяйка, госпожа Снефрид, снова обращал к ним приветствие на языке руси и подавала гостям рог, призывая на них благословение варяжских богов.

Все это были люди давно знакомые, ссора вождей не могла сделать их врагами, и теперь они оживленно толковали о делах своих владык, как о своих собственных. Хольмгардские русы досадовали, что из-за гордости Эйрика «торговый мир» разорван, но понимали, почему он так поступил.

– Как будто мы очень рады, что у нас больше нет конунга, а если есть, то где-то за два месяца пути! – ворчал Регинмод по прозвищу Залив, старший над торговыми людьми из Хольмгарда.

Это был мужчина на пятом десятке, с грубоватыми чертами лица и крупными продольными морщинами на лбу. Светло-рыжие волосы у него стояли торчком, как ежиные иголки,

одного из верхних передних зубов не хватало, что в сочетании с суровым взглядом серых глаз придавало ему вид человека, немало повидавшего, каким он и был на самом деле.

– Мы сами уже три зимы живем так, будто Хольмгард теперь платит дань Кёнугарду! – продолжал он. – Я вот надеялся, ты, Арни, меня порадуешь, скажешь, что наш новый конунг вернулся в Хольмгард...

– А он вон куда штевень повернул – на греков! – засмеялся его товарищ Финни Крылатый, но смех его был вызван скорее несуразностью, в его глазах, такого решения, чем радостью.

Финни был из купцов самым старшим по годам – его борода совсем поседела, но глаза оставались молодыми, зубы были целы. В левом ухе он носил серебряное колечко, как и мерянские русы.

– Без нас! – разочарованно воскликнул их младший товарищ, Гарди Кузнец. – Если ему повезет, он возьмет такую добычу, что станет богат, как старый тролль! Как Хельги Хитрый! Как думаешь, Арнор, греки ведь обросли новой шерстью за тридцать лет, с тех пор как Хельги Хитрый у них побывал?

После лета в жарких краях лицо Гарди приобрело бронзовый загар, как и других путников, светло-рыжие волосы выгорели, серо-голубые глаза на смуглом лице блеснули, как стеклянные бусины, а зубы в улыбке казались белее снега. В юности Гарди был недурен собой, но однажды в Булгаре переболел той хворью, от которой по всему телу вспухают гнойные пузыри; ему повезло, что он выжил и не ослеп, но от пузырей на лице остались мелкие рубцы.

– Вы что-нибудь в Булгаре слышали об этой войне? – спросил Арнор. – Что там у греков происходит?

Как и его отец, ныне покойный Даг, Арнор Камень был хёвдингом Силверволла, приносил жертвы в святилище на могиле своего предка, основателя поселения, и собирал дань, которую в прежние зимы передавали людям Олава. Дань он собирал по-прежнему, но теперь она вся шла Эйрику на озеро Неро и не далее.

– Мало что слышно. – Регинмод нахмурился. – На Хазарском море, говорят, ходят слухи, что на Греческом море идет какая-то война, и винили вроде бы русов, но мы не очень-то верили. Прошлым летом отличился какой-то Хелгу – захватил хитростью Самкрай, сидел там чуть ли не все лето, да еще и ушел с большой добычей. Мы думали, не наш ли это зять – ну, то есть Хельги-младший.

– Это другой, – поправил Арнор и посмотрел на дочь свою Хельгу. – Это какой-то родич Ингваровой жены, так сказала Сванхейд.

– Это сводный брат Ингваровой жены, – подтвердила Хельга в ответ на вопросительный взгляд отца. Она очень хорошо запомнила все, что рассказала Сванхейд. – А Хельги-младший из Кёнугарда уехал куда-то на запад.

– Всю родню Хельги Хитрого разогнал по дальним краям! – проворчал Регинмод.

– Я бы тоже так сделал, – спокойно заметил Арнор. – Уж если он сам сел в Кёнугарде, зачем ему родня прежнего конунга?

– Это и его родня. Ты же знал, Арни, что Хельги-младший был женат на дочери Олава, старшей сестре Ингвара? – спросил Регинмод.

– Что-то слышал. – Чужие дела Арнора не занимали.

– А почему «был»? – спросила госпожа Снефрид.

– То-то и оно! – Регинмод хмуро на нее посмотрел. – Худую весть мы везем нашей королеве. Там в Булгаре один местный рассказывал... человечек, который бобров у нас берет каждое лето... Он из этих. – Регинмод сделал руками такое движение, как будто вытягивает свою макушку вверх, желая изобразить высокую шапку. – Из рахдонитов. У них свои пути...

– Это такие прыткие тролли, – вставил Финни.

– Да, они через своих людей могут быстро передавать новости хоть от саксов к хазарам. Так он сказал, ему оттуда передали, что госпожа Мальфрид наша... В общем, говорят, умерла она прошлой зимой, у вендов, у их конунга Земомысла.

– О-о! – одновременно воскликнули Снефрид и Хельга.

Снефрид знавала Мальфрид только двадцать пять лет назад, пока та была маленькой девочкой; Хельга и вовсе знала ее лишь по рассказам Сванхейд. Именно о Сванхейд они обе разом подумали – каким ударом будет для немолодой королевы узнать, что старшая из ее дочерей, бывшая королева в Кёнугарде, умерла в такой дали от родины, в изгнании! Да еще и обрек ее на это изгнание не кто-нибудь, а родной брат Ингвар.

– О, как горько будет госпоже Сванхейд! – не удержалась Хельга. – И ведь это Ингвар виноват – если бы он не захватил Кёнугард, его сестре не пришлось бы умереть на чужбине!

– Вот мы и думаем, – Регинмод хмуро взглянул на нее, – как бы не оказалось, что он всю свою удачу растратил. Вражда с родичами до добра не доводит.

– И этот человек хотел быть нашим конунгом! – неодобрительно бросил Арнор. – Но с чего бы нам думать о нем хорошо?

– Если бы он хоть дал себе труд показаться нам на глаза, – добавил Вигнир, – мы бы могли судить, что он за человек. Но пока мы слышим о нем только дурное, и пусть не удивляется, что теперь мы подчиняемся только своему собственному конунгу!

Пока старшие обсуждали дела владык, Хедин сделал Хельге знак, приглашая к нему подойти. Еще до женитьбы Арнор как-то получил предсказание, что у него будет двое сыновей, и очень удивился, когда после свадьбы Снефрид произвела на свет девочку. Даже было решил, что все предсказания – пустая болтовня. Двое сыновей появились вслед за этим – один через два года после Виглинда, а второй через пять. А через девять лет норны послали Арнору и вторую дочь. Хедин был старшим из сыновей, на семь лет старше Хельги, и очень сильно напоминал отца – и внешностью, и повадками. Такой же рослый, с продолговатым лицом, с простыми чертами, он не выглядел красавцем, но его очень красил отпечаток ума и твердого нрава. Он был молчалив и не склонен к веселью – как и сам Арнор, и так же храбр и решителен. Хельга любила обоих братьев, но Хедина почему-то больше; его возраст и сдержанные повадки приносили в ее любовь оттенок почтения.

При виде Хельги его большие, как у нее, удлинённые серые глаза потеплели.

– Поди сюда. – Когда Хельги подошла, Хедин кивнул ей на скамью возле себя, приглашая сесть. – Я тебе кое-что привез. Ни за что не угадаешь.

– Мы думали, ты привезешь нам невестку! – Хельга улыбнулась. – Какую-нибудь смуглую деву с черными очами!

Хедин хмыкнул и отвел глаза.

– Этих «невест» там целый рынок. Нет. Еще подумай.

– Украшение?

– Нет.

– Что же тогда? Ну, покажи, пожалуйста! – Хельги тронула его за плечо, изнемогая от любопытства. – Что-нибудь шелковое?

Медленно-медленно Хедин расстегнул красивую сумочку на поясе, покрытую блестящими бронзовыми бляшками – такие носили почти все путешественники, приезжавшие из Булгара, – вытащил кожаный язычок из скобы, поднял крышку, пошарил внутри, вынул какой-то лоскут и протянул Хельге.

Взяв лоскут, она ощутила внутри что-то твердое и стала развязывать узел. То, что внутри, на ощупь напоминало орех, только не круглый, а немного сплюснутый и с неровной поверхностью. Наконец узел поддался, Хельга развернула лоскут и повернулась к свету очага.

В лоскуте лежал камень, но такой, каких она никогда не видела. Удивительного цвета – ярко-голубой, с небольшими черными прожилками. Поверхность его была покрыта округлыми

выступами, будто составлявшее его вещество мгновенно застыло во время кипения. Но главное – ближе к краю в нем виднелось небольшое неровное отверстие, словно проделанное острым клювом какой-то очень упорной птицы.

– О-о-о... – Изумленная Хельга не сразу нашла слова. – Это же «ведьмин камень»... «Глаз Одина»... только... никогда не видела такого камня! Он голубой! Как кусочек неба!

– Он называется «фирузе». У сарацин верят, что он приносит удачу сам по себе. А тут еще с дыркой...

– Где же ты достал такое чудо? – Хельга смотрела на брата, широко раскрыв глаза.

– В Булгаре в одной лавке увидел. Вспомнил о тебе... Такого у нас в Медвежьем ручье не найдешь.

– Вот это да! – Зажав чудный камень в кулаке, Хельга горячо обняла Хедина, и он слегка нахмурился. – Спасибо тебе! Какой ты добрый! Он же, наверное, дорогой?

– А... – Хедин небрежно махнул рукой. – Куниц еще наловим. А такая удача, может, за всю жизнь только один раз и встретится.

– Я буду его беречь всю жизнь! – Хельга пылко прижала руку с камнем к сердцу. – Хедин, какой ты хороший!

Хедин страдальчески нахмурился: вот только этого не надо.

– Сколько их теперь у тебя – шесть?

– Шесть. Еще один – и мне обеспечена полная удача на всю жизнь!

От радости Хельга чуть не запрыгала, и глаза Хедина смягчились от невидимой улыбки.

– Тот старик еще сказал: этот камень приносит счастье в любви! – крикнул Гарди Кузнец, разглядев со своего места, чем они заняты. – Береги его, Хельга, может, с этим камнем тебя полюбит какой-нибудь конунг!

– Эйрик говорил, он видел одного, который был бы не прочь! – подхватил Вигитор, брат, родившийся между Хедином и Хельгой.

Он намекал на рыжего Логи, сына Сванхейд, и Хельга закатила глаза: уже год ее дразнили Логи-Хаконом. Кругом добродушно смеялись, а она подумала: если загадочная «фирузе» приносит счастье в любви, то лучше бы Хедин оставил ее себе! Ей всего шестнадцать, у нее еще есть время...

* * *

Новости этого вечера имели немалое влияние на судьбу Хельги дочери Арнора, но узнала она об этом лишь пару недель спустя. В Силверволле справили Дисаблот – праздник начала зимы, благодаря богов и дедов за все посланные за лето блага. После этого часть обоза тронулась дальше по Огде на юг, к озеру Неро и Озерному Дому, где ждал Эйрик, чтобы получить свою часть булгарской прибыли и в свою очередь отпраздновать Дисаблот. В последние два десятилетия, когда путь на Булгар был наконец освоен, так сложилось, что мерянские русы отмечали Дисаблот после возвращения обоза – прибыль от поездки в Булгар для них и составляла главный урожай года.

Каждую осень, если не случалось каких-нибудь помех, Арнор с родичами ездил на эти дни к Эйрику. Эйрик был женат на родной сестре Арнора, Арнэйд, и вожди Силверволла составляли с ним одну семью. Хельга бывала здесь два-три раза в год и хорошо знала это место – древнюю мерянскую твердыню, чьи высокие валы в петле реки Гды, вытекавшей из озера Неро, были возведены мерянами пару сотен лет назад, когда русские вожди из Хольмгарда впервые появились здесь и повели борьбу за покорение этого племени. Мерю удалось подчинить и обложить данью, но до недавнего времени она полностью сохраняла свой уклад и управлялась своими старейшинами. Последний из этих старейшин, Тойсар, погиб в сраже-

нии с Эйриком двадцать пять лет назад, и с тех пор меряне обзавелись собственным русским конунгом, как и многие славянские и чудские земли до них.

Вверх по течению Огды – Путевой реки – от Силверволла ехали целых четыре дня. Опять потеплело, снег растаял без следа, часто принимался идти дождь. Женщины намерзлись, сидя в лодьях на речном ветру, прижимаясь друг другу. Но вот Огда вывела длинную цепь лодий в озеро Неро; обогнув его, вошли в устье другой реки – Гды, а там уже все были несказанно рады завидеть наконец длинный холм и валы крепости. Хельга знала, что по-мерянски селение называлось Арки-Вареж – «высокий город», и только Эйрик, в первые годы жизни здесь не знавший мерянского языка, дал ему другое название – Ватнсстадир, Озерный Дом.

Облик самого города за двадцать пять лет не слишком изменился: по устройству он остался мерянским. Длинный холм лежал в петле реки, с трех сторон окруженный водой и защищенный валами; внутренние валы делили его на несколько частей. Эйрик жил на старом Тойсаровом дворе, лишь несколько ветхих построек заменили на новые, а гридницей ему служил стоявший отдельно старый гостевой дом, где в былые времена останавливались сборщики дани. Даже из старого мерянского населения кое-кто остался, хотя русы теперь составляли тут не менее половины жителей. Постройка, где на конунговом дворе обитали служанки и незамужние женщины, где готовили пищу и занимались рукоделием, по-прежнему именовалась мерянским словом «кудо». Туда-то гости и направились, зная, что там их радостно встретят, согреют у большого очага, накормят и устроят отдыхать на широких спальных помостах, верхнем и нижнем. Будучи девочками, Хельга и ее двоюродные сестры рвались спать наверху, но теперь даже младшая дочь Эйрика, Дагни, пренебрегала верхним помостом, оставляя его служанкам. Ей было уже тринадцать, она носила хангерок с золочеными застежками, бусы в три ряда и держалась с важностью, как истинная дочь конунга. Все три дочери Эйрика – Алов, Арнхильд и Дагни – были еще довольно юны и не вышли замуж.

На другой день после приезда родичей Эйрик устроил долгожданный пир Дисаблота. Но и на пиру в честь богов и альвов – подателей благ – продолжались разговоры о войне и мире. И русы Мерямаа, и сами меряне поддерживали намерение Эйрика избавиться от власти Хольмгарда – платить кому-то дань унижительно, и принудить к этому можно только военной силой, но сейчас, как все полагали, у Хольмгарда больше нет сил принуждать к чему-то Мерямаа. Разве это сила, когда там правит женщина! Не сама ли госпожа Сванхейд поведет войско, нарядившись в кольчугу и шлем, как валькирия? Об этом подвыпившие мужчины говорили со смехом, даже те, кто хорошо знал Сванхейд и ее достоинства. О ее сыне, Ингваре, которого она объявила наследником отца, даже в Хольмгарде знали мало: за всю жизнь он побывал там лишь один раз. Волховская русь считала себя оскорбленной его пренебрежением, и если бы не уважение к Сванхейд, пожалуй, и сам Хольмгард не признал бы Ингвара конунга.

Помогая королеве, своей тетке Арнэйд на пиру, Хельга с любопытством прислушивалась к этим разговорам. Ее трогало все, что касалось Сванхейд, и невольно она ловила упоминания о Логи. Ведь если бы Ингвар навсегда остался в Кёнугарде, конунгом на севере мог бы стать кто-то из его братьев...

Три дня шли пиры и разговоры. Приезжали мерянские старейшины-кугыжи; они сами были жрецами для своих богов и приносили Кугу-Юмо и Юмалан-Аве жертвы в своих священных рощах, но не отказывались посидеть за столом своего русского владыки.

На третий вечер в кудо пришла служанка и позвала Хельгу в хозяйский дом. Перейдя двор, Хельга застала там всех своих родичей-мужчин с Эйриком во главе; когда она вошла, все воззрились на нее с любопытством и ожиданием, как на неведомое диво. В глазах Арнора и Хедина отражались сомнение и даже тревога. Хельга взглянула на мать: Снефрид смотрела на нее с изумлением и недоверчивым восторгом, словно ей явилось божество.

– Поди к нам, Хельга, – приветливо кивнул ей Эйрик, занимавший место в середине кружка, близ очага. – Скажи-ка нам: ты хотела бы навестить сестру мою Сванхейд в Хольмгарде?

– Сванхейд... навестить? – Хельга широко раскрыла глаза.

– Ну да. Помнится, она говорила, что охотно примет тебя пожить к себе, если ты пожелашь и родители тебя отпустят.

– Я... была бы не прочь... но почему?

Почему об этом вдруг заговорили почти год спустя?

– Присядь.

Худощавый белокурый Сигурд, третий сын Эйрика, вскочил с места и отошел к отцу за спину; при этом он подмигнул Хельге. Она села на его место, сложила руки на коленях и выжидательно воззрилась на дядю. Ничего подобного она не ждала. Еще прошлой зимой, вернувшись из Видимира, она упоминала родичам о приглашении к гости к Сванхейд, но отец только нахмурился, не воспринимая это всерьез. Да и правда: ради чего молодой девушке ехать в такую даль?

«Логи!» – осенило Хельгу. Может, Эйрик решил просватать ее за юного Логи? Сильно забилося сердце, и Хельга коснулась ожерелья. Теперь оно состояло из шести «ведьминых камней», и почетное место в середине занимала заморская фируза, блестящая, как голубой глаз какого-то бога. Говорят, фируза приносит счастье в любви и возвышение – благодаря ей она станет невесткой конунга? О Фрейя! От волнения закружилась голова.

– Ты ведь слышала, Регинмод и его люди говорят, что умерла старшая дочь Сванхейд? – начал Эйрик. – Та, что вышла за Хельги-младшего, лет десять была королевой в Кёнугарде, а потом ее с мужем выгнал оттуда ее собственный брат, то есть Ингвар?

– Да, это Мальфрид.

– Анунду пришла мысль. – Эйрик посмотрел на своего старшего сына. – Когда Сванхейд узнает, что ее старшая дочь умерла...

– И что в живых у нее осталась всего одна дочь, и та живет где-то очень далеко... – подхватил сам Анунд, такой же рослый и плотный, как отец. Рыжие волосы у него были темнее, цвета верескового меда.

– Она будет особенно рада заполучить девушку, которая ей нравится, – закончил Эйрик.

– Это будет ей хоть каким-то утешением, – вздохнула Арнэйд. – Она же, бедняжка, родила десять или одиннадцать детей, а теперь живы только Ингвар, два его брата и та девушка, что живет в Пскове.

У Арнэйд было три дочери, и она хорошо понимала чувства другой женщины, у которой из трех дочерей в живых осталась лишь одна, и та в разлуке с нею.

– И ты хочешь, чтобы я поехала в Хольмгард... утешить ее? – Хельга недоверчиво посмотрела на Эйрика.

Она знала, что дядя ее, при его воинственном и гордом нраве, в целом довольно добродушен, с близкими приветлив, с гостями щедр, но никак не думала, что он ради одного милосердия захочет отослать племянницу в далекий Хольмгард, особенно когда между семьями нет согласия. Оттого так хмуры отец и братья, так взволнована мать.

– Будет хорошо, если ты ее утетишь, я ведь не желаю зла моей сестре. Она за всю жизнь не сделала мне ничего худого. Она себе навредила, отдав права на Хольмгард тому сыну, который не желает там жить... Но это ее решение, и она за него ответит перед богами.

– А мы еще вот что подумали! – вставил Анунд, не в силах дожидаться, когда неторопливый конь отцовской речи доведет их до дела. – Мальфрид умерла в изгнании, и вынудил ее к тому ее брат Ингвар. Эти волховские всякое рассказывают, отчего Сванхейд решила все ему отдать, этого нам повторять не годится. Изгнание сестры из Кёнугарда Сванхейд ему простила. А вот вопрос – простит ли она ему смерть сестры?

– Но разве он виноват?

– Можно сказать и так. Мы не знаем, отчего она там умерла, но можно думать, что тому виной изгнание, а значит, Ингвар. Если она умерла от горя и стыда, что родной брат так с нею поступил, от лишений на чужбине... Или их мать так подумает...

– И что? – Хельга тоже нахмурилась. – Я не стану наговаривать... откуда же мне знать, как там все вышло?

Анунд слегка поджал губы, будто она его разочаровала, но лишь на миг.

– Ничего тебе не надо наговаривать. Тебе полезно просто быть рядом с ней.

– Нам важно знать, как она это примет, – снова заговорил Эйрик. – Разгневется ли на своего сына? Насколько сильно? И что из этого последует? Может быть, она передумает признавать его наследником Олава?

– Ингвар ведь так и не побывал в Хольмгарде, – добавил Арнор. – Не приносил жертвы, не садился на отцовский престол. Сванхейд еще не поздно передумать. Посадить туда другого. Тородда...

– Или Логи! – вставил Сигурд и опять подмигнул Хельге из-за спины сидящего отца. – И ты, сестренка, если не будешь зевать, сможешь стать королевой в Хольмгарде!

– А даже если и нет, – подхватил Анунд, – тебе полезно побыть рядом со Сванхейд... последить, чтобы больше никто не склонял ее простить Ингвара, когда он вовсе этого не заслуживает...

– Чем же я помешаю? – Хельга растерялась, вообразив задачу, слишком сложную и для более опытного и ловкого человека.

– Тебе не надо ни во что такое вмешиваться, – успокоила ее мать. – Просто мы подумали... У Сванхейд и впрямь появится весомый повод гневаться на старшего сына, и если в это время она будет видеть перед собой младшего сына и готовую жену для него, такую хорошую, как ты... это может обратить ее мысли в нужную сторону.

– И вы все хотите, чтобы я вышла за Логи? – Хельга окинула взглядом лица родичей вокруг очага.

Юной девушке приятно помечтать за пряжей о том, что она станет королевой. Но теперь, когда ей предстояло такое далекое путешествие и трудная задача, Хельга ощущала лишь смятение и неуверенность.

– Если Сванхейд так пожелает, я, может быть, и не откажусь, – ответил Эйрик. – Сейчас еще рано решать: посмотрим, как у них пойдут дела и будет ли нам полезен такой брак. Если наши норны будут злы, то может случиться война...

– И будет очень дурно, если случится война, а моя сестра останется в заложниках! – почти перебил дядю Хедин: ему-то этот замысел вовсе не нравится.

– Войны с Хольмгардом никто здесь не желает, – успокоил его Эйрик, – Сванхейд все-таки моя сестра. Но если ее сын на это решится, без боя мы не сдадимся. И нам важно знать, что у них происходит. Можешь поехать ты, Хедин. Но думается мне, от Хельги там будет больше пользы.

– Я поеду с ней, – твердо, как о несомненном деле, сказал Хедин, и Хельга разом почувствовала облегчение.

– Если твой отец не против...

– Это ясно, что одну ее никто не отпустит, поедет кто-то из мужчин, – кивнул Арнор. – Но надо ли ей ехать... Сомневаюсь я, что стоит впутывать девушку в такие дела.

Хельга ощутила беспокойство: как бы отец не уперся. Если он откажется отпустить дочь, Эйрик не сможет его принудить: Арнор был более подвержен доводам рассудка, чем его зять-конунг, но если считал себя правым, мог проявить не меньшее упорство. Однако ей уже хотелось поехать: смятение перерастало в волнение и предчувствие чего-то необычайного,

а возможность перемен всегда притягательна для юной души. Молодые живут ради будущего, а будущее и есть перемены.

– Пусть решает Снефрид. – Эйрик посмотрел на мать Хельги. – Из нас из всех ей яснее видна воля богов.

Никто не знал об этом лучше Эйрика: уже более двадцати пяти лет именно Снефрид держала в руках нить его судьбы и удачи, протянутую к земле от небесного Источника Урд...

Глава 3

– Почему это Хельга должна стать новой королевой в Хольмгарде! – возмущалась Алов, старшая дочь Эйрика, когда в кудо проведали, о чем говорили родичи-мужчины. – Она не королевского рода и даже не старшая дочь!

– Ни ты, ни я не можем выйти за Хакона сына Олава, – успокаивала ее Арнхильд, улыбаясь Хельге, – самая некрасивая из сестер и самая добродушная. – Нам он троюродный брат, а Хельге нет.

– Ей всегда везет! Тоже, что ли, начать эти дурацкие камни собирать?

– Может, они еще передумают и никуда она не поедет! – Младшая, Дагни, тоже нашла, чем утешить сестру.

Как ни трудно было Хельге поначалу поверить в эту поездку, через шесть недель после Дисаблота, когда замерзли реки и установился прочный зимний путь, она сидела в сани, и сани увозили ее от родного Силверволла на северо-запад. Впереди ее ждали десятки дневных переходов: сперва по Мерянской реке, потом через леса до Мсты, которая служила уже непрерывной, хотя и извилистой, дорогой к озеру Ильмень и Хольмгарду близ него. Страшно было подумать о таких просторах, о заснеженных лесах без конца и края. К счастью, этот путь был освоен очень давно. Более ста лет предки Олава собирали дань с мери, и для дружины сборщиков вдоль всего пути были выстроены дома: русы называли их «конунговыми дворами», но чаще – славянским словом «погост». Как говорил Хельге Хедин, в погостах тесно, холодно – там же весь год не топят, – сыро, пахнет плесенью, валяется всякий мусор и объедки, а иной раз бывает, что внутрь заберутся звери или заляжет на зиму медведь. Часть их она уже видела, когда вместе с Эйриком ездила в Видимирь – и правда, хорошего мало. Но все же это было хоть какое-то пристанище в зимнем лесу. Их мать, Снефрид, когда-то совершила этот самый путь, только в обратном направлении – из Хольмгарда в Силверволл, с дружиной знаменитого воеводы Свенельда. Хельга надеялась, что у нее хватит сил проделать то же, что проделала мать. Правда, та была в то время почти на десять лет старше.

С матерью у Хельги выдался незадолго до отъезда удивительный разговор. В эти недели, по мере того как приближался срок отъезда, у многих находился для Хельги ценный совет (особенно у сестры Виглинд, уже давно замужней). Но мать поведала нечто особенное.

– Я почти уверена, моя дорогая, что в Хольмгарде ты найдешь свою судьбу, – сказала она как-то утром, усадив дочь возле себя в уголке на ларь. Служанки в этот час чистили очаг, больше никого рядом не было. – И должна кое-чем с тобой поделиться, на случай, если тебе понадобится особая помощь...

Хельга насторожилась; сердце забилося сильнее. Она знала, что ее мать принадлежит к числу тех женщин, что на ее далекой родине называются «всеискусными женами», причастными к ворожбе и умеющими даже влиять на судьбу. Снефрид мало говорила об этом с домашними, и лишь после замужества Виглинд начала обучать ее ворожбе с веретеном и нитью. Бронзовый «жезл вёльвы» она хранила в запертом ларе, и Хельга видела его всего несколько раз в жизни. У них с Виглинд была слишком большая разница в возрасте – целых девять лет, и та вышла замуж, еще пока Хельга была совсем девочкой, поэтому они не были особенно близки и не говорили между собой о том, о чем обе с волнением думали: рано или поздно мать должна будет передать «жезл вёльвы» одной из них. Неужели сейчас она узнает что-то о таинственных силах, заключенных в нем?

– Ты ведь помнишь сагу о том, как к моему предку, Асбранду Снежному, явилась дочь конунга альвов?

– Да, конечно! – Хельга заглянула в глаза матери.

При огне они казались просто светлыми, но под солнцем был виден их истинный цвет: серебристо-серый, с легким отливом лепестка лесной фиалки. Глаза женщины из Альвхейма.

– Мы ведем свой род от нее, от валькирии Скульд. Поэтому у нас есть покровители... там. – Снефрид показала глазами вверх, имея в виду небесные миры. – Я не слышала в детстве, чтобы мой отец или его предки пользовались этим покровительством, но я знаю, что родичи Скульд и сейчас признают это родство. Ты понимаешь, что такие силы нельзя тревожить попусту... кроме самого крайнего случая, когда в опасности будет твоя жизнь, свобода и честь. Я надеюсь, ничего такого тебе не понадобится. Но все же запомни...

Снефрид замолчала, будто не могла окончательно решиться – или ждала тайного знака, разрешения либо запрета. Хельга ожидала с замиранием сердца; было чувство, словно вот сейчас прямо в воздухе над очагом, среди тьмы длинного дома, приоткроется дверь и она увидит блеск радужного моста, ведущего в Асгард...

– Если тебе *очень* понадобится помощь и больше некого будет позвать... тогда скажи так:

Мой милый живет на высоких ветрах,
Мой милый летает на черных крылах,
В небесном чертоге ты, я – на земле.
Зову тебя, ворон, явись же ко мне!

– Что это за ворон? – прошептала Хельга, восхищенная и подавленная этой тайной.

– Это... тот, кто сумеет тебе помочь... если отзовется. Я не могу обещать... что он... – Снефрид явно колебалась, что еще следует рассказать. – Это было так давно! В последний раз я видела его еще по пути сюда – до того как впервые попала в Силверволл. И, скажу честно... Они предупредили меня, что больше не станут мне помогать. Но ведь ты – не я, а в тебе тоже течет кровь Скульд. Я не обещаю, что на этот призыв будет отклик, но я хочу, чтобы ты знала... Могла попробовать, если будет большая нужда. Только умоляю тебя, – Снефрид взяла руку дочери, – не произноси его, просто чтобы посмотреть, выйдет что-то или нет. Пойми – это очень могущественные силы, человеку опасно их рассердить. Их нельзя тревожить ради любопытства. Обещай мне.

– Обещаю...

Любопытство, конечно, скреблось в дальнем углу души, но страх был сильнее.

– Я надеюсь, тебе не встретится никаких особых опасностей, – добавила Снефрид. – О безопасной дороге для тебя я позабочусь.

– И еще у меня есть «камни Одина»! – Хельга прикоснулась к ожерелью из камешков на груди.

Снефрид переменилась в лице, ее глаза сверкнули серебром.

– Более всего я желаю, – выпустив руку Хельги, она молитвенно сложила ладони, – чтобы Одноглазый Владыка ни разу не бросил на тебя ни единого взора!

«Хватит того, что я вызвала его недовольство, – подумала она, не собираясь пугать дочь этой давней сагой. – И нет... не может того быть... чтобы...»

Чтобы тот, для кого время ничего не значит, вздумал отыгаться на Хельге – этого Снефрид боялась, но даже в мыслях не смела об этом сказать...

Кроме брата, Хельгу сопровождала служанка, Естанай: в меховой шапке и кафтане из овчины, она сидела в тех же санях, что и Хельга. Естанай была дочерью Кеганай, старшей служанки в доме Арнора, и здесь же выросла. Замуж она не стремилась; лет пять назад ее пытались похитить на летнем празднике Сюрэм, как это у мерян водится, но она, рослая и сильная, избила двоих похитителей и швырнула в реку. Не будучи рабыней, она могла бы отказаться ехать с Хельгой в Хольмгард, но уступила просьбам хозяйки, боявшейся отпускать дочь одну в чужие люди, как далеко от Силверволла.

Первая часть пути была Хельге уже знакома – год назад она проделала ее вместе с дядей, Эйриком конунгом. От Силверволла до Мологи, потом по Мологе и Чагодоше, потом по Песи – более двух недель обоз полз по заснеженным руслам. Иной раз в погостах оставались на две ночи – если требовалось устроить охоту для пополнения запасов или проехаться по окрестным мерянским ялам в поисках сена для лошадей. Обычно дружина делилась на три части: одни искали добычу, другие – сено, третьи оставались сторожить товар, чинить сани, упряжь, разное снаряжение, стирать рубахи. Одежду, исподнее, обмотки, промокшие чулки и обувь сушили у огня, что добавляло духоты, но некоторым, не имевшим достаточного запаса, приходилось утром надевать влажное. Простывшие в дороге могли немного отдохнуть и подлечиться – Хельга исправно всех снабжала целебными отварами, взяв с собой из Силверволла целый мешок сушеных трав, ягод шиповника, малины, брусники. Хедин обычно уезжал, а Хельга со служанкой всегда оставалась в погосте готовить еду. Из своих припасов варили кашу, а когда привозили и разделявали добычу – обычно лося или вепря, – то принимались жарить мясо, что получше, а из чего похуже варили похлебку с той же крупой и луком. Днем Хельга, бывало, мерзла, сидя в санях, хоть Хедин и закутывал ее в медвежью шкуру от ветра и снега. Но и ночью в погосте, накрытая той же шкурой, она не чувствовала себя уютно. Спать приходилось в одежде, укрываться кожухом – нетопленные весь год, погосты не прогревались за вечер и ночь, да и сквозняков хватало. Бани были не при каждом погосте, а лишь при некоторых, где устраивали дневку через пять-шесть переходов. Хельга держалась стойко, подкрепляя свой дух мыслью о королеве Сванхейд и Хольмгарде, ждущих ее впереди, но казалось, этот тяжелый путь никогда не кончится.

Но вот наконец река Песь привела их к озеру Видимирь и к самому Несветову городку. Изумление на лицах Несвета и его сына, когда они увидели среди мужчин румяную от мороза Хельгу, почти вознаградило ее за тяготы пути. Несвет ожидал, что примерно в это время здесь проедут, возвращаясь домой из Булгара, люди Сванхейд, но появление Хельги было для него полной неожиданностью.

– Хельга! Это ты? – Видимир выпучил глаза и заморгал.

– Что я вижу? – одновременно со своим сыном изумился Несвет. – Это Арнорова дочь?

– Нет, это не я! – воскликнула Хельга, стыдясь своего красного носа и грязных волос под двумя платками. – Это какая-то медведица! Я была Хельгой дочерью Арнора, когда выезжала из Силверволла, но за время пути медвежья шкура приросла ко мне и теперь я даже не умею говорить по-человечески, могу только рычать! И пока меня не сводят в баню, я не смогу превратиться обратно в человека!

– Слышал я такие басни, как один мужик с медведицей того... любовь сотворил, – хмыкнул Видимир. – Она тогда в бабу и превратилась.

– Ему повезло, что нос не откусила, – бросил Хедин. – И правда, Несвет, вели скорее топить баню. Мы уже неделю не мылись и замерзли, как волки.

Позже, когда все отмылись и немного перевели дух, Несвет позвал старших в дружине – торговцев из Хольмгарда и Хедина с сестрой – к себе в избу, пока отроки ужинали в гостевом доме. Хельга, уже чистая и отогревшаяся, высушив волосы у очага и заплетя косу, сменила дорожное серое платье на получше – из желтовато-зеленой шерсти, крашенной пижмой, и вновь надела свое любимое ожерелье из «ведьминых камней», с которым почти не расставалась. Лучшие свои наряды и украшения она приберегла для Хольмгарда, но и здесь хотелось выглядеть прилично: уж конечно, и Несвет, и его сын глаз с нее не спустят.

При первой встрече во дворе она успела заметить, что Видимир за этот год еще немного возмужал. По привычке она все видела в нем мальчика, но теперь ясно проглянул мужчина, и в первый миг ей даже показалось, что этого человека она не знает. Но и он, когда они с Хедином вошли, уставился на нее во все глаза. Хельга тоже за этот год изменилась: теперь никто уже

не видел в ней девочку, она сделалась почти готовой женщиной, и загадочный, немного вызывающий взгляд ее больших удлинённых глаз говорил, что она знает себе цену.

– Неужели здесь снова... будет Свандра? – обратился к ней Видимир; прямо так спросить о цели ее приезда было бы уж слишком невежливо. – Мы и не ждали...

– Я надеюсь вскоре увидеть с госпожой Сванхейд, – величественно ответила Хельга. – Но не здесь, а в Хольмгарде.

– Так ты едешь в Хольмгард? – Видимир едва мог ей поверить. – В такую даль?

Хельга лишь кивнула и ничего более не добавила.

Для знатных гостей Несвет приготовил хороший стол: жареную свинину с чесноком, гуся с кашей, горячие лепешки. Выставил мужчинам пива. Первым делом разговор зашел о новостях – что слышно в Булгаре и Мерямаа. Пожалуй, даже сильнее, чем Эйрику, Несвету хотелось знать об успехах Ингвара в войне с греками, но торговые люди могли пересказать лишь смутные слухи, которые дошли летом до Булгара через Итиль и Каршу, что на западе Греческого моря.

– И то, знаешь, я не поручусь, что они говорили не о прошлогоднем походе Хельги Красного на Самкрай, – предупредил Регинмод. – На торгах чего только не болтают, но по большей части это все плевка не стоит. Может, до кого-то только сейчас дошло, как Самкрай пал прошлым летом, да и Корсунь едва устояла, они и решили, что это сейчас.

– Но где же тогда Ингвар? Пошел он на Царьград или нет?

– Хотел бы я знать!

– Будем в Хольмгарде – узнаем! – Гарди Кузнец подмигнул.

Это Несвета утешало мало: то, что знают в Хольмгарде, он сам может вовсе не узнать – теперь, когда торговцы больше не станут ездить от озера Ильмень на восток. Невольно он завидовал людям, которые до новой луны попадут туда, куда этой зимой наверняка придут точные известия о самом важном для него деле.

Прислушиваясь за едой к этому разговору, Хельга молчала, но хранила такой многозначительный вид, будто ей-то известно гораздо больше. Видимир же почти не слушал, все поглядывая на нее. Его глаза блестели при огне, и пристальный взгляд смущал Хельгу. В его сторону она почти не глядела, и, закончив есть, поблагодарила Несвета и удалилась в гостевой дом спать.

В Видимире остановились на три дня, чтобы люди и лошади отдохнули как следует – здесь была половина пути. Мужчины снова били лесного зверя, ловили рыбу в озере, чтобы пополнить припасы и потом не останавливаться, пока погода не мешает ехать. Им везло, но бывало ведь и так, что метель на несколько дней запирала путников на стоянке.

На второй день Хедин с дренгами уехал на лов, Хельга, как обычно, осталась в погосте. Из дому она не показывалась, но около полудня Видимир сам туда явился.

– Хотел узнать, не расхворалась ли ты с дороги... отец велел, – не слишком ловко объяснил он свое появление.

– Благодарю за заботу.

– Все-таки дорога такая... тяжелая... долгая... для женщины. Не всякая выдержит.

– Я выдержу. Моя мать когда-то проехала из Хольмгарда в Силверволл и не заболела.

– Она ведь к мужу ехала?

Хельга лишь кивнула. Судьба ее матери давала повод к пересудам: когда-то та в одиночку проделала путь от Свеаланда до самого Силверволла, где думала найти своего первого мужа, торговца Ульвара, но он погиб в стычке с восточной мерей за пару недель до ее появления. В Силверволл Снефрид приехала уже вдовой, где об этом и узнала, но незадолго до конца той же зимы вышла за Арнора. Однако двадцать пять лет спустя всех тонкостей уже почти никто не знал, и этим мужем, к которому она ехала, считали Арнора.

– Ну, а ты? – Видимир сел и наклонил голову, скрывая смущение за принужденной усмешкой. – Тебе-то чего дома не сидится? Может, и ты тоже...

«Уж не за тем я сюда явилась, чтобы выйти за тебя!» – хотелось отрезать Хельге, но она сдержалась.

– Не знаю. – Она приняла загадочный вид. – Посмотрим, куда катится судьба. Когда доберемся до Хольмгарда.

– Твой дядя... то есть Эйрик... – Видимир взглянул на нее исподлобья. – Не сговорились ли они со Свандрой...

– Не знаю, – еще более загадочно ответила Хельга, широко раскрывая глаза. – Может, и был такой разговор. Я все узнаю, когда увижу госпожу Сванхейд.

– Эйрик хочет выдать тебя за того рыжего недоноска? – Видимир придвинулся к ней, в его карих глазах свернула злоба.

– За твоего дядю, – ядовито поправила Хельга. – За сводного брата твоего отца. И чем мы не пара? Будешь мне племянником.

– Я этого не допущу. Чтобы он тебя заполучил.

– А тебе какое дело? – Хельга подняла брови. – Я могу выйти, за кого захочу.

– Ты обещана мне.

– Тебе приснилось. Разве мы когда-нибудь обручались? Разве что в твоём сне.

– Неправда. Мой отец когда-то говорил с твоим отцом... Еще когда мы оба родились, они говорили... мне рассказывала мать. Мы же тогда жили в Озерном Доме... Ты разве не помнишь?

– Что за важность, где мы родились и жили? Разве у вас есть свидетели обручения? Удивительное дело – я об этом ничего не знаю.

– Ну а теперь Эйрик хочет выдать тебя за рыжего, дескать, раз обручения не было...

– Эйрик конунг может делать все, что пожелает! – с торжеством объявила Хельга.

– Мы этого так не оставим! – Видимир встал. – Мы не дадим этим из Хольмгарда нас ограбить! Они отняли у нас престол, но уж невесту... Я не уступлю просто так!

Отнять у Логи из Хольмгарда невесту в глазах Видимира было средством хоть отчасти рассчитаться за отнятый престол. Он был честолобив, и от мысли, что уже сейчас он мог бы быть наследником хольмгардского князя, у него голова горела от досады.

Хельга в ответ только подняла брови: что это я такое слышу? Горячность Видимира ее и удивляла, и забавляла. Пусть-ка поволнует, это немного собьет с него спесь. А то он так на нее смотрит, будто она его собственность, будто для нее на всем свете нет других женихов и он может получить ее, племянницу Эйрика Берсерка и дочь Арнора Камня, когда пожелает. Только пальцем шевельни! Как бы не так!

К тому же ей помнился намек матери: мол, она найдет свою судьбу в Хольмгарде. Это могло указывать только на Логи, уж никак не на Видимира! Втайне Хельга гордилась своей будущей судьбой, и мысль об этой грела ее.

* * *

На третий день к вечеру, когда путники уже ложились спать, чтобы отдохнуть перед завтрашним отъездом, Финни Крылатый, ходивший к Несвету по какому-то делу объявил, что «хозяин здешний» едет с ними в Хольмгард. Поначалу Хедин и Хельга не поверили, но утром, когда в темноте выносили поклажу к саням, Несвет и Видимир, одетые для дороги, ждали у своего двора, с верховыми лошадьми, двумя санями и кое-кем из челяди.

– Должен же я узнать, как дела у моего брата Ингвара, – язвительно ответил Несвет на вопрос удивленного Хедина. – А другого случая может еще долго не выпасть. Может, его уже нет в живых, а я три года проживу и не узнаю об этом!

Надо думать, разговоры о походе Ингвара на греков, о его возможной гибели – или успехе и возвышении – распалили любопытство и волнение Несвета до невозможности долее их терпеть. Этот поход мог решить и его судьбу, хоть он и сидел в лесах за несколько месяцев пути от Греческого моря. Утвердит Ингвар свои права? Или утратит их?

Видимир только поклонился Хельге, взиравшей на него в изумлении и без малейшей радости: она надеялась, что сегодня они с ним расстанутся, и очень надолго.

Только после второго дня пути, когда к вечеру обоз добрался до Забитицкого погоста – начала владений Хольмгарда, – Хельга, свыкнувшись с мыслью о спутниках, спросила у Видимира, что они собираются там делать.

– Ты же не хочешь сказать, что *ты* собираешься там делать, – ответил Видимир, вернувший свой независимый, несколько вызывающий вид. – Так и я не скажу.

– Эйрик отпустил меня погостить у госпожи Сванхейд. – Теперь не было смысла изображать невесту; Хельга даже раскаялась, что дразнила Видимира и тем, возможно, подтолкнула к этой поездке. – Она еще прошлой зимой меня звала к себе. И теперь, когда ее дочь... – Хельга прикусила язык.

– Что там ее дочь?

– Вышла замуж, – нашла Хельга, считавшая, что о смерти Мальфрида ему незачем знать, – ей одиноко. Поэтому она меня звала.

– Ну а меня она не звала, однако я не позволю этому рыжему ублюдку украсть у меня невесту.

«Ты дурак!» – чуть не сказала Хельга, но сдержалась: она сама, получается, и выставила его дураком, заморочив ему голову своим якобы обручением с Логи.

Она была почти уверена, что так и будет, но все же говорить об этом посторонним было преждевременно.

– Если ты хочешь видеть меня своей невестой, вам с твоим отцом нужно ехать не в Хольмгард, а в Силверволл и к Эйрику в Озерный Дом!

– Мы и в Хольмгарде найдем себе дело.

– Какое же?

– Может быть, спросим у людей – не устали ли они жить под властью женщины? И тогда... – Видимир слегка наклонился к Хельге, и она вдруг заметила, что теперь он на несколько пальцев выше ее. – Ты сама поймешь, за кого тебе стоит выйти, чтобы стать княгиней в Хольмгарде!

Хельга лишь фыркнула, выражая недоверие, но отошла с тревогой на душе. Похоже, Несвет не отказался от притязаний на наследство Олава...

Неужели у него и правда что-то может выйти?

* * *

Дальше ехали по Мсте – сперва на север, а потом, следуя руслу реки, повернули на запад. Селения по берегам принадлежали уже не мере, а словенам; и здесь еще попадались мерянские избы с высокими, шалашом, крышами, но больше было низких изб с навесом перед входом. Нередко у реки виднелись словенские родовые могилы, высокие и округлые. Хельга с любопытством прислушивалась к почти незнакомой речи, зато Несвет и Видимир общались с жителями свободно. Несвета здесь хорошо звали и уважительно именовали боярином, а кое-где и князем, имея в виду его княжеское происхождение. Род его матери был хорошо известен и уважаем на Мсте, и почти в каждом селении, узнав, кто едет, Несвета с сыном зазывали в гости, и седобородые старейшины уважительно подавали ему свежий каравай хлеба с солью в выемке верхней корки. Поэтому в погостах Несвет почти не ночевал, оставался в ближайшем селении, а потом утром нагонял обоз.

– Так и должно быть, – сказал сестре Хедин. – Раз уж Олав когда-то решил жениться на словенке, он выбрал девушку из самого знатного рода. А ты думала, он ее в лесу под елкой нашел?

Вернее было бы сказать, что раньше Хельга вовсе об этом не думала, но теперь ей пришлось признать про себя, что Несвет не зря хвалится знатностью рода. Но держалась она с ним и Видимиром по-прежнему холодно, чтобы не подогревать их надежды.

Через несколько переходов берега Мсты стали высокими и крутыми. Хельга изумленными глазами оглядывала обрывистые склоны, одетые камнем-известняком, и скалы над руслом. Опытные путники рассказали, что здесь ложе Мсты перекрывают пороги, которые летом, по открытой воде, причиняют немало неприятностей, их приходится объезжать по берегу, разгружая лоды. Пороги шли уступами, и даже под снегом их кое-где было заметно – сани спускались будто по ступеням огромной лестницы. Летом здесь бурлит над грядами камня широкая полоса желтой пены.

– Это, наверное, была лестница, где ходили великаны, – говорила Хельга брату. – Давным-давно, пока людей еще не было.

Река и здесь была довольно широкой, а ближе к устью, дней через десять, раскинулась на несколько перестрелов. Здесь, как сказал Регинмод, летом свободно проходят даже большие лоды.

Всего до Хольмгарда предстояло проделать по Мсте двенадцать переходов или около того, и с каждым днем пути Хельга все нетерпеливее ждала его окончания. Она очень устала от дороги, продолжавшейся почти месяц, оставленные позади переходы и погосты слились в памяти. За день на санях она коченела от холода и неподвижности, ночью, вынужденная спать в одежде, не могла толком отдохнуть. Кожух, из которого она почти не вылезала, так давил на плечи, что они, кажется, уже согнулись, как ветви березы под снегом. Не раз и не два Хельга пожалела тайком, что дала себя уговорить и пустилась в эту поездку, но, конечно, не подавала вида. Прежняя скука домашних зим теперь казалась благом – зато дома тепло уютно, безопасно, рядом вся родня. А здесь – волчьи следы на снегу и вой по ночам, пугающий лошадей. Страшно было даже подумать, что когда-то придется проделать этот путь в обратном направлении, и тем не менее она уже скучала по оставшимся дома родным. Прошлой зимой, когда Эйрик возил ее в Видимирь, она в это время уже подъезжала к дому, а теперь и не доехала до места!

– Лучше понимаю, какая мужественная женщина наша мать! – лишь однажды сказала она Хедину, когда их больше никто не слышал.

Устав сидеть в санях, Хельга для разнообразия ехала за спиной у брата, на крупе лошади, прислонившись головой к его спине.

– Но даже она проделала этот путь только в одну сторону! – с сочувствием сказал Хедин. – Я дивлюсь, как ты хорошо держишься. Мы-то привычные, но девушка – совсем другое дело.

– Ну а что делать – если я заплачу, от этого легче не станет.

– Можно повернуть назад, – предложил Хедин, и оба они засмеялись так громко, что Видимир, ехавший со своим отцом впереди, оглянулся.

– С нашей матерью не было брата, – добавила Хельга. – О ней было некому позаботиться. И она не знала, что ждет ее впереди...

«Как будто я знаю!» – сама себе ответила она, но этого не хотела говорить даже Хедину. Чем ближе был Хольмгард, как ни странно, тем более она опасалась новой встречи со Сванхейд. Что если та давно о ней забыла и удивится ее появлению? Да и какова она будет у себя дома? Как долго Хельге придется у нее пробыть? Отец говорил, что если Хельге понравится у Сванхейд и Хедин убедится, что для нее там безопасно, он сможет вернуться один, то есть со своими людьми, и пусть Хельга скажет, когда за ней приехать.

Но тут Хельга вспоминала, чего от нее ждут, и ее пробирало тревогой. Может быть, возвращение «торгового мира» зависит от нее. Когда Хольмгард и Мерямаа на грани войны, человек рядом со Сванхейд, к которому она питает привязанность, поможет направить дело к миру.

Еще переходом ближе... еще... В какой-то из бесчисленных дней Хельга услышала «завтра приедем». Испугалась – страшно устав от этого путешествия, она, тем не менее, привыкла к нему, свыклась со всеми спутниками, даже с Несветом и его сыном, и окончание пугало неизвестностью. Сама себе она казалась какой-то лешачихой, одичавшей среди лесов и возчиков, которой стыдно показаться на глаза королеве. Хольмгард – совсем не то, что Силверволл или Озерный Дом, там живут хоть и русы, но другие, у них немного другой язык, вместо привычной меры там вокруг словены, и как-то она приживется среди всего этого?

И вот после полудня, пока еще было совсем светло, Мста привела к бескрайнему заснеженному полю – это оказалось озеро Ильмень. Везде по берегам виднелись избышки и стога, укрытые снегом, мостки и перевернутые на зиму лодки. По льду во всех направлениях тянулись наезженные следы санных полозьев. Обоз повернул на север и еще немного прошел вдоль берега.

– Вон там Хольмгард! – Регинмод показал вперед плетью, и даже на его обычно хмуром лице появилась улыбка, открывавшая нехватку переднего зуба вверх. – Всемогущие асы, я не был дома целый год...

– Опять! – выразительно сказал Гарди Кузнец и подмигнул Хельге.

– Видишь курево? – спросил у нее Регинмод. – Это он!

Хельга и правда уже различала висящее над землей облако дыма от печей. Хольмгард стоял на холме – поэтому словене, как ей объяснил Несвет, называют его «Холм-город» или даже просто «Холм». На северном языке это же слово означает «остров», и так его называли потому, что в половодье вода окружает его полностью.

Сперва на их пути оказался посад вдоль протоки, а за его крышами виднелся заснеженный вал, окружавший город подковой – совсем не так, как у Озерного Дома, самой крупной крепости, какую Хельга знала. Вал Хольмгарда защищал его со стороны суши, но был открыт к Волхову – точно так же строят крепости в Северных Странах, куда прибывают по морю. Однако тына поверх вала не имелось, на нем стояли какие-то бревенчатые низкие здания, из их окошек струился дым – выглядел он так, будто давно уже не предназначен для обороны. Веяло горячим свежим хлебом, от этого запаха у Хельги, с наслаждением ловящей его ноздрями, даже слезы выступили. Поистине они приближаются к Асгарду, обители тепла и роскоши!

Сани шли по дороге между дворами и клетями. В городе прибытие обоза вызвало немалое оживление. Хельга, хоть и привыкла к Силверволлу и Озерному Дому – самым крупным селениям в Мерямаа, – была поражена здешним многолюдством. Впереди были ворота вала – открытые, перед ними толпился народ. Хельга слышала приветствия и выкрики на северном и на славянском языках, сотни глаз таращились на приехавших, разглядывали поклажу и лошадей. Сквозь толпу вереница саней проползла за вал и остановилась на небольшой площади, окруженной дворами.

– Вон конунгов двор! – Гарди показал вперед, на несколько больших домов и несколько поменьше.

Хедин сошел с коня и помог Хельге выбраться из саней. От усталости она коченела, и при этом ее трясло от волнения, так что на едва стояла на ногах и была очень благодарна Хедину, что он не выпустил ее руку и поддержал. Их спутники-купцы уже здоровались с вышедшими навстречу людьми, сыпались взаимные вопросы. Хельга растерянно озиралась. К счастью, Гарди о них не забыл и вскоре подвел к ним плотного немолодого мужчину, невысокого и коренастого, у которого, как у Эйрика, сквозь седину на щеках пробивался прежний цвет рыжей бороды.

– Это Биркир, управитель госпожи Сванхейд. А это дети Арнора Камня из Силверволла, племянники Эйрика конунга. Отведи их к королеве, если ей удобно их принять.

– Племянники Эйрика? – Бородач усмехнулся. – Не верю. Почему тогда они не рыжие?

– Потому что рыжие волосы в наследство успел перехватить ваш Логи! – вырвалось у Хельги.

Она было испугалась – может, не стоило этого говорить, но успокоилась, увидев, как добродушно рассмеялся Биркир.

– Бойкие они на язык, эти племянники! Дядя тоже был не промах, я-то его помню! Ну, идемте.

Биркир провел всех в самый большой дом – Хедина с сестрой, Несвета с сыном, старших купцов. Хельга по-прежнему цеплялась за руку брата, непрерывно вертя головой. Гридница была больше, чем любое строение в Мерямаа, а искусную резьбу столбов, поддерживавших высокую кровлю, изготовили умельцы из-за Варяжского моря. Ярко пылал огонь в длинном высоком очаге, дым уходил вверх и вытягивался в узкие оконца, почти не ощущаясь в воздухе. На стенах поверху виднелись разноцветные щиты – одни целые, другие полуразбитые, висели секиры и копья. Под ними на всю длину стен протянулись полки, уставленные дорогой посудой – поливной, медной, бронзовой, даже серебряной. Блюда, кувшины, чаши и ведерки сверкали, отражая блеск огня. Под ними сплошным рядом висели звериные шкуры – медведей, волков, рысей, оленей – свидетельства охотничьего искусства прежнего хозяина, Олава конунга, и защита от зимнего холода.

И здесь было множество людей, по большей части мужчин – они сидели на помосте вдоль всей стены, стояли, привалившись к столбам, и с любопытством разглядывали приезжих. Хельга чувствовала на себе десятки взглядов, какие-то выкрики относились к ней, но от волнения кровь шумела в ушах и она почти ничего не понимала. Наверное, вот так духи погибших вступают в Асгард и с трепетом ждут встречи с Одином! Подумав об этом, Хельга прижала руку к груди, где под кожихом пряталось ее ожерелье из «Одиновых камней». Среди непривычного обилия незнакомых лиц она была так же смущена и испугана, как если бы ее окружали духи мертвых.

Хоть бы одно знакомое лицо! Мечтая об этом, она, однако, помнила, что не знает здесь никого, кроме Сванхейд и ее сына. Где же они?

Народ впереди расступился, и Хельга увидела Сванхейд. В синем платье, с куньей шубкой на плечах, крытой синим же шелком, та вышла из какой-то боковой двери, невозмутимая и прекрасная в своем величии, как сама Фригг. Кто-то что-то сказал ей, указывая на приезжих, и она обернулась. Изумленные глаза Хельги встретились с ее глазами.

– Кого я вижу! – Сванхейд всплеснула руками, блеснули золотые браслеты на ее запястьях. – Не может быть! Каменная Хельга!

Она даже запомнила ее прозвище! Хедин выпустил ее руку и подтолкнул: иди!

Сквозь раздавшуюся толпу Хельга подошла к Сванхейд. Надо было что-то сказать, объяснить свое появление, но она совершенно растерялась и не находила слов. Не скажешь ведь королеве «Я приехала утешить тебя». К тому же бодрый, оживленный вид Сванхейд напомнил Хельге, что та еще не знает о своем несчастье, и уж точно не Хельге пристало о нем сообщать.

– Ты еще выросла! – Сванхейд взяла ее за руки. – Стала совсем взрослой! Стало быть, родители тебя все же отпустили? Сколько радости сразу мне послали боги! Но не обижайся, что здесь такая суета и у меня почти не будет пока времени поговорить с тобой. Вы еще не слышали нашу главную новость? – Через плечо Хельги Сванхейд взглянула на Хедина и Несвета, будто хотела знать, кто они такие, и пока принимая их лишь за спутников девушки. – О, Несвет, и ты здесь! Так ты уже знаешь?

– Будь цела, госпожа! – Несвет поклонился, и сын за его плечом тоже; Хельга заметила, что здесь даже Видимир притих и спрятался за отца. – Мы приветствуем тебя и надеемся, ты в добром здравье... Что мы должны знать?

– Вчера был гонец – на днях приезжает мой старший сын, Ингвар конунг!

– С-сюда приезжает? – выдавила потрясенная Хельга.

– Сюда! – ликующе подтвердила Сванхейд и обняла ее, чтобы дать выход своим чувствам.

Но утомленная телом и душой Хельга, осознав, кого ей вскорости предстоит увидеть, чуть вовсе не лишилась чувств.

* * *

Не имея сама свободного времени, позаботиться о Хельге Сванхейд поручила своей невестке, Бериславе. Это оказалась молодая, на несколько лет старше Хельги, женщина, удивительно хорошенькая – с мягкими, ясными чертами лица и светлыми глазами, а приветливая улыбка, обнажавшая ровные белые зубы, делала ее просто красавицей.

– Отведи ее в девичью, устрой отдохнуть, – велела Сванхейд. – Тебе и самой будет полезно себя занять. Покажи ей Альву.

– Ты славянка? – растерянно спросила Хельга у Бериславы, не зная, как в этом случае с ней объясняться; то, что Сванхейд обратилась к невестке на русском языке, ускользнуло от ее внимания.

– Я – русинка, – ответила та, за руку ведя Хельгу к одной из боковых дверей гридницы, и улыбнулась: – Как и ты. Ты ведь из руси, если ты племянница Эйрика?

– Мой отец – из мерянской руси. Моя мать родилась в Свеаланде.

– Это слышно по тому, как ты говоришь. Кто родился в Свеаланде, говорят немного не так, как мы здесь в Гардах. И это переходит к детям.

– Но почему у тебя славянское имя?

– Моя мать – дочь конунга кривичей, из Пскова. А отец – Вальгард, родной брат Хельги Хитрого. Он погиб пять лет назад. Если тебе трудно запомнить, можешь звать меня Берой⁸.

– Так ты – племянница Хельги Хитрого?

– Да.

– Но твой муж – Тородд сын Олава?

Об этом Хельге успела сказать Сванхейд.

– Да.

– Я перепутала. Мне казалось, что это Ингвар женат на племяннице Хельги Хитрого.

– И Ингвар тоже! – Берислава засмеялась. – Его жена – Эльга, моя родная сестра, она у нас старшая. Мы с ней – родные сестры, а наши мужья – родные братья, но только она и Ингвар – старшие, а мы с Тороддом – младшие! То есть я – младшая из наших трех сестер, а Тородд – средний из трех братьев. У нас еще есть Володейка, на год меня старше, она тоже замужем, но живет очень далеко, в Чернигове. А у них еще есть Логи – он живет здесь, он пока молод для женитьбы. Забавно было бы, если бы Логи женили на мне, а Тородда – на Володейке, но Эльга решила, что она должна выйти за Грозничара, им это нужно, там, в Киеве... И я очень довольна, что Тородд достался мне!

Смеясь, она приподнимала русые брови, и это придавало ее открытому лицу ликующий вид; волосы, видные из-под покрывала над лбом, у нее были очень красивого светло-русого оттенка.

---

⁸ Бера – древнескандинавское имя, означает «медведица».

– Я жду его, ну, Тородда! – продолжала Берислава. – Он был в походе с Ингваром, я не видела его чуть ли не год, и теперь наконец он возвращается! Он придет и удивится – Альвуша уже совсем большая! Она даже немного ходит, если ее держать за руки.

Теперь Хельга расслышала в ее смехе что-то лихорадочное; должно быть, ожидание истомило ее, а эти последние дни казались длиннее прежних месяцев. Хельга вдруг позавидовала, что у Бериславы есть муж, к которому она так привязана; захотелось, чтобы у нее тоже был муж, чтобы она могла его ждать, волноваться о нем, радоваться встрече... Чувствовать себя крепко связанной с кем-то, что делает человека по-настоящему укорененным в жизни. Девушка перед замужней женщиной – что тень дерева перед самым деревом, так ей подумалось сейчас.

– А где твой брат Логи? – вырвалось у Хельги.

– По-славянски это называется «деверь», – просветила ее Берислава. – Он на лову. Уехал еще вчера, когда пришел гонец. Если на днях здесь будет целое войско, нам понадобится очень много мяса! А почему ты спрашиваешь? Разве ты его знаешь?

– Да, я... – Хельга смутилась. Что Берислава о ней подумает – приехала в такую даль жениха ловить? – Мы виделись прошлой зимой, когда госпожа Сванхейд ездила в Видимирь.

– Ах это ты! – воскликнула Берислава, будто сделала открытие, и повернулась к Хельге, чтобы лучше ее рассмотреть. – Наши дренги полгода над ним смеялись, дескать, он влюбился... Я только забыла в кого.

К этому времени они уже стояли в женском покое, здесь заменявшем мерянскую кудю. Это было просторное помещение, дверью соединенное с поварней – через нее они прошли, – с такими же спальными помостами вдоль стен. Над огнем очага висели сразу три котла, в углах стояли три или четыре ткацких стана, все заправленные, в углу были горой сложены прялки и стояли лукошки с веретенами, каждое пряслице помечено знаком своей хозяйки. На полу и на помостах возились дети, стоял шум, запах пара из котлов мешался с запахом пеленок.

– Вот он обрадуется! – многозначительно протянула Берислава. – А еще я жду мою сестру Эльгу. Гонец сказал, что Ингвар едет с женой и дружиной. У вас с ней одно имя. Эльга – так у славян произносят имя Хельга. Или Ельга. Ее называли в честь нашего дяди Хельги. А тебя?

– Мое имя отцу подсказала норна, – с важностью ответила Хельга: так говорила ее мать.

– Я очень хочу увидеть Эльгу! Я уже думала, что никогда в жизни ее больше не увижу, с тех пор как она сбежала из дома пять лет назад...

– Сбежала из дома?

– Ну да, Ингвар ее похитил, потому что наш дядя Воислав – это князь псковский – хотел выдать ее за другого, за Дивислава с Ловати. То есть это Мистина ее увез – это Ингваров побратим, сын Свенельда. Свенельд отсюда родом, из Хольмгарда, но они давным-давно уехали в Киев...

– Куда? – Хельга растерялась под этим потоком сведений.

– Ну, в Киев, где правил Олег... Хельги Хитрый.

– Кёнугард?

– Да. Ты ее скоро увидишь. Она такая красавица! Говорили, мы с ней похожи, но она всегда была красивее меня.

– Если она красивее тебя, то с ней сравнится только Фрейя! – искренне сказала Хельга.

– За пять лет она, наверное, стала еще лучше... Ох, ну тут и гомон! – Бериславаглянула на спорящих у очага служанок и на детей, что-то не поделивших и катавшихся клубком по полу. – Знаешь что, пойдем-как к нам! Пока Тородд не вернулся, у нас и места больше, и спокойнее. Накинь шубу, это близко. Пусть служанка возьмет твои пожитки.

Против перемещения в более тихое место Хельга никак не возражала: от всех впечатлений, многолюдства и шума у нее шла кругом голова.

После женитьбы Тородд поселился в отдельной избе, и хотя стояла она здесь же, на конунговом дворе, там и впрямь было тихо и спокойно. Годовалая дочь Бериславы под при-

смотром няньки-чудинки ползала по полу. Здесь Хельга наконец смогла раздеться и отдохнуть. Оглядываясь по сторонам – чисто, у стен красивые резные лари, на полках цветная поливная посуда и даже кое-что из серебра, – она глубоко вдыхала и старалась убедить себя, что далекий путь окончен. Она в Хольмгарде!

Точно так же когда-то не могла в это поверить ее мать, проделавшая к этому месту такой же долгий путь, только совсем с другой стороны...

* * *

– К нам теперь все приезжают! – в отчаянии воскликнула Берислава. – Еще люди и еще!

Назавтра, немного оглядевшись, Хельга поняла, почему Сванхейд не могла уделить ей время. И Хольмгард, и конунгов двор полнился гостями, и каждый день прибывали новые. Все это было ради Ингвара – летом он воевал на Греческом море, а теперь ехал повидаться с матерью. О том, чем кончился поход, пока ходили слухи самые противоречивые: одни говорили, что успех и огромная добыча, другие – что полный разгром. Толки об этом шли целый день повсюду – и в гриднице среди мужчин, и в поварне среди женщин, но правду мог поведать только сам Ингвар. С ним уходило немало людей из Хольмгарда и из окрестных селений близ Ильменя, русов, славян и даже ближних чудинов. Отправился с ним и родной брат Торордд, и двое двоюродных братьев, и словены с Волхова и Ильменя. Родичи с нетерпением ждали их назад, причем еще не было известно, кто из ушедших, кроме самого Ингвара и Торордда, вернется живым, а чьей семье уже на днях предстоит облачиться «в печаль»⁹.

Хедин с его людьми жил в большом гостевом доме – Хельга несколько раз видела брата во дворе и в гриднице за едой. Несвета с сыном она после приезда ни разу не видела и даже не вспоминала о них. Они где-то нашли себе приют – Сванхейд позаботилась о сыне и внуке своего мужа, – но у них хватало ума понять, что сейчас не до них, все думают только о тех сыновьях Олава, что ходили на Греческое царство.

Дорожные сомнения Хельги «что я буду там делать?» рассеялись очень быстро – Сванхейд требовались любые женские руки, хоть к чему-то способные. В ожидании дружины целыми днями пекли хлеб, делали козий сыр, коптили и солили рыбу, мясо, сало, щипали птицу, сбивали масло, готовили еду для уже прибывших гостей.

На другой день после приезда Хельга спала дольше обычного. Берислава велела ей отдыхать, а сама еще в темноте ушла в коровник – нужно было доить коз и коров, снимать сливки, сбивать масло, делать сыр. В избу она вернулась уже при свете, когда Хельга встала, и ее открытое лицо было омрачено печалью.

– Мне рассказала Сванхейд... ей вчера рассказали купцы, которые тебя привезли. О Мальфрид. Ты знаешь Мальфрид? Это была старшая дочь Сванхейд – то есть старшая из двух оставшихся. Говорят, она умерла. Где-то на западе, у ляхов. Они с Олегом-младшим уехали туда, когда Ингвар захватил Киев. Какие-то гости оттуда им рассказали в Булгаре. Я, правда, сама ее не знала, она уехала в Киев, еще пока я была совсем маленькая и жила дома. Но Сванхейд очень огорчилась.

Хельга увидела Сванхейд в гриднице во время завтрака. Сразу пара сотен человек села за длинные столы, а служанки вносили большие котлы с дымящейся кашей, сметану и масло ставили на стол горшками, караваи хлеба подавали корзинами, а блины с поварни – деревянными корытами. Госпожа Хольмгарда была невозмутима и величественна, как всегда, и ничуть не выглядела огорченной. Обычным ровным голосом она говорила с людьми, приветствовала вновь прибывших, отдавала распоряжения. Когда Хельга встретила ее взгляд, он был тверд, и Сванхейд приветливо ей кивнула. И все же Хельга видела в ее глазах некую отстраненность –

---

⁹ «В печали» – в траурной одежде.

Сванхейд отодвигала от себя мысль о своем несчастье, чтобы не выдать его перед людьми. И Хельга вспомнила, зачем ее сюда прислали – почему приезд незнакомого ей Ингвара, его успех или неудача так важны для нее, для Эйрика и родителей, для всей Мерямаа. Но пока она могла лишь ждать и наблюдать, даже перед Бериславой не выдавая, как сильно ее, молодую девушку, занимают дела конунгов.

С Логи Хельга увиделась совершенно для себя неожиданно. Спросив о нем по приезде, она, захваченная суетой, больше и не вспоминала, пока почти не наткнулась прямо на него. Незадолго до сумерек приехали ловцы, и гости, не занятые делом, побежали смотреть добычу. Хельга перед этим чистила рыбу и вышла подышать, ополоснув руки, пока какой-то отрок точил ее нож. У нее на глазах во двор въехали с десятков всадников, а за ними везли добычу – из саней торчали щетинистые бока вепрей и ножки косуль с черными копытцами.

– Мог бы быть лось! – восклицал впереди чей-то хриплый голос. – Слышишь, Биркир, мы бы могли привезти лося! Здоровенный был, что твой тролль!

– И что же? – Биркир, управитель, был в первый рядах толпы вокруг саней, где спешили всадники. – Не сумели взять?

– Да его взял бы однорукий младенец... Мы выехали на Ольшанку...

– И смотрим, там лось во льду барахтается! – перебил хриплого другой, молодой, смутно знакомый Хельге голос. – Он по льду шел, в полынью провалился, а вылезти не может. И до дна не достает. Видно, уже силы теряет. Ну, мы взяли топоры, прорубили лед, чтобы ему дорогу сделать, он сам на берег вылез.

– И что же – не закололи? – Биркир всплеснул руками.

– Да жалко стало! – со смехом пояснил молодой голос. – Он нам был уже не чужой!

– Ты б его еще в гости пригласил! – с досадой сказал хриплый.

Толпа раздалась, сани поволокли к площадке за поварней, где кололи скот, разделяли туши и где дымили костры в трех сразу «мясных ямах» – калили камни, чтобы запечь мясо. Хельга посторонилась и вдруг увидела прямо перед собой знакомое лицо молодого парня на полголовы ее выше. Из-под шапки виднелись очень длинные, заплетенные в косу темно-рыжие волосы, а глаза уставились на нее с недоверчивым изумлением.

– О всемогущие асы, кто это? – вырвалось у парня, и только в это миг Хельга по-настоящему узнала Логи.

– Если ты Хакон сын Олава, то я приветствую тебя, – кое-как справившись с собственным изумлением, промолвила Хельга. – Я – Хельга дочь Арнора, из Силверволла, мы встречались прошлой зимой...

– В Видимире.

Логи-Хакон подошел к ней на шаг и остановился, молча ее разглядывая. Оба они ощущали неловкость, ни один не находил слов.

Как он вырос! Логи был именно в том возрасте, когда юноши начинают быстро расти и за два-три года достигают почти полного роста, который в них заложен. Сейчас ему кончался семнадцатый год, он уже перерос некоторых взрослых мужчин, еще раздался в плечах, и движения его, когда он соскочил с коня, выдавали ловкость и силу. Вот только что он смеялся, оживленно рассказывал об охоте – а теперь застыл, будто его колдовским жезлом ударили.

Под его пристальным взглядом Хельга сообразила, что выглядит не лучшим образом: простое серое платье, большой платок на голове, укрывающий плечи, к холщовому переднику прилипла чешуя, руки пахнут рыбой...

А Логи был в том состоянии, когда рассудок не может принять то, что видит глаз, и от этого разлада накатывает растерянность.

– Каменная Хельга... – зачарованно прошептал Логи. – Как ты сюда попала?

– Я приехала... с моим братом... повидаться с госпожой Сванхейд. Она приглашала меня... ты помнишь?

– Я помню... Я все помню...

В глазах его разгоралась искренняя радость, гревшая душу Хельги; помнить ему было особенно нечего, в Видимире они почти не говорили друг с другом, но он берег в памяти даже ту малость, сам образ Хельги, с заботливостью, которую порождает любовь.

Поняв это, Хельга наконец улыбнулась ему.

– Я должна идти, там рыба... Мы увидимся после... в гриднице...

«Когда я оденусь поприличнее!» – мысленно добавила она, спешно скрываясь в двери поварни.

Она уже исчезла, а Логи все стоял, глядя на дверь, и не замечал, что над ним смеются собственные хирдманы.

В этот вечер Хельга достала крашеную одежду: то зеленовато-желтое платье, что надевала в Видимире, и к нему хангерок из красновато-коричневатой шерсти, по швам обшитый желтым плетеным шнуром. Красивая цветная одежда, а главное, мысли о Логи наконец дали ей почувствовать себя не где-нибудь, а в доме конунгов, еще более могущественных и богатых, чем ее дядя Эйрик.

Когда появился Логи – с вымытыми и расчесанными волосами, в темно-красной шерстяной рубахе с серебряной тесьмой на вороте, – Хельга от волнения не смела поднять на него глаза и делала вид, будто его не замечает. Логи не заподозрил в ней притворства – и правда, что его замечать? Только когда с подачей еды и питья было закончено – в эти дни Сванхейд не позволяла дружине долго пить после ужина, – Логи сам подошел и сел рядом с Хельгой на край помоста. Она слегка подвинулась, чувствуя, как сильно бьется сердце.

Логи выглядел опечаленным.

– Моя сестра Мальфрид умерла, – сообщил он. – Ты слышала?

– Д-да, – выдавила Хельга.

Только сейчас, пожалуй, она осознала, что смерть Мальфрид, бывшая для Эйрика и его близких только частью расчета, в этом доме – и правда семейное горе, затронувшее всех. На Логи оно обрушилось, когда он ворвался к Сванхейд, еще более изумленный, чем обрадованный, вернее, не успевший осознать свою радость, и воскликнул: «Здесь Хельга! Каменная Хельга из Видимира! То есть из Силверволла! Я сейчас видел ее!»

– Ты, конечно, ее не знала... Она была старше меня на тринадцать лет. Я плохо ее помню – она уехала, когда я едва говорить учился, но помню, она играла со мной. Я ее, кажется, тогда знал лучше, чем мать. Она была хорошая девушка, добрая. И теперь мать так расстроена...

Хельга сперва удивилась, услышав слово «мать» – о ком это он? Хозяйка этого дома в ее мыслях звалась «госпожа Сванхейд». Печаль сделала Логи разговорчивым: за все те дни, что они провели в Видимире, он едва ли сказал ей столько слов, сколько сейчас. Она не понимала: сердечное расположение толкало Логи именно с ней делиться всем, что важно.

– Еще и потому, что Ингвар... мать говорит, это он виноват... – По лицу Логи было видно, что это обвинение делает его печаль по сестре еще горше. – Что если бы она знала, что до этого дойдет, то не простила бы... не позволила бы ему считаться наследником отца...

– И что тогда было бы?

– Ну... Он мог бы остаться в Кёнугарде, а в Хольмгарде престол получил бы Тородд. Если бы мать так решила, он не посмел бы с ней спорить.

– И что теперь будет... ну, когда он сюда приедет?

Логи помолчал, глядя рассеянным взором на людей в гриднице, но едва ли кого-то из них видя.

– Я не знаю... – пробормотал он наконец, но Хельге было ясно, что ничего хорошего он не ждет.

А еще она поняла, что возможные перемены в Хольмгарде, для Эйрика – тоже часть расчета, обещавшего удачный для него расклад, здесь – мучительный семейный раздор, тоже затрагивающий каждого.

– Если бы мать в то лето не простила его, – продолжал Логи вполголоса, – он мог бы не удержать Кёнугард. Мальфрид с Олегом могли бы вернуться туда... или хотя бы сюда. На здешний престол Олег не может притязать, но здесь она была бы жива.

– Но, может быть, ее сгубила хворь из тех, какие могут настичь в любом месте, – заметила Хельга. – Мы ведь не знаем, что с ней случилось.

– Может, она и в Кёнугарде бы умерла. – Логи понял ее мысль, и лицо его немного посветлело. – Может, та хворь давно в ней гнездилась и Ингвар не виноват. Но сейчас мать очень на него сердита. Не знаю, что будет – он ведь придет уже со дня на день. Лучше б он задержался, где-нибудь пересидел несколько дней, чтобы она успела остыть. Я скажу ей, что Мальфрид могла бы так же умереть и в другом месте. В смерти Мальфрид это ее не утешит, но все же станет легче...

– Что не ее сын в этом виноват, да?

– Да! Спасибо тебе, ты меня утешила! – Логи ласково коснулся ее руки, встал и ушел.

Хельга осталась на месте, чувствуя в душе разом и довольство, и некую досаду. Что же она делает? Логи она утешила, это да. Но зачем она взялась выгораживать Ингвара перед Сванхейд? Ведь Эйрик и сын его Анунд хотели от нее совсем другого – они надеялись на разрыв между Сванхейд и ее старшим сыном, полезный для Мерямаа.

«Ну и пусть!» – с горячностью ответила Хельга этим мыслям. Если Сванхейд оправдает сына, ей станет легче, а значит, Хельга сделает именно то, ради чего ее сюда послали!

Поведя глазами по гриднице, она вдруг наткнулась на Видимира и удивилась: она и забыла, что он с отцом тоже здесь. Тот смотрел на нее с досадой: видел, как они беседовали с Логи, как его лицо посветлело, как он коснулся ее руки...

И что же? Хельга с вызовом встретила взгляд Видимира и, не удержавшись, показала рукой по помосту, как скачет лягушка.

Глава 4

Уже в темноте в Хольмгард явился санный обоз, привезший с Ильмена Вояну, старшую сводную сестру Бериславы, с ее мужем и челядью, и семейство псковского князя Воислава, где была Альдис – самая младшая дочь Сванхейд, теперь единственная. Вояна со спутниками разместилась у Бериславы, и в избе стало тесновато. До глубокой ночи сестры толковали между собой, и до Хельги сквозь сон доносилось бормотание непонятной славянской речи.

На рассвете Хельга и Берислава были в коровнике и процеживали надоенное служанками молоко, когда туда вошла Сванхейд – в шубке на серых веверицах, с румянцем на щеках от утреннего мороза, с возбужденно блестящими глазами.

– Они будут здесь сегодня! – объявила она, когда девушки повернулись к ней. – Им остался последний переход. Они ночевали в Веряжке, оттуда прислали человека.

– О Макошь, сегодня! – Когда Сванхейд ушла, Берислава заломила руки. – Как мне дожить до вечера!

– Иди домой, я здесь закончу.

В последний день перед возвращением мужа у Бериславы все валилось из рук. Но и Хельга с приближением вечера волновалась все сильнее. Ингвар, старший сын Сванхейд, о котором она так много слышала в последнее время – и больше плохого, чем хорошего, – уже стал в ее воображении каким-то великаном из сказаний. Уже сегодня она увидит властителя, которому ее отец и дядя Эйрик отказались платить дань. Возможно, вот-вот он сделается смертельным врагом ее рода... Находясь под защитой Сванхейд, как ее гостя, Хельга не опасалась за себя, но ждала встречи с Ингваром сыном Олава со жгучим любопытством и опасением. То и дело она касалась какого-то из «ведьминых камней» в своем ожерелье, стараясь напитать душу их твердостью. Пока у нее при себе целых шесть хранилищ удачи, ей ничто не может угрожать!

А если бы осуществились надежды ее родных на Логи, то Ингвар стал бы ей... «деверем», вот как здесь называется брат мужа! Глядя на Сванхейд, Хельга угадывала: та не настолько невозмутима, как хочет показать, ее раздирают и горе, и гордость, и гнев, и она сама не знает, что сильнее. Если бы не приезд Ингвара с войском, если бы Сванхейд жила, как обычно живут женщины зимой, проводя время за пряжей, то болтовня с Хельгой и правда могла бы смягчить ее боль потери. Но сейчас ей было не до пряжи, болтовни и даже не до утешения. Встречая Сванхейд в гриднице, Хельга видела на ее строгом лице только решимость и ни следа слез. Сванхейд рассталась с Мальфрид тринадцать лет назад и не рассчитывала еще когда-нибудь с ней свидеться; она отвыкла от дочери, и весть о ее смерти не вызвала такого бурного горя, как если бы они жили вместе. Но у этой смерти был виновник, который точно так же приходился Сванхейд родным чадом.

Было еще светло, когда сообщили, что войско приближается.

– Он же не всех приведет, кто ходил с ним на Греческое царство? – спросила Хельга у Логи, когда стояла между ним и Хедином близ ворот.

К вечеру она нарядилась в свою лучшую шубку на куницах, покрытую голубым шелком из Булгара, с узорной отделкой, и замечала, с какой завистью скользят по шубке глаза местных женщин. «Из Меренланда, – долетел до нее чей-то голос. – Там этих куниц да бобров несчитано, хоть шапкой лови...» Вокруг гудела толпа знатных гостей, все были в лучших цветных одеждах. Для Ветрлиди, деверя Сванхейд, поставили скамеечку: он оказался так толст, что опухшие ноги его не держали. С другой стороны от Логи стояли Берислава и Вояна; Вояна жаждала увидеть не столько Ингвара, сколько его жену Эльгу, свою сестру, которую ожидали вместе с ним. За работой она столько успела рассказать Хельге о своей сестре, которая стала киевской княгиней: как они росли на реке Великой близ Пскова, как девочками ходили в лес

варить кашу медведю... Хельга в ответ рассказала свои родовые предания – о медведе, который посватался к дочери одного человека, о Бьярнхедине, который родился от этого брака и стал ее предком. Все это, а еще сходство их имен вызвало в Хельге такое чувство близости к сестре Вояны и Бериславы, что теперь она не менее их жаждала ее увидеть и познакомиться с ней.

– Но если Эльга едет с Ингваром, значит, он вернулся с успехом? – спрашивала Берислава у Вояны. – Ну, если она захотела провожать его в такую даль!

– А может, он разбит и его из Киева выгнали, – отвечал им муж Вояны, рослый, худощавый, остроносый словенин, по имени Видонег. – Ей и некуда более деваться, кроме как с ним ехать.

– Да тьфу на тебя! – Берислава нахмурилась. – Что ты такие беды пророчишь!

– От слова не сделается!

– Не может этого быть! – Логи обернулся к ним. – Ингвар ведь сам созвал всех родичей, даже ваших псковских. – Он глянул на Торлейва с племянником, последнего из оставшихся в живых братьев Олега Вещего. – Если бы он был разбит, зачем стал бы людей созывать? На сором?

– О чем вы? – тихо спросила его Хельга, не понимавшая разговора по-славянски.

В душе мелькнуло восхищение тем, как свободно Логи говорит на славянском языке. Ничего в этом не было особенного для парня, выросшего среди русов и словен (сама она так же свободно говорила по-мерянски), но когда тебе кто-то нравится, любые его достоинства видятся куда более значительными, доступными только ему.

– Да так, вздор всякий болтают люди. – Логи не хотел переводить ей эти дурные пророчества. – Ингвар не может привести всех, их ведь было тысяч двадцать. Те, которых набирали из киян, из древлян, из радимичей и прочих, кто живет на юге, уже пошли по своим домам.

– И сколько-то людей погибло, – добавил Хедин.

– Слышно, сам Ингорь на десяти лодьях из-за моря воротился, – вставил Видонег.

– Как же без потерь? Но сколько – мы не знаем. Он, надо думать, только варягов приведет, которые отсюда домой за море поедут. Сотен пять или шесть, мать говорила.

Логи не верил, что самые страшные слухи могут оказаться правдивы и брат вернулся на десяти лодьях – когда уходил с тысячей, – но если только вообразить... Сердце обрывалось и жилы холодели от ужаса. Для конунга такой исход войны – гибель, никто больше не потерпит его власти. И для его рода это будет такой удар по чести и удаче, что главной заботой останется сохранить свое.

Толки почти прекратились, люди ходили туда-сюда, притоптывали на снегу, хлопали руками, чтобы не мерзнуть.

Со стороны Ильменя прозвучал рог – это давала знать о себе приближавшаяся дружина. Со двора вышла Сванхейд и встала возле ворот, там, откуда было лучше видно дорогу на льду. Хельга бросила на нее взгляд: королева была невозмутима, но даже Хельга видела, каких душевных усилий ей стоит эта невозмутимость. Она взглянула на Логи: тот хмурился от волнения, и она легонько тронула его за локоть. Он обернулся и благодарно похлопал рукой по ее варежке, но его рыжеватые брови оставались сдвинуты.

Рог прозвучал снова, уже ближе...

* * *

Долгожданная встреча обманула многих; Хельга ожидала от нее неведомых потрясений и потому обманулась меньше других.

– Где Ингвар, покажи мне! – шептала она, боясь с желанием, как маленькая, подергать Логи за руку.

Сама она никак не могла увидеть вождя дружины. Позади трубача и знаменосца ехали несколько человек, но ни один из них не выделялся ростом или величественным видом, какого ждешь от конунга.

– Вон он, в середине. – Логи слегка наклонился к ней и показал. – В синей шубе с такими длинными... застежками и отворотами.

– Какая странная шуба! – только и пробормотала Хельга. – Это в Кёнугарде так ходят?

– А ётун знает! Может, у греков...

На самом деле это был болгарский кафтан, полученный Ингваром в дар от его нового шурина, бату Бояна. Но такие же, причем не менее богатые, были на самом Бояне и их спутниках, а собственно видом Ингвар не выделялся. Не только Хельге, приехавшей издалека, но и прочим жителям Хольмгарда было трудно сразу его узнать – его тут видели всего один раз, пять лет назад, когда ему было всего восемнадцать и в Киеве еще правил Олег-младший, муж Ингваровой сестры Мальфрид. Сама Сванхейд угадала, который из всадников, сошедших с богатых, отделанных шелком и резной костью седел, ее сын, только по сходству с Олавом – и еще по сдержанной, властной повадке, привычке находиться под градом взглядов.

Ингвар был человеком совсем иного склада, чем его отец – более решительный и даже резкий, менее мудрый и сдержанный, – но этого Сванхейд пока не знала. Обликом же он так сильно напомнил ей Олава, что она в первый миг растерялась. Ингвар сейчас был на несколько лет моложе того Олава, которого она когда-то увидела впервые, и вспыхнувшие воспоминания прогнали ее гнев. Сейчас, пока он медленно, словно одолевая нерешительность, шел к ней, она помнила только то, что перед ней – тоже ее дитя. Невысокий, с обычным, ничем не примечательным лицом, Ингвар выглядел даже моложе, чем был на самом деле – особенно пока смотрел в снег у себя под ногами. Сванхейд поразило, как молод этот человек – тот, кто воевал с Греческим царством и звался повелителем огромных просторов от Варяжского моря до Греческого. На памяти руси ни один человек, даже из более опытных и прославленных, еще не держал в одних руках столько земель и племен. Она не позволила бы Ингвару жаловаться на то, что он вырос, будто круглый сирота, не зная ни отца, ни матери – так они решили для его же блага. И если ради этого блага он переступил через свою родную сестру – может быть, часть вины лежала и на Сванхейд. Она забыла свои недавние мысли о его вине, и речь ее прозвучала хоть и величественно, но дружелюбно и с глубоким чувством.

– Приветствую тебя во владениях твоих предков, Ингвар конунг... Двадцать лет назад я отпустила тебя из дома ребенком... потом встретила молодым мужчиной, знающим, чего он хочет... и вот теперь принимаю вновь, уже как владыку Хольмгарда и Кёнугарда, огромных владений между Восточным морем и Греческим... Да благословят боги тебя и все твое потомство! – Горячее это пожелание вырвалось из самой глубины ее души. – Да славятся боги, пославшие тебе твои победы! Да не иссякнет их благосклонность к тебе!

Теперь Ингвар стоял совсем близко, в нескольких шагах, и Хельга жадно его разглядывала. Небольшая рыжеватая борода... брови прямые, светлые, тоже рыжеватые... глубоко посаженные глаза, не понять, кажется, серые или голубые... Нос немного широковат и чуть свернут в сторону, но заметно, только если приглядеться. Не урод, не красавец – вид самый заурядный. Сванхейд выше его ростом! Если бы не богатый заморский кафтан, крытый синим узорным шелком с красной отделкой, не высокая, похожая на шлем, шапка на куницах, крытая красным шелком, его приняли бы за какого-нибудь пастуха или рыбака! Хельга не могла одолеть разочарования. Любоваться оказалось нечем, бояться вроде тоже нечего. Она покосилась на Логи: вот он, пусть ему всего семнадцать, куда больше похож на человека королевского рода!

Одно только ей в Ингваре понравилось: золотая серьга в левом ухе, искусной работы и с красным самоцветом, видно, греческая. Сама она в последние два дня не носила серебряные колечки в ушах, как носят все в Мерямаа – здесь это было не принято и на нее косились с удивлением.

На лице и на руке у Ингвара какие-то красные пятна... обморозился, что ли?

И тут совсем рядом раздался крик – сперва один, потом другой. Вздрыгнув от неожиданности, Хельга обернулась: это кричали Вояна и Берислава. Оттеснив Хельгу и Логи, они прошли вперед и в изумлении уставились на женщину, которая встала рядом с Ингваром. Хельга перевела взгляд на нее: совсем молоденькая женщина была невысока – Ингвару под стать, но смугла, скуласта, с темными глазами степного разреза. Женщины некоторых родов восточной мери выглядели похоже. Кто же это?

– Вот моя жена... вторая... – Ингвар взял смуглянку за руку и подвел к Сванхейд. – Огняна-Мария... дочь Пресияна... из рода Петра, царя болгарского...

Вторая жена? Хельга вытаращила глаза. Берислава так ждала приезда своей сестры Эльги, а это, выходит, не она? Но куда делась Эльга? Почему жена Ингвара – какая-то... дочь какого-то царя? В смятении Хельга даже не могла понять, о греческом царе идет речь или о каком-то другом; если о греческом, то неужели Ингвар в походе захватил его дочь?

– Но что с Эльгой? – загомонили разом родичи. – Почему вторая? Откуда? Эльга... Что с ней? Она жива? Неужели...

Берислава снова закричала, ее лицо исказилось, будто она сейчас зарыдает. Изумленная Хельга лишь смутно ухватила суть всеобщего смятения: вместо Эльги дочери Вальгарда Ингвар привез совсем другую жену, а значит... он овдовел? И родичи Эльги, коих здесь с десяток, сейчас узнают свою горестную весть?

Мальфрид, а теперь и Эльга! Хельга взглянула на смущенного и раздосадованного Ингвара другими глазами: хоть он внешности и неприметной, а на деле дракон, губящий знатных женщин!

Оказалось, что все не так плохо: Эльга не умерла, она осталась в Киеве. Живая и здоровая, как заверял Ингвар – насколько он мог быть уверен, расставшись с нею более месяца назад. И тем не менее у него появилась вторая жена, болгарка, не менее знатного рода, чем старшая племянница Хельги Хитрого. Это все выяснилось тут же, перед воротами конунгова двора, и Хельга заметила, как переменялись лица всех родичей Ингвара и приближенных Сванхейд. Волнение встречи, приподнятость и воодушевление сменились настороженностью и тревогой. Греческий поход имел какие-то важные, переломные последствия, и Сванхейд, судя по ее лицу, не ждала добрых вестей.

Но она знала, как себя вести, и вскоре уже Ингвар с приближенными под рев рогов вступал в гридницу, за ними валили толпой родичи и гости. Логи повел Хельгу в дом, оберегая ее в толпе; она держалась за его руку, вытаращенными глазами оглядываясь. Казалось, ее несет бурный поток талой воды, среди упавших стволов и смытых изб. Но сейчас будет пир, и все разъяснится.

* * *

Положение дел было не таково, чтобы в нем могла быстро разобраться даже Сванхейд, не говоря уж о Хельге. Королева заранее распределила дела по управлению пиром между служанками и родственницами, часть поручение досталась и Хельге, поэтому она не могла непрерывно слушать, что говорится в гриднице, – приходилось выходить в поварню. Родичи и знатные гости сидели с одной стороны длинной палаты, приближенные Ингвара – с другой. Таких людей Хельга никогда не видела и, приближаясь к ним с кувшином меда или пива, дрожала как лист. В дружине Ингвара были молодые и старые, седобородые, славяне разных племен, варяги, русы, даже немного болгар. Болгары казались Хельге более знакомыми, чем прочие, она не раз видела их родичей, итильских булгар, приезжавших в Силверволл по торговым делам.

Но остальные... Богатые греческие кафтаны и рубахи, отделанные шелком и даже целиком шелковые, дорогие серьги, браслеты, перстни из серебра и золота, пояса с серебряными

и бронзовыми бляшками только подчеркивали дикость их загорелых лиц, жестких глаз, безжалостных и чуть отстраненных. У многих на лице, на шее, на руках виднелись красные и розовые пятна; Хельга было подумала с испугом, что это какая-то заразная хворь, которой страдает вся дружина, но услышала, как кто-то из них, отвечая на чей-то вопрос, объяснил: это ожоги! Ожоги от «влажного огня»¹⁰, который дождем лился на Ингварову дружину с греческих судов проливе между морем и Миклагардом; не менее тысячи человек там погибло за одно утро от этого огня, утонуло вместе с горящими судами или спасаясь от пламени, которое не гасло даже на воде. Среди этих погибших оказался и юный Эймунд – родной брат Бериславы. Они с Вояной плакали, роняя слезы в кувшины с пивом, но хирдманы Ингвара не сердились, лишь понимающе кивали.

Весь долгий вечер, до полуночи, шли рассказы о походе, но Хельга, к концу едва стоявшая на ногах от усталости и волнения, так и не поняла: с победой вернулся Ингвар или с поражением? Богатые кафтаны как будто говорили о первом, но ожоги на лицах и ожесточение в голосах с этим не ладили. Около половины ратников, варягов, русов и словен, не вернулось – они погибли в Боспоре Фракийском, в сражениях вдоль побережья Вифинии и Пафлагонии, под Гераклеей, в столкновении с печенегами близ днепровских порогов на обратном пути, и тени этих погибших густым роем висели над столом, увеличивая всеобщее смятение. К тому же часть рассказов и разговоров велась по-славянски, и смысл их от Хельги ускользал.

Сам Ингвар, как с изумлением поняла Хельга, провоевал только один день. В то утро, когда русские суда вошли в пролив и на них обрушился «влажный огонь», он был ранен и уже через несколько дней с частью дружины отступил от пределов Греческого царства назад, в Болгарию, где и пробыл до своей женитьбы на этой вот смуглянке. Но большая часть его войска оставалась в Греческом царстве, и хотя к Миклагарду они не приступали, все лето ходили по южному берегу Греческого моря, захватили там несколько городов и взяли хорошую добычу. Возглавлял то войско Мистина, Свенельдов сын, побратим Ингвара, но с ним сюда он не пришел – остался в Кёнугарде. Близ какого-то города люди цесаря дали русам большое сражение, в котором тоже непонятно кто выиграл, хотя крови было пролито очень много; после этого русы и отступили, и недавно, под первым снегом, прибыли в Кёнугард. В те самые дни, когда в Силверволл пришел торговый обоз из Булгара. Из того города – Гераклеи Понтийской – они сумели вывезти всю набранную к тому времени добычу, поэтому считали себя победителями. В доказательство успеха всем родичам Ингвара и знатным людям Хольмгарда были поднесены дары – серебряные милиарисии, золотые номисмы, шелковые одежды, драгоценные чаши, разные красивые заморские мелочи вроде серебряных ложек или костяных резных гребешков.

Поход, принесший добычу, неудачным считаться не может. Но Хельга видела по лицам, по голосам: что-то мешает русам торжествовать, что-то отравляет им сладость меда на этом пиру.

Разливая пиво и мед, Хельга часто подходила с кувшином к дружинному столу, и каждый раз ее пробирала дрожь тревожного волнения, будто ей предстояло покормить с руки медведя или волка. Ингвар привел с собой шесть сотен человек, по большей части наемников из-за моря, и многие из них, как и сама Хельга, не знали славянского языка; она слышала, как Логи переводил, сидя меж одним из прибывших и каким-то стариком из славянских старейшин. Они не трогали Хельгу, но она ощущала на себе пристальные взгляды этих безжалостных глаз и старалась с ними не встречаться. Иногда кто-то обращался к ней, и хотя она почти всегда понимала слова, до ее сознания они не доходили и она спешила отойти, не отвечая.

Уже за полночь Берислава, шмыгая носом, шепнула ей, что Сванхейд разрешает женщинам уйти – подавать больше ничего не надо. К тому времени уже были съедены горы

¹⁰ «Влажный огонь», «морской огонь» – то, что известно под названием «греческого огня», горючая смесь на основе нефти.

мяса и хлеба, под ногами перекатывались кости. Опустили бочонки пива и меда, голоса мужчин стали громкими, движения размашистыми. Кто-то пел, кто-то задира л рубашку, показывая шрамы от тяжелых ран, кто-то рассказывал о гибели товарищей, уже не в силах сдержать слез. Хельга была рада уйти в избу вместе с Бериславой и Вояной; ее едва держали ноги, голова гудела, но возбужденный мозг долго не давал ей заснуть.

Она пока мало что поняла об успехах Ингвара с греками, но поняла, что и военные, и семейные дела его очень не просты. А значит, предсказывать последствия похода для Эйрика и Мерямаа – такое же полезное занятие, как рисовать пальцем на воде.

* * *

Проснувшись утром от плеска воды, Хельга обнаружила, что у лохани умывается мужчина, лет двадцати с небольшим, среднего роста, коренастый, с округлым приветливым лицом и рыжей бородкой. Увидев, что незнакомая девушка на лежанке, плотно занятой родственницами и служанками, в изумлении на него смотрит, он улыбнулся и подмигнул ей.

– Я – Тородд! – шепотом представился он. – Я – хозяин этого дома, но гостей не ем.

– Привет и здоровья тебе, Тородд! – так же шепотом ответила Хельга, садясь. – Наверное, тебе не очень приятно наткнуться в своем доме на толпу чужих женщин, но откуда мы могли знать, что вы как раз в это время сюда приедете!

– Нет-нет, это просто счастье – вернуться из похода домой и вместо одной красивой женщины застать здесь целый десяток! – Тородд снова ей подмигнул. – Ты какая-то наша родственница?

– О, это непросто объяснить! Я – Хельга дочь Арнора, из Силверволла. Госпожа Сванхейд пригласила меня погостить. Мой дядя Эйрик – ее двоюродный брат.

– Твой отец – Арнор Камень? То есть, – Тородд немного подумал, – ты племянница моего двоюродного дяди... ты мне кто-то вроде троюродной сестры?

– Пусть будет так! – Хельга шепотом засмеялась. – Но не кровной.

Разумеется, это Тородд – муж Бериславы, который наконец вернулся в собственный дом. Он пришел, когда Хельга уже спала, поэтому и не сообразила сразу. Наверное, она видела его вчера на пиру, то все незнакомые лица для нее слились в одно. Родной младший брат Ингвара на вид приятный человек – добродушный и приветливый. Сам Ингвар ей вчера показался совсем другим...

От их шепота проснулась Берислава и разбудила Вояну: еще не рассвело, но пора было идти заниматься хозяйством. С прибытием дружины их заботы не закончились, а только увеличились. Разместить всех прибывших в Хольмгарде не было возможности, и часть еще вчера развели по городкам и селениям на Ильмене, но сотни три устроились здесь. Для них в Хольмгарде имелось несколько больших дружинных домов, где спали на помостах в два яруса и даже на полу; а еще их всех надо было кормить.

– Если бы Тородд притащил из похода другую жену, я бы его убила! – сказала Берислава, пока они смотрели, как служанки доят коров, и сами помогали доить коз. – Как только Эльга это перенесла!

– И как она перенесла? – полюбопытствовала Хельга.

– Она бросила его! – прошептала Берислава, придвинув к ней голову. – Когда она эту Огняну увидела, то упала в обморок! Мне Тородд вчера рассказал. Ты никому не говори, это они в гриднице не стали рассказывать. А потом она сказала, что знать его не хочет, и уехала в Вышгород. Сказала, там будет жить, и что ему она больше не жена, пока эта болгарыня при нем. Я бы тоже так сделала! Вот посмотрим, долго ли он будет еще князем киевским зваться, когда наследница Олега Вещего – ему больше не жена!

– О-о... – только и вымолвила изумленная Хельга.

Нетрудно было понять: это новость очень важная, в том числе и для Мерямаа, где Эльгу, княгиню киевскую, никогда в глаза не видали. Что из этого может выйти – и Хельга еще не понимала, и никто не понимал, но разрыв с женой, которая принесла Ингвару права на киевский стол, уж точно ему на пользу не пойдет.

Гридница, куда Берислава и Хельга пошли со служанками наводить порядок, напоминала поле боя. Разговоры продолжались еще долго после того, как кончилось пиво; и сейчас еще какие-то двое, так и не ложившиеся, толковали в углу, причем один говорил на северном языке, а другой – на славянском, но это им не мешало; кого каждый мысленным взором видел перед собой, оставалось загадкой. Прочие спали – на помостах, на соломе на полу, так что женщины едва могли пройти к столам и очагу. Было душно, воздух дрожал от разноголосого храпа. Стоял густой запах давно не мытых тел. Служанки принялись выгребать золу, собирать со столов и с пола кости и объедки, отмывать столы, залитые пивом, похлебками, медом, отскабливать пятна воска. Собрали глиняные светильники, чтобы заново залить их воском. У некоторых светильников масло просочилось сквозь пористую глину, но никто не заметил этого вовремя, и на столе остались черные обгорелые круги. Ходить приходилось с осторожностью, выискивая промежутки между лежащими телами хотя бы на ширину маленькой женской стопы; Хельга все время боялась, что на кого-нибудь наступит во тьме, а ее укусят в ответ. Спутники Ингвара – загорелые на греческом солнце, опаленные «влажным огнем», в грязных шелковых рубахах, со шрамами и дорогими перстнями, пока все были для нее неразличимы, но страшны, как звери, умеющие говорить.

С утра, продрвав глаза, воинство отправилось в баню – открыли и натопили все хольмгардские бани, стоявшие вдоль протоки. Конечно, от «греческих вшей» они избавились еще в Киеве, где провели около двух месяцев в ожидании зимнего пути, но после месяца в дороге очень нуждались в толковом мытье, стирке и починке.

Болгарскую жену Ингвара тоже поручили заботам Бериславы. Славянский язык той и другой был далеко не одним и тем же, но они все же могли как-то столкнуться. На русском Огняна-Мария знала всего несколько слов, и то по части дружинного обихода. Тем не менее она охотно улыбалась Хельге и даже взяла ее за руку, знаками выражая дружбу, хотя едва ли понимала, кто это такая. Вблизи Хельга разглядела, что если болгарка и старше ее, то всего на год-другой; поражала мысль, в какую даль от родного края ту занесла прихотливая судьба и как ей, должно быть, все странно здесь. Сама она, Хельга, все-таки приехала от одной руси к другой, к людям того же языка и обычаев. Берислава старалась держаться с Огняной-Марией приветливо: как-никак, они обе приходились невестками Сванхейд и были одинаково знатного рода, но истинной любви к ней ощутить не могла, видя в ней захватчицу, оттеснившую от Ингвара ее сестру Эльгу. Но если Огняна-Мария и догадывалась о ее чувствах, то не подавала вида, и Хельга в душе уважала ее стойкость.

Об Огняне-Марии и зашла речь, когда Ингвара, отдохнувшего после бани, пригласили к Сванхейд. Она приняла его в спальном покое, где еще висело на стенах кое-что из оружия его покойного отца, а в больших ларях под надежными замками хранились накопленные им богатства. На лежанке с резными столбами раскинулось одеяло на куницах и покрывало узорного шелка – старое, привезенное почти тридцать лет назад от сарацин. На ларях горели фитили в литых бронзовых светильниках – из той же добычи.

– Для чего ты привез сюда твою новую жену? – спросила Сванхейд, стараясь говорить мягче, чтобы в ее голосе не звучало недоброжелательства.

Брак Ингвара с Эльгой когда-то устроили его родители; его новый выбор означал в глазах матери разрыв со всеми их прежними замыслами.

– А ты разве не хотела бы познакомиться со своей невесткой? – с вызовом, означавшим попытку защититься, ответил Ингвар. – Она – из рода Петра, а он цесарь в Болгарии. Не хуже самого Романа, что сидит в Миклагарде, паук старый.

- Куда охотнее я бы познакомилась с моей невесткой Эльгой, что из рода Хельги Хитрого.
- Едва ли она время найдет сюда приехать, – не без досады ответил Ингвар.

Оба они держались настороженно – совсем не как мать и сын после долгой разлуки. Разлука их была слишком долгой, чтобы между ними могла существовать хоть какая-то привязанность: они совсем не знали друг друга.

– Я слышала... – медленно начала Сванхейд, – люди говорят... Ингвар конунг, ты сохранил власть над Кёнугардом? – бросив мяться, что было ей несвойственно, прямо спросила Сванхейд. – Ты еще князь киевский или уже нет? Или ты прибыл сюда с новой женой и дружиной, потому что прежняя жена изгнала тебя из Киева и это теперь все, что у тебя есть?

Она снова вспомнила о Мальфрид. Если окажется, что Ингвар изгнал из Киева сестру, обрек ее на гибель, но и сам власти не удержал, то его вины многократно утяжелят одна другую.

– Ложь! – Ингвар вскинул глаза, и Сванхейд снова поразило, как похож он внешне на Олава и какой несхожий нрав отражается в этих глазах. – Никто меня не изгонял! Я взял ее с собой... так было нужно. Если бы я ее оставил в Киеве, Эльга туда бы не вернулась... из Вышгорода. А если бы она не вернулась... Там в Витичеве сидит тот хрен краснорожий...

– Кто? – Сванхейд выразительно подалась вперед, и Ингвар опомнился: он тут не в дружинном доме.

– Хельги Красный. Братец ее, чтобы его тролли... любили. У него тысяча человек. Если в Киеве не будет князя, он может его занять. Он ведь тоже, жма его дави, племянник Олега! И чтобы он туда не влез, на столе должна быть Эльга. Она его не пустит. Они меж собой разберутся. И еще Мистина там. Но чтобы Эльга вернулась, мне надо было Огняну из города убрать. Я и взял ее с собой. А вернусь – буду сам князем киевским. И еще там Грознята, этот хрен... с огорода. Он мне тоже тут объявил: не буду больше дань платить, буду сам князем черниговским. Чтобы Эльга могла его за жабры взять, она должна быть княгиней в Киеве. Иначе мне было б оттуда не уйти.

Сванхейд молчала, соединив перед собой кончики пальцев и напряженно раздумывая. Ей тем более досадно было, что не оправдались ее надежды познакомиться с Эльгой, что та, кажется, по-настоящему держала в руках киевское наследство Олега Вещего и даже Ингвар это признавал.

– Чернигов отказался повиноваться? – вымолвила она чуть погодя. – Так ты... Роман вас разбил?

– Не разбили нас! – с досадой ответил Ингвар; слишком много раз ему уже приходилось отвечать на это вопрос, заданный вслух или только взглядами. – Не разбили! Мы какие дары всем вчера раздавали – или мало?

– Дары были хороши. Но если ты вернулся победителем, почему Чернигов тебя не принял с честью? От удачливых конунгов не отказываются. Или твоей тамошней родне даров не хватило?

Ингвар глубоко вдохнул несколько раз, стараясь взять себя в руки. Он приехал на север, чтобы просить свою мать-владычицу о поддержке, а как просить помощи, не признавшись сперва, что нуждаешься в ней?

– Прошлой зимой я сама ездила в Видимирь...

– Это где? – Ингвар коротко глянул на нее.

– На востоке. Зао Мстой. – Сванхейд сообразила, что Ингвар, приехавший во владения отцов лишь второй раз, совсем этих владений не знает. – На рубеже наших земель, где кончаются словены и начинается меря. По Мсте дань собираем мы, по Мерянской реке – уже Эйрик. До него там Свенельд ходил и другие люди твоего отца. Ты помнишь, я передавала тебе с Тороддом, что Эйрик отказался платить нам дань после смерти Олава? Прошлой зимой я ездила к нему сама, надеялась уговорить не делать глупостей и держаться нашего старого уговора. Ничего не добились. Здесь сейчас, кстати, есть твой сводный брат Несвет, он был при той

нашей встрече. И он тогда ясно давал понять, что сам не прочь занять престол в Хольмгарде, раз уж тебе он не по нраву.

– Что? – Ингвар снова вскинул на мать глаза, уже со злобой.

Широко открытые, его глаза засверкали, выражение свирепости в чертах делало его неприятельную внешность страшной.

– Да кто он такой, ётун его мать налево!

– Он – такой же законный сын твоего отца, как и ты! – Сванхейд возвысила голос. – И он старше тебя на десять лет. А ты чего ждал – что престол Хольмгарда будет дожидаться тебя десять лет и не найдется других охотников его занять? Ты ведь до сих пор не возведен на престол отца по закону! Тебя еще не было здесь со дня его смерти! У Хольмгарда и правда сейчас нет конунга – как говорил мне Эйрик, и я с трудом находила, что ему ответить! А пока ты не занял место отца, и у Несвета есть надежда.

Ингвар бурчанием под нос отвечал, куда пойти Несвету с его надеждами.

– Теперь я здесь. Я сделаю это хоть сейчас.

Ингвар встал, но Сванхейд молчала и не шевелилась. Он снова сел.

– Я надеялась, что ты займешь свое место и сам покажешь Эйрику, как неразумно было его решение с нами ссориться. А оказалось, ты не можешь удержать в повиновении даже те земли, близ которых сам живешь. Чем ты докажешь, что у тебя есть истинная удача конунга?

«Я жив», – мог бы ответить Ингвар; но мать не поймет, как это много при том, что он пережил, и ей это покажется слишком мало.

Они помолчали; каждый рисовал себе расползание на части той огромной державы, которая лишь начинала складываться. Складываться пока более в надеждах, чем на деле.

– Я готова была отдать тебе престол Олава, чтобы ты соединил в одних руках весь путь от свеев до греков, – снова заговорила Сванхейд. – Я верила, что ты сможешь это сделать, что у тебя хватит сил. И что же? Неужели мне придется разочароваться?

– Ничего еще не кончилось, – угрюмо ответил Ингвар. – Мы ушли, но мы вернемся.

– Ты собираешься на Романа снова?

– Само собой. А вы тут думали, я поджал хвост, да и все? Мы и так грекам показали, что за люди русы. Мистины тут нет, но тебе другие расскажут. Вчера уже рассказали. Мистина до Гераклеи дошел. Это почти там, куда Аскольд когда-то добрался. А Хельги Красный был в Пропонтиде¹¹. Миклагарда стены видел и в Никомедии сам как цесарь все лето сидел.

– Но пока и он, и Свенельдич в глазах людей выглядят куда более удачливыми вождями, чем ты.

Сванхейд не стремилась щадить своего незнакомого сына, она хотела точно выяснить положение дел.

– У них у всех была *моя* удача. Я – их конунг. Я их туда привел. Я был ранен, но послал мою удачу со Свенельдичем. И эти все дары... – Ингвар запнулся.

– Привез он.

– Так привез же. Неудачливые люди привозят только раны, а не кафтаны шелковые.

Сванхейд еще помолчала. Ее быстрый ум уже связал концы: Мистина обрел у греков славу и добычу, Мистина остался в Киеве оберегать стол от соперников Ингвара... вместе с Ингваровой женой, которая больше не желает его видеть своим мужем. А Сванхейд знала, что за человек сын Свенельда, даже лучше, чем предполагал ее сын.

«Так кто там сейчас князь в Киеве?» – холодом пронзила Сванхейд тревожная мысль. Не черниговец Грозничар, не бойкий бродяга Хельги Красный... А тот человек, обладающий силой медведя, ловкостью ящера и упорством текучей воды, чей ум, ловкость и умение нравиться людям Сванхейд не так уж давно испытала на себе... Если Мистина Свенельдич поже-

---

¹¹ Пропонтида – Мраморное море, за проливом Босфор.

лает сам сесть на киевский стол, пока Ингвар здесь, что ему помешает? Права Ингвара на Олегово наследство были получены из рук жены, но если эта жена теперь привечает другого... Расположение Эльги и заслуженная в походе честь сделают Мистину равным соперником Ингвару, хоть он и не королевского рода.

Прикусив губу, Сванхейд при свете огоньков на ларях рассматривала замкнутое лицо своего сына и пыталась угадать, насколько это все понимает он сам. А если не понимает – стоит ли ему говорить, как неосторожно было оставить Мистину с Эльгой? Если они заключат союз против него, из такой дали он не сможет им помешать. Сванхейд почти видела, как рвутся над его головой невидимые нити норн, как расползается и тает удача конунга, навлекая одно поражение за другим. Огонь Босфора, отказ Эйрика, возмущение в Чернигове... разрыв с княгиней Эльгой? Эти нити нужно хватать все разом, но где взять столько рук? Киев, быть может, уже потерян, а если так, не будет и удачи с греками. Затевать сейчас войну с Эйриком можно только от отчаяния – дабы умереть с честью.

– Нет, я не верю, что до этого дошло... – сама себе пробормотала Сванхейд. – И теперь тебе нужно убедить людей, что ты *не разбит*, чтобы уговорить их пойти с тобой снова?

– Если так все оставить, до нового договора с Романом не довести, то выходит, все было напрасно. Напрасно горели мы, напрасно десять тысяч человек положили.

– Десять тысяч... – Сванхейд, впервые услышав о числе потерь, прижала пальцы к губам.

– Опять будут люди нужны. Надо их убедить. Нанять. Не сразу опять пойдем, сперва прикинем, как под «влажный огонь» этот снова не попасть. Идти нужно берегом. А для этого нужен мир с болгарами и печенегами. Оттого у меня и Огняна...

Сванхейд кивнула: это она поняла. Она поняла и безвыходное положение сына, которому для удержания власти и достижения победы нужны были две знатные жены, Эльга и Огняна, причем обе сразу. Сванхейд усмехнулась про себя: хотя бы трудностями своими и мужеством, с которым он их одолевает, ее сын мог сравниться с героями древности. Мысль эта вызвала в ее сердце первый проблеск тепла. Сдаваться Ингвар не намерен, а значит, ее долг – его поддерживать, пока не все потеряно.

– Я думала, ты сможешь сам съездить к Эйрику этой зимой... но теперь думаю, ему пока не стоит знать о наших делах, – промолвила Сванхейд. – Меренланд никуда не денется, там ты сможешь предъявить свои права и через пару лет. Но Эйрик – упрямый старый медведь. Прежде чем говорить с ним, тебе следует укрепить свою удачу. Показать, что к нему за своим пришел победитель и могучий владыка, а не бродяга, лишь бы урвать кусок, где получится.

Ингвар молчал, не в силах выдать из себя внятную просьбу о помощи. Мать все поняла, но не сказала ему ни да, ни нет. Ему казалось, что сейчас, а не в тот далекий день в Босфоре, когда он лежал на заставе Иерон, обожженный и раненый, не зная, уцелело ли остальное войско, он достиг дна своих несчастий. Лицо Сванхейд в полутьме шомнуши, при блеске начищенных бронзовых светильников, виделось ему лицом самой норны Урд, хозяйки судьбы. Ее то ему и надо было убедить, что он достоин помощи. Тогда, быть может, эта нить еще и вытянет его на поверхность.

* * *

Сванхейд понимала: Эйрику в Мерямаа не следует знать о неуспехе Ингвара, но понимала и другое – скрыть это от него не получится. В Хольмгарде находились два племянника Эйрика, знавшие столько же, сколько и все, а еще Несвет. Со сводным братом Ингвар познакомился в первый же вечер, но Несвет, получивший свою долю греческих подарков, повел себя на удивление сдержанно и даже приветливо. Легко было рассуждать о своих наследственных правах в глуши междуречья Мсты и Мерянской реки или даже на пирах для окрестных словенских старейшин, которые он давал в Видимире на Дожинки и Карачун. Но здесь, увидев Инг-

вара и его дружину – шесть сотен зверей в шелковых кафтанах, приученных есть с копья, – он разом обрел благоразумие и присмирел. Противопоставить этой силе, пусть даже потерпевшей неудачу, было нечего. Однако если Несвет и был разочарован, то скрывал это великолепно. Хельга диву давалась, наблюдая за ними издали: Несвет охотно беседовал с Ингваром, расспрашивал, выслушивал, всячески давал понять, что поддерживает брата. В эти дни словенская и русская знать много обсуждала Ингваров поход, и разговоры эти были нелегкими. Порадовавшись дарам, хёвдинги и старейшины осознали, что война-то кончилась ничем: между Ингваром и Романом, цесарем греческим, не утвержден мир, даже не шло переговоров, которые могли бы когда-то в будущем привести к заключению «торгового мира». Владыки Киева и Хольмгарда, а также все, кто от них зависим и с ними связан, оказались в непростом положении: на торги Миклагарда у них больше не было выхода из-за войны с греками, а на болгарские торги путь загораживал Эйрик мерянский. С хазарами же отношения были испорчены еще тридцать лет назад, при Олеге Вещем, и недавние подвиги Хельги Красного дела не поправили. Нет, Эйрик не отказался бы пропустить торговцев из Хольмгарда, чтобы продали в Булгаре бобров, а взамен привезли серебра и шелка, но теперь волховским русам пришлось бы заплатить ему пошлину, а значит, признать его независимым владыкой Мерямаа. Сванхейд хорошо понимала: чем сделать это, лучше несколько лет потерпеть без дорогих обновок и торговых выгод, но не закрыть себе путь ко всему этому в будущем. И Несвет, как рассказал Хельге ее брат Хедин, на этих совещаниях поддерживает Ингвара и выражает готовность помочь уладить дела между ним и Эйриком. Глядя, как он приветлив с Ингваром, Хельга едва верила своим глазам: лишь год назад этот человек замыслил захватить Сванхейд в плен, чтобы принудить к признанию его прав. А теперь, казалось, на всем свете у Ингвара нет лучшего друга.

– Несвет же не дурак, – сказал ей Хедин. – Он сидит ровно посередине между Эйриком и Ингваром. Он там не князь, но человек влиятельный. Род его матери в междуречье – из старших, уважаемых. Если между этими двумя будет война, очень важно, на чью сторону он встанет. В его силах преградить войску путь – там болота, реки, идти трудно. Если на волоке засеки поставить – долго держаться можно.

– Но чего хочет Несвет? На чью сторону он встанет? Если он поддержит Ингвара, то Хольмгардом ему уж точно не владеть!

– Да я думаю... – Хедин нахмурился. – Мало ли чем он там владеть пожелает?

– Чем? – Хельга коснулась его руки и заглянула в глаза.

– Есть у нас места и получше Видимирия. Если Ингвар и Эйрик будут воевать, если Ингвар одолеет, а Несвет ему поможет...

– Он хочет получить Силверволл? – Хельга широко раскрыла глаза, изумленная и напуганная этой мыслью.

– Ёлс его маму знает...

Хедин не стремился делать таких неприятных предположений, но они так и лезли на ум, когда он глядел, как Несвет смеется каким-то дружинным шуткам в кругу загорелых, отмеченных шрамами и ожогами гридей. С поддержкой этих людей он добьется куда большего, чем в борьбе с ними, это понять ума хватит.

После этого разговора Хельгу еще сильнее мучило желание побольше узнать о переговорах, но следить за ними у нее не было возможности: с утра до вечера она хлопотала по хозяйству с Бериславой, Альдис и другими женщинами и знала только то, что удавалось услышать на пиру. Смысл происходящего иногда разъяснял своей любопытной жене Торродд; если Хельга еще не спала, ей тоже удавалось кое-что услышать.

А ведь если бы она набралась смелости, то легко могла бы вывести что угодно. За несколько дней Хельга притерпелась к обществу «греческого войска» и уже не так боялась Ингваровых гридей и хирдманов. Стоило ей войти, на нее устремлялись десятки взглядов и уже не отпускали. Разливала она пиво или пекла лепешки на сковороде над огнем, к ней неизменно

тянулись чаши и руки; ей улыбались загорелые лица, безжалостные глаза окидывали ее одобрительными взглядами. Хриплые голоса приглашали ее сесть рядом и выпить из серебряной чаши; Хельга, разумеется, не принимала этих приглашений, но отвечала сдержанной улыбкой. Когда страх отступил, присутствие наемников в дорогих кафтанах стало ее волновать, будоражить; они пока еще были для нее на одно лицо, она не думала о том, что кто-то из них мог ей понравиться, но ее возбуждала мысль, что она нравится им.

Для хирдманов, которым еще только предстояло разбогатеть для собственного хозяйства и семьи (а иные и не собирались всем этим обзаводиться), привлекательной выглядела бы и менее красивая девушка, а Хельга в ее шестнадцать лет, с точеными чертами, большими удлиненными глазами и улыбкой, полной сдержанного задора, была истинной красавицей. Дорогое цветное платье давало всем понять, что она – не из челяди, а из приближенных Сванхейд, и никто не позволял себе дерзостей.

Однако здесь Хельгу окружали слишком умелые ловцы. Однажды она шла от столов к бочке, чтобы наполнить кувшин, и вдруг споткнулась, да так позорно, что кувшин отлетел куда-то вперед – благо, он был медный и не разбился, – мутные пивные подонки выплеснулись на устилавший пол тростник, а сама она, нелепо взмахнув руками, упала прямо на колени к какому-то светловолосому здоровяку, что сидел на внешней скамье, обернувшись лицом к очагу.

– Опа! Осторожнее, тростник скользкий!

Он ловко поймал ее и схватил в объятия; Хельга будто упала с головой в облако телесного тепла, запаха, ощущения близости чужого мужчины. В испуге она забилась, с усилием дернулась, оперлась о его бедро, коснулась ногами пола и сумела встать; однако здоровяк не убрал руки, а продолжал сидя обнимать ее за талию.

– Пусти меня!

Хельга в гневе отшатнулась и вырвалась на свободу; здоровяк выпустил ее и даже развел руки, дескать, вот же незадача приключилась.

– Здесь очень скользкий тростник, – повторил он. – Ничего не стоит поскользнуться. Ты не ушиблась?

Он глядел с делано-простодушным видом, однако Хельга в этот самый миг осознала: она упала не сама, а споткнулась о неприметно выставленную на ее пути ногу, и все это – гнусная ловушка. А варяг и доволен, что она барахталась у него на коленях под десятками взглядов и под смех его товарищей.

– Ты не скажешь мне спасибо, что я не дал тебе упасть?

– Ты... – От возмущения Хельга не находила слов.

«Из-за тебя я и упала, ты нарочно подставил ногу!» – хотелось крикнуть, но нельзя же признать, что она попалась на эту детскую уловку. Однако и уйти было нелегко – его колени загораживали проход между скамьей и очагом, и она не могла пройти, не попросив его посторониться.

– Давай хоть познакомимся. Кто ты, Каменная Дева? – Его взгляд скользнул с ее лица вниз, на грудь с ожерельем из «ведьминых камней».

Был он рослым, ширококостным, с крупными чертами лица, мощным подбородком, а лет примерно тех же, что и Ингвар. Пушистые светлые брови, выделяясь на более темной загорелой коже, несколько смягчали жесткость этого лица, яркие выразительные губы выдавали молодость. Светлая борода росла как-то неровно: на правой щеке от скулы к подбородку в нее вдавалась глубокая красноватая проплешина, покрытая мелкими шрамами, ниже на шее тоже виднелись красные пятна от ожога.

– Ты сам сказал: я – Каменная Дева.

Называть ему свое настоящее имя у Хельги не было желания.

– Стейнмэр¹²? Уж не из каменного ли ты народа¹³?

– Может, и так. Дай-ка мне пройти, иначе я и тебя обращу в камень!

Хельга беглым взглядом окинула гридницу, но ни Логи, ни Хедина, ни даже Тородда поблизости не увидела. Конечно, закричи она, найдется, кому ее спасти, но она не хотела привлекать внимания к этой стычке. Не такая уж она беспомощная, чтобы кто-то мог насмерть напугать ее посреди гридницы, полной людей. Желание выразить наглецу свой гнев, поставить его на место боролось с желанием обратить все в шутку, чтобы не длить это развлечение для наемников, чьи щербатые ухмылки окружали их со всех сторон.

– Да, ты была изрядно тяжелой, когда упала на меня, – значительно кивнул светловолосый и болезненно потер колено. – Прямо как целая скала. Чуть не раздавила. Я теперь весь в синяках. Ну, хочешь, я тебя поцелую – я слышал, это верное средство превратить троллиху в девушку!

Он только шевельнулся, якобы собираясь встать, но Хельга отскочила так проворно, как будто перед ней вдруг оказался волк. Наемники радостно хохотали, а у Хельги даже уши загорелись от стыда и негодования. Ничего не оставалось, кроме как спастись бегством в обратном направлении, где была дверь в поварню и девичью.

– Да стой! – закричал светловолосый. – Кувшин забыла!

И правда. Кувшин. Хельга обернулась.

– Фроди, подай! – Светловолосый кивнул какому-то из своих, к чьим ногам отлетел кувшин.

Ухмыляясь, варяг поднял кувшин и протянул светловолосому. Тот взял его и в свою очередь протянул Хельге. Но она не решалась подойти. Сразу видно – человек самоуверенный и находчивый, не хватало ей еще раз «поскользнуться».

Видя, что она опасается приближаться, светловолосый поставил кувшин на очаг и даже отодвинулся, освобождая дорогу. Хельга подошла, схватила кувшин и отскочила. Лучше обойти через поварню и двор, чем снова шагнуть в ловушку.

– Я Эскиль! – полетело ей в спину, уже когда она пошла прочь. – Эскиль Тень. Будешь искать, спроси – меня всякий знает.

* * *

Будет она его искать! Как же – прямо с ног сбилась. Хельга никому ни слова не сказала об этом происшествии – очень надеясь, что слух о нем не дойдет до Логи или Хедина, а если дойдет, они не поймут, что речь шла о ней, – но с этих пор светловолосый варяг с ожогом на щеке уже не сливался для нее с толпой наемников. Проходя по двору или вступая в гридницу, она теперь окидывала путь быстрым ищущим взором – не готовят ли ей случай опять «поскользнуться»? Коварный ловец то и дело попадался ей на глаза: то в гриднице, то во дворе. Она не намерена была с ним разговаривать, ни разу не взглянула ему в лицо, но замечала постоянно. Он как-то так держался, что не заметить его было сложно. И даже не рост и плотное сложение тому причиной, а повадка – самоуверенная, властная, отчасти небрежная. «Фроди, подай!» – даже в том, как были сказаны эти простые слова, сквозила привычка распоряжаться и уверенность, что распоряжение будет выполнено. Да кто он такой? Каков его род? «Я – Эскиль Тень», – он сказал. Он назвал ей свое прозвище, а не имя отца – так делали те, чей отец и прочая семья были далеко и никому не ведомы, среди гридей таких много, а среди варягов почти все. Выходит, он человек незнатного рода, хоть и уверял, что его всякий знает?

---

¹² Тут же изобретенное имя, составленное из частей со значением «камень» и «девушка», обе части встречаются в древнескандинавском именослове.

¹³ Намек на родство с троллями.

Внешность его мало что поясняла: после греческого похода многие наемники носили дорогие кафтаны, перстни, обручья, гривны и цепи. Можно было лишь понять, что Эскиль из тех, кого добычей не обделяют.

– Я понял, что значат эти камни, – раздалось однажды, дня через два, прямо у нее над головой.

В это время Хельга наливала мед из кувшина в чью-то чашу; услышав знакомый голос, низкий и уверенный, у себя прямо над ухом, ощутив прямо за спиной присутствие чего-то большого и теплого, она вздрогнула и поставил кувшин на стол. Повернулась, стараясь не пучить глаза от удивления и растерянности. Нельзя дать ему понять, как он ее напугал!

Эскиль стоял совсем близко, опираясь рукой о стол, и Хельга еще попятилась. Он смотрел на ее «ведмины камни» и держался так, будто они продолжают дружеский разговор, начатый когда-то ранее.

– И что же ты понял? – спросила она, стараясь выиграть время, чтобы прийти в себя.

Хельга с самого детства была умной и бойкой девочкой; благодаря воспитанию она не терялась даже со знатными, облеченными властью людьми, умела держаться почтительно, но непринужденно. Однако здесь было что-то другое: Эскиль, старше ее лет на семь-восемь, по своей повадке казался каким-то столетним великаном, повидавшим столько, сколько обычным людям и за две жизни не увидеть. Из-за этого было жутковато смотреть ему в глаза – они не были злыми или угрожающими, но как будто все время видели тень смерти где-то рядом, не упускали ее из виду, и все остальное по сравнению с этим значило для этих глаз немного.

– Это, – Эскиль кивнул на «ведмины камни», – сердца тех, кого ты съела. Тролли едят людей, я знаю. А сердца ты высушила и носишь как свою добычу.

– Хочешь прибавить к ним свое? – язвительно ответила Хельга; она сама не знала, что говорит, но молчать было еще хуже.

– Попробуешь достать? – Эскиль улыбнулся левой половиной рта и поднес руку к бронзовым пуговкам шелкового кафтана на груди.

– Сдается мне, твое сердце уже и так из камня, – не глядя ему в лицо, ответила Хельга. – Я вижу его...

– Видишь?

Он расстегнул пару пуговиц и отодвинул край, как будто чтобы ей было лучше видно область сердца, хотя, конечно, увидела она только белую ткань сорочки и часть толстой плетеной цепи из серебра. Ей даже показалось, что она различает запах его тела – теплый, влекущий, он был таким неожиданно-приятным, что это причиняло досаду. Чего в нем такого приятного, что может так пахнуть?

– Вижу! – Хельга вдруг ощутила воодушевление, как в детстве, когда играли в норн-предсказательниц. – Это серый камень, неровный, очень прочный...

– Со следами от стрел и копий... Как ты можешь так ясно видеть?

– Это видно... по глазам. – Хельга наконец заставила себя поднять взгляд и посмотреть ему в глаза.

И поняла, что сказала правду: его серые глаза были именно такими.

– Только едва ли твое сердце принесет мне удачу, как вот эти. – Она показала на свое ожерелье и тут же подумала, что зря дала ему лишний повод сюда посмотреть.

– Это ты напрасно. – Его голос звучал спокойно, но у Хельги мелькнуло ощущение, что эти ее слова его задели. – Я – удачливый человек.

– Вот это – знаки твоей удачи? – Хельга глазами показала на красные пятна его лица и шеи, следы ожогов от «греческого огня».

– Ну еще бы! Я выжил, а многие у нас сгорели заживо, или умерли через пару дней от ужасных ожогов, или лишились глаз.

– А выглядит так, будто тебя приласкала сама Хель.

– Может, попробуешь вылечить? – Он слегка подался к ней, и Хельга принудила себя остаться на месте. – Эти твои камни ведь лечат?

– Я недостаточно стара, чтобы вылечить такого ётуна, как ты! – Хельга почти засмеялась. – Обратись к кому-нибудь поопытнее.

– Не вижу тут других лекарок. Если сама не хочешь, может, продашь мне один-два?

– Продать? Мои «ведьмины камни»? – Хельга накрыла ожерелье ладонью.

Впервые в жизни к ней обращались с таким предложением. Даже дети знают: счастливый камень нужно найти самому!

– Ну да. Хорошую цену дам.

Эскиль расстегнул еще несколько пуговиц и вытащил из-под кафтана серебряную цепь. На ней висело с десятков разных перстней – золотых и серебряных, с самоцветными камнями и с яркой эмалью, один даже с малюсенькими, как белые маковые зернышки, жемчужинками вокруг зеленовато-голубого камня и по всему золотому ободку. Кажется, это был тот же камень, что называется «фирузе», только с примесью зеленого оттенка.

– Меняю. – Держа кольца на ладони, Эскиль показал их Хельге. – Один к одному.

Вокруг изумленно загудели, и Хельга осознала, что каждое слово их беседы ловят десятки ушей. А чутье подсказало ей: Эскиль ни на мгновение о них не забывает и говорит все это не только для нее, но и для них.

– Да ему добычу девать некуда – на простые камни золото меняет! – издевательски, но не без восхищения бросил кто-то из толпы.

– Хватай скорей! – посоветовал Хельге другой голос. – За серые камни тебе никто столько не даст!

Эти голоса подбодрили Хельгу, и она подняла нос.

– Эти камни у нас зовутся «глаз Одина». И они – мои друзья, приносящие удачу. Друзей на перстни не меняют!

Эскиль помолчал, потом отступил и даже слегка поклонился, предлагая ей пройти. Она двинулась прочь, и уже отойдя на несколько шагов, сообразила: он не нашел ответа и признал свое поражение! Гордость собой и своей находчивостью залила ее с такой силой, что казалось, под ногами вспыхивают искры. Она рассчиталась с ним за тот случай со «скользким тростником»!

Уже в поварне Хельгу с головой накрыло волнение, о котором она на время этого поединка забыла – было не до него. Надо было порезать копченое сало и разложить на деревянном блюде, но у нее так задрожали руки, так что пришлось отложить нож, сесть и успокоиться. Ее трясло, присутствие Эскиля ощущалось так ясно, как будто он держал ее за обе руки.

Она победила! Победила в поединке, который он сам же и затеял, победила на глазах у всех его товарищей-наемников! Она гордилась своим последним ответом и ничуть не жалела, что отказалась от дорогих колец. А могла бы приобрести часть греческой добычи! Пока что только Тородд подарил ей золотой кругляшок, на котором было выбито изображение какого-то цесаря в венце и с крестиком на макушке, и это уже было немалое сокровище. А могла бы носить кольцо, внушая зависть очень многим. Такие дары очень уважаемы – с ними передают и часть удачи победителей, особенно когда дар получен от не последнего человека в дружине. О положении Эскиля она догадывалась, видя, с каким вниманием наемники следят за ним, прислушиваются к его разговору с ней. Она часто видела его в гриднице беседующим с Ингваром – так обыденно, будто они ровня. Но она так и не слышала ничего о его роде. Только по выговору его – такому же, как у ее матери и дяди Эйрика, – угадывала уроженца Свеаланда.

Кое-что она вскоре об этом узнала. В тот же вечер, когда Эскиль пытался выторговать у нее «ведьмин камень», Берислава заговорила с ней. Так повелось, что, закончив подавать угощение и питье – столько, сколько распорядилась дать Сванхейд, – знатные женщины удалялись, оставив дружину и гостей-мужчин пировать. В последние дни Хельга при этом ощущала

смутное сожаление, что приходится уходить, как будто она упускала что-то важное. Но пьянеющим наемникам пусть прислуживают рабыни, кого не оскорбит, если в благодарность за пиво их хлопнут по задку.

– Я видела, ты сегодня в гриднице говорила с Эскилем, – начала Берислава.

– Да? – безразлично ответила Хельга, снимая свои украшения и укладывая в мешочек. – Прицепился ко мне – вот же наглец.

– Не советую тебе много с ним болтать, – продолжала Берислава с суровостью опытной замужней женщины, у которой первенцу уже сравнялся целый год! – О его роде ничего хорошего неизвестно. Я спрашивала Тородда. Он даже не знает, как Эскиль попал в войско – пришел с дружиной Хавстейна, скорее всего. Хавстейн был очень уважаемый человек и родовитый. А тот при нем болтался. Хавстейн погиб в том большом сражении под Гераклеей, и после него варяги выбрали своим вождем Эскиля. Он по годам не старше Ингвара, но хорошо умеет с людьми управляться – мне так Тородд сказал. И с кораблем. К тому же он... очень храбрый, – с неудовольствием добавила Берислава; она не хотела хвалить Эскиля, но должна была объяснить причину его славы. – Люди его слушаются. Но каков его род – никто не знает. Тородд говорил, он рассказывает какие-то байки, будто он... ну, словом, то ли он сам чей-то побочный сын, то ли его отец или даже дед, я не знаю. Даже если его дед был побочным сыном Рагнара Меховые Штаны, он не может ни на что притязать. И все это могут быть выдумки. Знаешь, всякий подкидыш себя тешит мечтами, будто он сын конунга, которого похитили из дома враги.

Хельга невольно засмеялась, вообразив Эскиля маленьким жалким подкидышем, забытым какой-нибудь нищенкой на куче мусора. И все же невольно ощутила разочарование – уверенная повадка Эскиля, его властность и уважение к нему товарищей обещали большее. А выходит, он и говорить с ней не достоин – она-то ведь племянница Эйрика конунга, да и отцовский род ее, род Бьярнхедина Старого из Силверволла, самый знатный из всей мерян-ской руси! Может, потому он так и приступает к ней – коварно и тайком. Как тень...

– А почему – Тень?

– Не знаю. Спроси у Тородда.

Вот еще, подумала Хельга. Она и раньше не собиралась с кем-то говорить об Эскиле, а теперь и подавно не даст повода думать, будто ей есть до него дело!

Глава 5

Хельга надеялась, что больше Эскиль Тень не сумеет вовлечь ее в беседу, да он и не пытался. Для развлечения гостей Ингвар и Сванхейд устраивали разные состязания – в стрельбе, в метании сулиц, по борьбе, – но там Хельга делала вид, будто для нее существуют только Логи и Хедин, а остальные... лишь тени. На третий день Ингварова дружина уехала на лов – отдохнув от путешествия, хирдманы пожелали поразмяться, – но когда они вернулись с добычей, Хельга даже не вышла во двор посмотреть. Услышав где-то знакомый голос, невозмутимо-властный и чуть небрежный, отворачивалась, делая вид, будто очень занята. Она надеялась, что при виде такой холодности Эскиль больше не посмеет к ней подъезжать, и не ошиблась: за эти дни он ни разу к ней не обратился и даже, кажется, на нее не взглянул, будто забыл о существовании Каменной Девы. Хельга чувствовала и облегчение, и разочарование. Похоже, он подкатывал к ней лишь от скуки, а сам, может, и не знает, кто она такая! Она дала отпор, и он выбросил ее из головы.

Пока Ингвар с дружиной был на лову, Сванхейд собрала в шомнуше самых уважаемых из своих родичей-мужчин: Ветрлиди с двумя старшими сыновьями, Тородда, Воислава псковского, Торлейва – дядю Эльги, Хакона сына Эйлава – воеводу из Альдейгьи. Поглядывая на закрытую дверь, Хельга томила любопытством: грядут значительные события. Благодаря Логи, который тоже там был, она вскоре все узнала.

– Мать предложила все же возвести Ингвара на отцовский престол, и они все согласились, – с явным облегчением поспешил поделиться он шепотом, едва старшие разошлись. – Она сказала, чтобы вое... чтобы прийти к согласию с твоим дядей Эйриком, Ингвар должен быть конунгом у себя дома – должен иметь за собой Хольмгард и всю свою удачу. Иначе он потеряет даже Ки... ну, ему не будет удачи ни в чем, и новый поход на Миклагард будет заранее обречен на провал.

Логи знал – или догадывался, – что Сванхейд предпочла бы утаить от Эйрика мерянского эти соображения, но не мог удержаться от искушения поделиться с Хельгой тем, что для нее важно. А скрыть от Эйрика, что поход минувшего лета принес успех лишь частичный, и так не получится.

– А ты совсем не жалеешь? – вырвалось у Хельги.

Впервые за все время здесь – кроме самой первой встречи, когда Логи рассказывал про лося, который «стал нам не чужим», – она видела его таким довольным: еще не веселым, но уже и не хмурым. У него явно посветлело на душе.

– Жалею? О чем?

– Ну... Ведь если бы Ингвара не признали... конунгом здесь мог бы стать кто-нибудь другой...

– Ты про Несвета? Чтобы ему заявить свои права, придется сперва хотя бы *сходить* на Миклагард. Не говоря уж о том, чтобы сделать больше, чем сделал Ингвар. Но его мать отеклась от его прав на этот стол навсегда. Есть свидетели – Свенельд и кто-то из его людей.

– Это верно, – пробормотала Хельга.

Не повернулся язык сказать ему: «Это *ты* мог бы стать конунгом!». А Несвет – тьфу на него.

– Все должно идти... как правильно! – с удовлетворением закончил Логи. – Если нарушать законы, жить не по совести и хватать чужое – боги отнимут удачу и лишат даже того, на что у тебя было право. Поэтому я так рад, что у нас все будет как положено.

Хельга вздохнула тайком. Не то чтобы она рассчитывала на что-то для себя... Она восхищалась Логи и гордилась им, но в глубине души почему-то чуть-чуть его жалела. Из него вышел бы самый лучший конунг, лучше, чем из любого другого в его родне. Ему еще немного

подрасти, возмужать, набраться опыта – и им станут восхищаться не только юные девушки из дальних краев, что на полпути к Булгару. Но каково ему придется в жизни с таким благородством? Ведь люди благородные того же ждут и от других – и ошибаются, делаются легкой жертвой чужого коварства. Однако такой, как Логи, даже в поражении сохранит мужество и чистоту души, и даже в смерти будет внушать восхищение, как витязи из древних преданий...

– Но с Несветом и правда нужно договориться – мать так сказала, – добавил Логи. – Гораздо лучше, если он поддержит Ингвара. Если он, сводный брат, будет на его стороне, то никто не посмеет возражать. И для переговоров с Эйриком так лучше.

А ведь Несвета Сванхейд не позвала на этот полутайный совет. Она не считала его настолько своим – не то что родные братья Ингвара, ее младшие сыновья, – чтобы прислушиваться к его мнению. Он был в ее глазах не источником поддержки, а угрозой извне, которую требовалось устранить – не очень большой угрозой, но все же существенной.

«Несвет – человек влиятельный между Мстой и Мерянской рекой, важно, чью сторону он займет», – говорил Хельге брат. Сванхейд рассудила так же. Любопытно – что она предложит Несвету, чтобы склонить его на свою сторону? И чего он запросит?

* * *

Ингвар не был мудрец, но самоуверенным глупцом он тоже не был и потому знал: в его кругу есть люди и поумнее, и некоторые дела лучше предоставить им. Сам он и не подумал бы о Несвете: у того не было военной силы, чтобы бороться за наследство Олава, а ничто другое Ингвара не тревожило. Но Сванхейд сказала, что со старшим сводным братом нужно договориться – так и безопаснее, и лучше для чести рода. Ингвар не возражал, но был рад, что переговоры мать берет на себя. Сам он до приезда сюда за всю жизнь, может, ни разу и не побеспокоился о том, что где-то в глуши за Мстой у него имеется сводный брат. С ним же все решили двадцать лет назад, потому Ингвар и оказался в Киеве, чего же еще?

Приглашенный в самую большую хозяйскую шомнушу, Несвет тайком озирался не без мысли: повернись судьба иначе, и он мог бы жить здесь как хозяин. Не один, конечно, – взял бы в жены какую-нибудь цветущую девушку знатного рода, для этого он еще достаточно молод. Но на широкой лежанке меж резных столбов, покрытой кунницами и шелком, сидела Сванхейд, а на ларях по сторонам от нее устроились два ее старших сына – Ингвар и Тородд. Логи, как человек молодой и неженатый, на совет сыновей Олава приглашен не был.

– С согласия всех наших родичей мы сегодня возведем сына моего Ингвара, князя киевского, на стол его отца, – начала Сванхейд, усадив Несвета на третий ларь, напротив лежанки. Она говорила на славянском языке, который знала не хуже родного, тем самым ненавязчиво выказывая уважение гостю. – Но для согласия с дедами необходимо согласие всех ныне живущих сынов рода Олава. Тихонрава определила твою долю, когда пожелала удержать тебя при себе, а не отослать в Киев к Олегу, ибо, как сказали ей чуры, смерть тебе принесет рука человека из Киева. Но теперь, когда твой брат Ингвар занимает место отца, мы желали бы вознаградить тебя за твою братскую любовь, ибо нам необходимо единство и согласие. Что мы можем сделать для тебя?

Умные люди порой ошибаются, думая, что и другими тоже руководит трезвый, взвешенный расчет. В этом главное понять, с кем имеешь дело, с умным человеком или глупцом, слушающим лишь свои желания. Сванхейд почти не знала Несвета, но угадала в нем человека себе на уме, способного строить далеко идущие замыслы. Его нынешнее дружелюбие к Ингвару ее не обманывало: здесь, в этом доме, при дружине и родне Ингвара, повести себя иначе он и не мог. Но важно было добиться, чтобы он и впрямь принял свою судьбу и смирился с властью Ингвара, иначе его недовольство, даже молчаливое, будет исподволь подтачивать удачу рода.

А Ингвар и без того был в слишком сложном положении, которое не получится исправить быстро.

– Госпожа Свандра... – Несвет, хоть и думал об этом немало, с трудом нашел слова, когда к нему обратились с прямым вопросом. – Если дело дойдет до раздора меж вами и Эйриком мерянским...

– Раздора мы не желаем.

– И я не желаю, чтобы не оказаться мне меж вами, как зерну между жерновами. Но если до того дело дойдет, то мне быть на вашей стороне, не иначе. Как брат с братом, я с тобой, Ингвар, во всем буду заедино, иначе деды меня проклянут...

Сванхейд одобрительно кивнула, но с настороженностью ожидала продолжения. Несвет же не мог слишком сильно упирать на возможную войну с Эйриком – тот приходился Сванхейд братом, и они оба не хотели открытого противостояния.

– Но и Эйрик ведь силен... ты сама его знаешь, госпожа. Дойди до войны, кто я ему? Выйдет к нам под Видимирь, раздавит меня и не заметит...

– Чего ты хочешь-то? – Ингвар начал терять терпение. – Прямо говори.

– Хочу я от вас признания, что от Забитицкого погоста до Песи – моя волость, там я сам дань беру и вам две трети отправляю.

– В князя хочешь выйти, – с пониманием кивнул Тородд.

– Род мой не хуже... – привычно начал Несвет и замолчал, вспомнив, что обращается к сыновьям своего отца и только потому весь этот разговор происходит. – Я – Олава старший сын, мог бы всем здесь владеть, – с пробудившейся досадой продолжал он, и Сванхейд обрадовалась в душе: теперь она слышала подлинные его мысли. – Неужто вам... два болота с лягушками для меня жаль?

– Да забирай!

Ингвару больше всего хотелось скорее покончить с этим нудным делом. Мысли его были в Греческом царстве и печенежских степях, что ему Видимирь? Он даже не знал, где эти два болота, столь желанные для его сводного брата.

– Куницу с дыма, из них мне две трети, дружины постой и корм, волок держать в порядке, ратников мне, когда скажу – из отроков и молодцев каждого десятого.

– Ратников не дам! У меня Эйрик под боком. Как узнает, что я тебе друг, станет мне недруг. Разве вот что...

Несвет помолчал, будто задумался.

– Чтобы с Эйриком мир хранить, надо мне и с ним в родстве быть. Тогда и вам, гляди, пригожусь, чтобы согласие во всем меж нами троими утвердить.

– Как же ты думаешь с ним породниться? – удивилась Сванхейд.

– Его племянница моему сыну обещана. Сладится дело – будет и меж нами лад.

– Ты говоришь о Хельге? – медленно выговорила Сванхейд. – Дочери Арнора?

Ей не приходило в голову, что милая девушка с ожерельем из камешков может иметь значение для судьбы хольмгардского стола.

– Да, Эйрикова племянница, Арнорова дочь, что сейчас здесь, у тебя.

– Я не могу ею распоряжаться, – подавляя недовольство от этого запроса, ответила Сванхейд. – У нее есть дядя и отец. Говори с ними.

– Сдается мне, – Несвет пристально на нее взглянул, – ты сама за твоего младшего ее хотела взять.

– Я не думала об этом. Они еще так молоды...

– Чего ж молоды – в самой поре! Я сам в таких годах женился. У меня есть глаза – все примечаю! Твой-то парень только возле девки и вьется! Да мой не хуже! Твой – Олаву сын, мой – Олаву внук! Ты – над женами в роду старшая, как ты скажешь, так и будет.

– Я не стану обещать того, что не в моей власти! – отрезала Сванхейд; это было так, но еще ей совсем не хотелось уступать Хельгу в семью Несвета.

– Обещай, что не станешь за твоего парня ее сватать! Это в твоей власти! А там уж мы своего не упустим!

– Вы это о чем? – вмешался Ингвар, не давая матери ответить. – Что за девка? Кто ее сватает? Рыжий у нас жених, что ли? А чего я ничего не знаю?

– Об этом сватовстве пока речи не было! – настойчиво пояснила Сванхейд. – Я пригласила эту девушку погостить у меня, потому что она мила и приветлива, а мне было одиноко после замужества Альдис.

– Что за девка-то?

– Племянница Эйрика, то есть его жены. Дочь Арнора Камня.

– А это кто?

– Хёвдинг Силверволла.

– А это где?

Сванхейд взглянула вверх, одолевая досаду. Ингвар появился на свет через год после того, как дружина Олава перестала ходить в Мерямаа за данью, ее стал собирать там Эйрик. Даже Тородд никогда не был на Мерянской реке, но он хотя бы был знаком со старшими сыновьями Эйрика, раз-другой приезжавшим в Хольмгард. Ингвар, всю жизнь проведенный в Киеве, эти имена и названия слышал впервые.

– На полпути к Булгару! – усмехнулся Тородд, повторяя объяснение Хельги. – А дева эта у нас в избе живет.

– Красивая? – Ингвар повернулся к нему.

– Как дочь самой Фрейи!

– И рыжий ее хочет в жены?

– Не знаю, но думаю, был бы не прочь.

– Отец ее с детства за моего сына обещал! – настаивал Несвет.

Может, это была и не совсем правда, но он видел, что невеста ускользает и нужно любыми средствами вырвать ее из загребущих рук сыновей Сванхейд.

– Пошли! – Ингвар живо встал. – Все пошли! Пусть рыжего найдут. И ты твоего сына найди! И девку! Я хоть посмотрю, о ком речь.

Ингвар был только рад отбросить непонятные ему намеки и увертки – наконец-то суть дела ему стала ясна, и он знал, как его решить. Несвет едва не плюнул с досады, когда Ингвар вышел из шомнуши, и побрел за братьями, бормоча проклятья.

До самого главного ему так и не удалось довести разговор.

* * *

Слишком много в эти дни думая об Эскиле – вопреки своей воле и почти того не сознавая, – Хельга упустила из виду, что кто-то может подумать и о ней самой. Вызванная из поварни, где в больших котлах варили похлебку и кашу для обеда в гриднице, она едва успела заскочить к Бериславе и сменить серое платье на крашеное, зеленовато-желтое. Даже не поняла, кто ее зовет и зачем – и обнаружила, что ждет ее не кто-нибудь, а сам Ингвар конунг, стоящий перед своим престолом.

– А что? – Ингвар внимательно оглядел замершую Хельгу с головы до ног и опять с ног до головы. – Девка хороша! В самой поре, это да.

Отыскивая этому объяснение, изумленная Хельга повела глазами по сторонам и заметила справа от конунга Логи, такого же растерянного, как она, а слева – Несвета и Сванхейд, а возле них Видимира.

О боги! Хельга схватилась за «ведьмины камни» на груди. Что-то случилось? Кто-то с кем-то повздорил? Про Видимира она и забыла. Логи, кажется, ни разу с ним не говорил – когда же они успели поссориться? И при чем здесь она? Даже если из-за нее... Какое до этого дело Ингвару конунгу? Логи не маленький ребенок, чтобы бежать жаловаться старшему брату!

Оглядев их всех, Ингвар положил руки на бока и принял властный вид. Этот спор его забавлял; глаза широко раскрылись и засверкали, брови приподнялись, непримечательное лицо оживилось, и стала видна внутренняя сила, способность отдаваться задуманному всей душой и телом, за что собственная дружина любила его даже в несчастьи. Впервые разглядывая его вблизи, Хельга отметила шрам галочкой на переносице, заходящий на бровь, уже давний, и другой, тоже побелевший, прямой чертой со лба под волосы. Взглянула на его руки – загорелые и грубые на красно-синем шелке кафтана; на крепких пальцах сидело несколько золотых перстней, а на коже виднелись красные пятна ожогов и старые мелкие шрамы. В этих руках был он весь – прирожденный военный вождь, знавший и взлеты, и падения, для которого жизнь и власть есть сражение, и он никогда не отступает.

– Ингвар конунг... Что случилось? – раздался рядом изумленный голос, и к Ингвару подошел Хедин. – В чем дело... с моей сестрой?

– Это сестра твоя?

– Я – Хедин сын Арнора, брат этой девушки. Что случи... – Хедин равно не мог вообразить, чтобы Хельга обидела кого-то в этом доме и чтобы ее кто-то обидел, а он об этом не знал.

– Завидная невеста у вас в доме выросла! – Ингвар усмехнулся. – Двое сразу к сестре твоей сватаются. Младший брат мой Хакон и этот вот отрок...

– Видимир, – подсказал Несвет.

– Видимир, Несветов сын.

– Сватаются?

Не менее прочих изумленный, Хедин оглядел того и другого. Ни о каком сватовстве он не слышал, а сестру по привычке считал маленькой девочкой, для которой «выйти замуж» дело такое же далекое, как для пятилетней.

– Я не знаю... Ее ни с кем не обручали! – В этом Хедин мог быть уверен.

– И хорошо – значит, все равны. Так вот. – Ингвар еще раз оглядел обоих женихов. – Брат мой Хакон и братанич Видимир, Несветов сын, желают оба к сей деве посвататься. Желаете?

– Мы желаем! – сурово подтвердил Несвет.

Логи вопросительно взглянул на мать. Свои желания он знал, но знал и цену слова, сказанного в гриднице и перед столькими важными людьми, а решать свою судьбу без совета со старшими он пока права не имел.

Сванхейд сделала ему легкий знак глазами. У Логи в мыслях был полный сумбур: женитьба на Хельге, о чем он мог только мечтать как о деле отдаленном и почти несбыточном, вдруг стала былью. Что происходит – он не понимал, но понимал одно: мы не можем отступить.

– Я... да. Если ты, мой брат, и наша мать согласны... я хотел бы взять в жены эту девушку.

– Я согласен! – объявил Ингвар. – Но раз уж тут два жениха, надо посмотреть, кто достойнее. Воля моя такова: оба парня, Хакон и Видимир, со мной на греков пойдут, и кто лучше себя покажет, больше славы обретет, больше даров невесте и родне привезет, тот и женись. Согласны?

– Я согласен, – просто ответил Логи, и без того знавший, что ему вот-вот предстоит присоединиться к делам старших братьев.

В свои семнадцать он уже мог бы не только ходить в военные походы, но и возглавлять дружины. А ко времени нового похода он ведь станет еще на несколько лет старше.

Видимир открыл было рот, чтобы тоже сказать «да» – не позволять же сопернику вырваться вперед, – но глянул на отца. А Несвет глубоко вдохнул, ноздри его раздулись, глаза широко раскрылись. Он понял, чего Ингвар добивается. Не один Видимир, юный, мало

что умеющий отрок, ему нужен. Он хочет, чтобы для своего сына Несвет собрал и вооружил целую дружину, и он не сможет отказаться, раз уж междуречье Мсты и Мерянской реки признали его владением. Он думал разжиться шерстью, а тут к его собственным бокам поднесли острые ножницы! В негодовании на подлого брата Несвет не находил слов.

– Отлично сказано, конунг! – К престолу вышел Эскиль Тень. – Я тоже участвую!

Совершенно ошалевшая Хельга перевела на него взгляд, и он чуть заметно ей подмигнул.

В рядах дружины послышались одобрительные выкрики. У Хельги окончательно пошла кругом голова; больше не пытаясь ничего понять, она сосредоточилась на том, чтобы удержаться на ногах.

– Откуда такой выискался? – Несвет обратился к нему бешеный взгляд, который не смел поднять на Ингвара. – Неужто и ты из рода Олава?

– С Олавом у меня родства нет, но немного крови конунгов и мне досталось.

– Это как?

– Бабка моя Уна овдовела совсем молодой, – начал Эскиль, будто рассказывал хорошо знакомую сагу. – Она с детства разбиралась в лечебных травах, много их собирала и была очень искусной лекаркой. Однажды она ходила по лесу, и вдруг ей навстречу выскочил олень – самка, олениха, и была она белой как снег. Уна едва успела убраться с дороги. Любопытствуя, что же так напугало олениху, она осторожно прошла вперед и увидела хорошего коня – она запутался в кустах, а узда его была вся в золоте. Больше того удивленная, она прошла еще немного и вдруг увидела на земле человека. Это был молодой мужчина, светловолосый и статный, в хорошей одежде, но глаза его были закрыты, а лицо разбито. Уна попыталась привести его в чувство, а когда он открыл глаза, то они были светлыми и блестящими, как сталь. На Уну он смотрел с таким изумлением, будто никогда не видел женщин.

«Ты – дева альвов? – спросил он, когда она помогла ему сесть. – Ты приняла облик белой оленихи и вынудила меня погнаться за тобой. Куда ты меня заманила? Смогу ли я вернуться к людям?»

С трудом ей удалось его уверить, что она – обычная женщина. Он сказал, что имя его Хроальд. Он так расшибся, что не мог идти; Уна поймала его коня, помогла ему взобраться в седло и отвезла в свою хижину. Там он пролежал несколько дней, пока не поправился; в это время люди Хроальда повсюду искали его и думали, что им завладели альвы. Наконец силы к нему вернулись и он смог уехать, но перед этим оставил Уне свою золотую гривну в благодарность. А к весне у нее родился сын – это был мой отец, Торкель. Он всегда говорил, что не пытается равняться с другими конунговыми сыновьями, но на ту гривну Уна завела хорошее хозяйство и во всем ей с тех пор везло. А значит, немного конунговой удачи есть в нашем роду.

По рядам слушателей пробежал негромкий гул – отчасти насмешливый, но не без одобрения.

– Так и я, – закончил Эскиль, – не могу равняться с законными внуками конунгов, но в том, что касается моей собственной удачи, я никому не уступлю! Как говорил Хникар:

Слава от предков
Мужей не украсит,
Как та, что добыта
Доблестью ратной.

– Без согласия отца никто не может распоряжаться моей сестрой! – Хедин наконец опомнился. – Даже ты, Ингвар конунг! Это хорошо, когда люди, прежде чем свататься, показывают, на что они годны, но кто бы ни вышел победителем, ему все равно придется обратиться к нашему отцу, Арнору Камню! Иначе это незаконно!

– Ну а раз решать ничего нельзя, то и я ничего не обещаю! – отрезал Несвет. – Мы не такие, чтобы задаром дать на себе ездить!

– Я все равно пойду с тобой в поход, если ты позволишь, – сказал Ингвару Логи.

– Пусть девушка пообещает дожидаться нас из похода. – Эскиль посмотрел на Хельгу. – И даст каждому из нас по камешку. У кого камешек к концу похода станет золотым, тот и выиграл спор.

«О боги, зачем я только сюда приехала!» Ничего иного Хельга не могла ответить даже мысленно.

– Я ни к чему не стану ее принуждать, – просто и с достоинством сказал Логи. – Будем каждый делать то, чего от нас требует наша честь, и пусть судьба решает, чему свершиться.

– Ты хорошо сказал, сын, и на этом мы, пожалуй, покончим! – Сванхейд вышла вперед и встала рядом с Хельгой, загораживая ее от женихов. – Мне будет очень стыдно перед моим братом Эйриком и перед всей семьей Арнора, если выйдет, что я зазвала Каменную Хельгу к себе в гости, чтобы здесь ее выставляли, будто невольницу на торг. Пойдем, дорогая.

Сванхейд увела Хельгу и сама проводила ее к Бериславе. Мужчины тоже разошлись, ухмыляясь и крутя головами. У Логи вид был несколько печальный, на невозмутимом лице Эскиля просвечивало скрытое торжество. Не так чтобы он надеялся когда-нибудь выиграть спор за высокородную невесту, но, хотя бы выставив себя соперником конунговых сыновей, он приобрел честь в глазах дружины, которые и были для него глазами богов.

* * *

До конца дня и следующее утро Хельга просидела в избе Бериславы, не показываясь на люди. Сванхейд, проводив ее сюда, попросила прощения, что допустила это все: для девушки знатного рода нет чести в том, чтобы стать предметом спора, раздора и неизбежных пересудов. Не на это, конечно, рассчитывали родители и дядя Хельги, когда отпускали ее сюда.

Едва королева ушла, явился Хедин, желающий знать, что все это значит. Но Хельга знала немногим больше и не видела за собой никакой вины. С Логи она беседовала только на людях, ни разу не оставалась с ним наедине; о Видимире и не вспоминала. Что Эскиль вмешался, только чтобы их обоих подразнить и подтолкнуть Несвета к решению, Хедин видел и сам.

– Зачем я только сюда приехала! – стонала Хельга. – Но разве я могла знать, что все они здесь соберутся! Я думала, мы будем тихо прясть с госпожой Сванхейд и рассказывать зимние сказки, а тут... целая Валгалла и каждый день бой!

Хедин молча хмурился. Он помнил, что старшие отпустили их сюда, желая что-нибудь выведать насчет будущей судьбы Мерямаа, но не предполагали, что придется иметь дело с самим Ингваром.

– Чего они все от меня хотят? – Хельга была по-настоящему растеряна.

Всякая девушка мечтает, чтобы за нее спорили отважные мужи; но в этом споре Хельга уловила ожесточение, которое не могла объяснить своей красотой. Кажется, больше всех об успехе волновался Несвет, а из трех охотников о ней самой думал только Логи.

– Это, сдастся мне, из-за Эйрика... – хмуро сказал Хедин.

– Почему?

– Ну, почему... Здешние конунги с ним в родстве через Сванхейд. Несвет хочет тоже к нему в родню пролезть. Если у него получится... Случись меж ними война, он может не поддерживать никого – дескать, оба родня. Пересидеть у себя на болотах, ни во что не лезть. А кто выиграет, к тому он и примкнет, чтобы своей доли не упустить. По-родственному.

– Сватался бы тогда к Эйриковым дочерям! Дагни тоже Видимиру подойдет!

– Сейчас у Видимира до конунговой дочери нос не дорос! – невесело усмехнулся Хедин. – Пока Несвет – конунг болот лягушачьих. А будут к нему норны подобнее – он и сам вдовец. Может посвататься к Алов. Особенно если думает когда-нибудь Эйрика из Мерямаа вытеснить – тут ему родство и пригодится. Как самому Эйрику.

Хельга знала, что тетя Арнэйд когда-то была за мерянским князем Тойсаром; убив его, Эйрик взял ее в жены и тем подкрепил свое право на власть не только силой, но и древнейшим обычаем. Но ей вовсе не хотелось самой оказаться замешанной во что-то похожее.

– Мы можем уехать? – Хельга с мольбой взяла брата за руку. – Поскорее!

Она без радости воображала долгий обратный путь, но оставаться было еще неприятнее. Мучило детское желание – убежать домой, спрятаться возле мамы и ждать, пока злые ёлсы уйдут.

– Посмотрим, – отвечал Хедин. – Раз уж мы здесь, то хоть узнаем, чем дело кончится.

Больше никто Хельгу не тревожил. До конца дня она играла с годовалой Альвой, дочкой Бериславы, и перебирала свои камешки – только это ее немного успокаивало. Отвязав от ожерелья песчано-желтый округлый камешек, она посмотрела сквозь его отверстие на пылающий в печи огонь и прошептала:

Внемли, «ведьмин камень»,
Милый мой дружок!
Встань надежным стражем,
Хельгу защити!
Отгони подальше
Страхи и тревоги,
Усмири коварство
Хельги злых врагов!

Всю жизнь она старалась не тревожить силу Одина, живущую в этих камнях, без достойного повода, но сейчас всем существом ощущала, как необходима ей высшая защита.

Пряталась она не зря – с того утра сам Ингвар то и дело принимался искать ее глазами в гриднице и досадовал, что ищет понапрасну. Вечером он наконец был возведен на престол Олава: перечислил своих предков, начиная даже не от Одина, а от изначальных великанов, Сванхейд поднесла ему рог с пивом, чтобы он поднял его во славу богов и предков. Несвет был в числе свидетелей, но молчал. Переговоры их со Сванхейд, по сути, провалились: никто никому ничего не пообещал, но Несвет хотя бы смирился с тем, что не мог изменить.

Наутро, поздно проснувшись после пира, Ингвар снова подумал о Хельге. Завтрак пришелся почти к полудню; подлечивая больную голову пивом, Ингвар оглядывал гридницу, но Хельги не видел. Как будто вчерашний спор ему приснился. Однако нет, вон тот длинный парень, кто назвался ее братом, а заодно сыном Арнора Камня, хёвдинга Серебряных Полей, где прадедушка Тородд, по слухам, зарыл под каким-то дубом целую грудку серебра – весом как всадник вместе с конем.

– Пойдем, – Ингвар кивнул своему брату Тородду, – поговорить надо.

В гриднице было слишком много ушей – своих, чужих, женских, не пойми чьих. Чтобы потолковать без помех, старшие сыновья Сванхейд перешли в дружинный дом, стоявший здесь же, во дворе. В длинном здании вдоль стен тянулись широкие помосты, где спали плотно один к другому, головой к огню, ногами к стене, а поверху шел такой же широкий верхний ярус. Горел огонь в очаге, дым поднимался под высокую кровлю, просушивая стиранные рубахи и порты, развешанные на веревках от входа и уходящие куда-то в темноту дальнего края. Частью помосты были заняты лежащими телами – тех, кто после вчерашнего решил не вставать. Кто-то лениво перематывал обмотки, кто-то осматривал подошвы башмаков, оставлен-

ных сушить у очага на колышках, кто-то уже бодро раскидывал игральные кости рядом с храпящими товарищами.

При виде конунга все вострепнулись, но Ингвар сделал знак, что ничего от гридей не хочет и они могут заниматься своими делами. Раздвигая влажные рубахи по пути, братья прошли к очагу и сели на край помоста. На всякий случай Ингвар огляделся, хотя и так знал, что встретить здесь посторонних так же маловероятно, как в медвежьей берлоге.

– Торд, я не понял. Эта лупоглазая, которую мать нашему рыжему то ли сватает, то ли нет...

– До вчерашнего дня мне никто не говорил, что рыжий хочет на ней жениться. Если бы Берся знала, она бы мне сказала. И она сама тоже ничего не говорила.

– Она – кто?

– Каменная Хельга. – К ним подсел Эскиль Тень. – Ее так называют.

Взглянув на него, Ингвар невольно повел глазами вокруг, будто отыскивая кого-то, кого тут нет.

– Она и ее брат – племянники Эйрика, так?

– Так, – подтвердил Торд.

– А мы с ним воюем.

– Пока нет. Он пока лишь отказался платить дань и хочет нового договора.

Ингвар скривился, будто раскусил вонючего зеленого клопа, что живет на кустах малины. Он сам хотел нового договора с греками, а Роман цесарь этого совсем не хотел, и даже три месяца гульбы дружин по его землям не смогли его переубедить. А здесь, в своих родовых владениях, Ингвар сам оказался почти в том же положении. Только Эйрик еще не грабил селения по Мсте. Только пока?

– Ну, это почти все равно. – Ингвар знал разницу между «войной» и «немирьем»¹⁴, но оба эти слова уже означали «не мир».

– Не все равно. Была бы война, он не пропустил бы наших торговцев – Регинмода Залива, Финни Крылатого и других. А он их принял хорошо и отпустил, не тронув. Он хочет нового договора, только уже без дани.

– А я хочу новый договор, и чтобы с данью. – На уме у Ингвара было снаряжение нового войска для Греческого царства, и он знал, сколько это стоит. – Я не понял: мать этих двоих в заложники, что ли, взяла?

– Нет. Она их в гости пригласила. То есть девушку. Когда ездила на восток прошлой зимой.

– И что: мы с Эйриком собираемся воевать, а эти двое погостят и так вот возьмут и уедут?

– Это будет неправильно, конунг, – подсказал Эскиль, усмехаясь про себя.

– Ну, так может... – Ингвар вопросительно посмотрел на брата, – сделать с этим что-нибудь?

– Ничего ты не сделаешь. Они оба – гости матери.

Гость в доме – под защитой богов, это Ингвар знал не хуже других.

– Нам бы стоило взять их с собой. Чтобы Эйрик вел себя смирно, хотя бы пока я с Романом дела не решу.

Ингвар помолчал, ожидая от верных соратников предложений. Остро жалел, что тот, кто всегда умел дать ему ценный совет, находится за месяц с лишним пути отсюда.

– Прикажи Логи на ней жениться, – посоветовал Гримкель Секира, давний Ингваров телохранитель. – Тогда и брат ее, как твой родич, не сможет от похода уклониться.

---

¹⁴ Древнерусское слово «немирье» означало отсутствие мирного договора, но еще не войну, отсутствие юридических оснований для торговли и так далее.

– А как я буду потом с Эйриком воевать, если мой брат на его племяннице женат? И без того-то он нам дядя! Нет, мне надо, чтобы они... как-то сами.

– Или если на ней женится кто-то, кто с тобой не в родстве, – вставил Эскиль.

– Вы и так все – мои люди! – Ингвар вспомнил, как удивил его Эскиль – как и всех прочих – своим «и я участвую». – Сватались бы вы все трое по отдельности, я бы любого из вас поддержал. Логи мне брат, тот парень – братанич, а ты – мой человек. Хорошую невесту тоже заслужил. Но как я кого из вас буду против других поддерживать?

– Твое слово решило бы дело, – просто сказал Тородд. – Одного ты поддержишь, другие отступятся.

Эскиль чуть заметно переменялся в лице. Пойти против конунгова слова он не сможет, но и отступить не привык.

– Логи она бы подошла, – продолжал Тородд. – Но все равно ничего не выйдет: мать не разрешит справлять свадьбу, пока Эйрик ничего не знает. Это будет незаконно.

– Ну, с женитьбой, стало быть, не выйдет. Сперва надо Эйрика усмирить, а когда опять станет дань давать, тогда можно и племянницу у него взять... за Логи. Но нужны-то они сейчас. Если бы их как-то... так увезти.

– Только если ты их уговоришь с тобой поехать.

Ингвар еще помолчал. Уговаривать кого угодно на что угодно умел не он, а именно тот, кого тут нет. И его очень недоставало.

– Ну, девушку-то уговорить можно... – с деланным безразличием обронил Эскиль.

– Кто? – Ингвар прямо взглянул ему в лицо. – Ты, с твоей обгорелой рожей? Она вон какая... звенящая.

Именно такой ему показалась Хельга, белорукая дочь хёвдинга – тонкой и звенящей, как серо-голубой стеклянный кубок из Греческого царства.

Был бы здесь Мистина... Но, едва эта мысль мелькнула, Ингвар поспешил ее отогнать. Пять лет назад он отправил своего побратима за девушкой, которая нужна была ему самому. Девушку Мистина привез. Уговорил. Этой зимой Мистина остался улаживать дела в Киеве, что требовало и твердости, и изворотливости. Но на днях мать очень доходчиво объяснила Ингвару, в какой он опасности: если Эльга решит сменять его на Мистину, то киевским князем ему больше не бывать.

– Я уже говорил с ней раз-другой, – продолжал Эскиль. – Только я тогда не знал, кто она такая. Девушка молода, красива, хорошо воспитана, красиво одевается – никто не сочтет странным, что она нравится мужчине.

– А ее брат? – напомнил Тородд. – У него людей всего ничего, но сам похож на человека решительного.

– Надо уговорить девушку, – повторил Эскиль. – Если она согласится с нами уехать, это не будет похищением. А если ее брат станет преследовать...

– А он станет! Ты бы не стал?

– То можно будет прихватить и его с собой.

– Это *будет* похищением!

– Я ему предложу поединок. Выиграю – он идет с нами в поход. И хотя бы до тех пор, пока мы не решим дела с Романом, к Эйрику он не вернется.

– А девушка?

– А девушку... если я ее завоюю, ты же не будешь против, конунг, чтобы она осталась у меня? – Эскиль улыбнулся левой половиной рта – правая щека не двигалась после ожога, – как будто предлагал выход, приятный для всех. – Твой брат еще молод для женитьбы, а как время придет, он легко найдет себе невесту не хуже.

Ингвар не ответил, стараясь сообразить, не усложнит ли такой ход его и без того непростое положение. Приобрести двух заложников от мятежного Эйрика мерянского было бы

отлично. Совсем не зная брата матери, Ингвар на его миролюбие не полагался и был бы рад уверенности, что пока он сам будет в южных степях, Эйрик не приведет рать к Хольмгарду или хотя бы не попробует взять под свою руку восточную часть его владений.

– Ты не забудь про нашего любезного брата Несвета... – начал Тородд.

– Да возьмут его тролли!

– Он хочет эту деву получить. Если мы ее увезем... – Тородд выразительно взглянул на Эскиля, – он будет сильно оскорблен.

– И что? – спросил Ингвар.

– Окажется на стороне Эйрика.

Эскиль хмыкнул: эта угроза не казалась ему существенной.

– Да ничего у него не выйдет, – раздался вдруг голос от стены, и все трое вздрогнули от неожиданности.

– Жма!

– Ётунова шишка!

– Что это еще за тролль?

– Кх-м! – Один из лежащих на помосте у них за спиной откашлялся и медленно сел, сбрасывая плащ, которым укрывался.

– Хамаль! Ну ты восстал, как турс из скалы!

– Я, может, и турс! – Хамаль Берег, второй вождь наемников, потер лысину, протянувшуюся в его полуседых-полутемных волосах до самой маковки; на загорелом черепе были видны, будто реки, вздувшиеся вены. – Да и ты, Тень, – не Бальдр прекрасный! Куда тебе обольщать высокородных дев? Ты ж умеешь только с полонянками...

Хамаль Берег всем троим собеседникам годится в отцы – ему было за пятьдесят, и тридцать лет назад он участвовал в большом походе на Хазарское море. Немного было в дружине людей, переживших два таких знаменитых похода, и в глазах молодых хирдманов Хамаль и правда был кем-то вроде тех турсов, которые создавали мир. Или хотя бы видели, как он создавался.

– Я ее отца помню, Арнора сына Дага, – продолжал Хамаль, когда те трое раздвинулись в стороны, чтобы он мог сесть на край помоста. – Он с нами был у хазар. Их род – самый старый в Меренданде. Они там... от медведя, что ли. Что-то такое они рассказывали, когда мы возвращались через Силверволл.

– Меня тоже не курица высидела! – заносчиво вставил Эскиль.

Породе своей
Всяк сообразен:
Отпрыски славны
От славных отцов.

Так говорил мой дед по матери. А мой дед по отцу был...

– Да слышал я твои байки, что к твоей бабке залезал под подол Хроальд сын Рагнара – или она так врала в старости.

– Ну а почему это не может быть правдой? Вся округа знает, что Хроальд бывал там.

– Да брось. Даже если это так, ты должен завоевать себе власть конунга, чтобы эта сага о Хроальде и бабке стала походить на правду. А пока ты – удачливый дренг, младший сын Торкеля Козопаса из Моховой Горки, до распутства твоей бабки никому дела нет.

Эскиль промолчал.

– Не надо, конунг, строить замыслы важных дел на женских причудах, вот что я тебе посоветую! – продолжал Хамаль. – Я бы лучше попробовал уговорить того парня, ее брата. Если он захочет уйти с нами, это не будет похищением – мы все здесь такие, кому было скучно

дома с бабами. Ни Эйрик, ни этот твой побочный брат не посмеют ни в чем тебя упрекать. А строить расчеты на бабах...

Он махнул рукой, дескать, последнее дело! Эскиль молчал, слегка играя дорогими перстнями, висящими у него на груди. Только когда Хамаль встал, кашляя, и побрел к лохани у двери умываться, Эскиль негромко сказал:

– Не спеши, конунг, дай мне хотя бы несколько дней.

– Ну, разве несколько... – Ингвар, сам не умея обращаться с женщинами, был в душе согласен с Хамалем и многого от этого замысла не ожидал.

– Я уверен, – Эскиль убедительно взглянул ему в глаза, – Свенельдич стал бы бить как раз сюда.

Ингвар в ответ окинул его оценивающим взглядом. «Может, и так, но сумеешь ли *ты* выполнить то, что он мог бы задумать?» – говорил этот взгляд.

Эскиль опустил глаза, пряча от Ингвара жажду борьбы – причем не с девушкой. Ястреба не волнует борьба с маленькой птичкой – он ведет игру с другими ястребами.

* * *

Мысль о том, чтобы скорее уехать домой, не оставляла Хельгу, но Хедин и на завтра ее не одобрил.

– Пока Ингвар здесь, нам с места трогаться не стоит.

– Но я и хочу...

– Послушай! – Хедин накрыл ее руку своей, надеясь, что у сестры хватит ума вникнуть в его доводы, рожденные ночными беспокойными размышлениями. – Мы с тобой – люди Эйрика, даже родичи. А он с Ингваром воевать... ну, не хочет, но будет, если придется. Пока мы здесь, в доме у Сванхейд, нас никто не тронет. Но уйди мы из ее дома... У Ингвара вон сколько людей. И не заметим, как в Кёнугарде окажемся в заложниках. Он-то знает, что это такое – сам в заложниках вырос. Пусть уж он сперва уедет, да подальше.

– А Несвет? – Хельге очень хотелось избавиться хоть от кого-нибудь, кто ее тревожил. – Он-то домой не собирается?

– Пока не слышно такого. Да и куда он без нас поедет? У него пятеро на двух санях – если что, и от волков не отбиться, не то что от людей. Нас дождется.

Необходимость полпути до дому ехать в обществе Несвета и его сына совсем не нравилась Хельге, но делать было нечего: могли пройти годы, пока от Хольмгарда в сторону Мерямаа тронется какая-нибудь иная дружина. Не ратная, хотелось надеяться...

Но нельзя же было сидеть в избе, как в заточении, пока из Хольмгарда уберется Ингвар, а он ничего не говорил об отъезде. К вечеру Хельга собралась с духом показаться в гриднице – надела светло-красное платье, ореховый хангерок, золоченые застежки и стеклянные бусы. Волосы заплела в косу и подвесила к ней литой из бронзы косник со звенящими подвесками-лапками, работы искусных мерянских литейщиц. Такая же подвеска украшала ее пояс. Пусть никто не думает, будто она чего-то стыдится или опасается.

С гордо поднятой головой Хельга вошла, и конечно, все уставились на нее, будто на королеву. По сторонам она не глядела и постепенно успокоилась. Несвет за обедом смотрел в свою чашу, будто с ней одной и желал общаться. Логи чуть виновато улыбнулся Хельге – хотя он-то вел себя достойней всех. Эскиль обнаружился, как обычно, возле Ингвара, у верхнего края дружинного стола, рядом с немолодым, среднего роста кареглазым мужчиной с темной полуседой бородой. На Хельгу Эскиль взглянул с укоризной, непонятной ей, но слегка поклонился, не вставая. Протянул ей свою чашу, она налила ему пива, и он снова поклонился, но вид у него был такой, будто она его обидела, а он прилагает все усилия, чтобы принять обиду с достоинством. А чего он хотел – чтобы она запрыгала от радости, узнав, что к ней сватается безрод-

ный дренг? Не посмеялся ли он над ней, якобы вступив в эту борьбу? Куда ему вести жену – в дружинный дом? Туда годятся такие жены, каких на торгу за марку серебра покупают!

Хотя на Хельгу и тарасились, ничего страшного не происходило, и вскоре она вновь освоилась. Пока госпожа Сванхейд к ней добра, пусть стыдятся другие. Будет что рассказать своим – и в Силверволле, и в Озерном Доме, когда она опять туда попадет. Алов, конечно, будет возмущена – это она, как старшая дочь конунга, достойна того, чтобы за нее кипели сражения. А тут какая-то Хельга, которую Алов и Виглинд дразнят, что она, как маленькая, собирает камешки...

– Ты все наврала мне, – в разгар этих раздумий прозвучал у нее над головой знакомый голос.

В это время Хельга наливала пиво из бочки в кувшин; от звука этого голоса, негромкого и осуждающе-печального, ее будто огнем пробрало, деревянный ковш замер в руке.

Другая рука, куда более крупная, забрала у нее ковш и повесила на край бочки. Хельга медленно обернулась и с гордым, немного вызывающим видом оперлась о край стола позади себя.

Эскиль стоял к ней почти вплотную – обернувшись, она ощутила его тепло и даже запах. С каменным лицом Хельга смирала его выразительным взглядом, и он покорно отодвинулся.

– Ты мне наврала, – повторил он. – Ты вовсе не троллиха.

– Я не говорила, что я троллиха!

– Ты говорила, что можешь меня съесть. Я испугался. Всю ночь не спал. Вдруг, думал, ты меня заманишь куда-нибудь в темный угол и... голову мне откусишь. Ты, оказывается, просто девушка из Силверволла. А я-то к тебе с чистой душой!

– С чистой? – Этот упрек изумил Хельгу.

Какова же наглость! Она не забыла, как он заставил ее упасть посреди гридницы!

Невольно она взглянула на его грудь – на уровне ее глаз – и Эскиль притронулся к краю кафтана, будто собирался показать чистоту своей души.

– А то как же? Каждую неделю стираю!

Он говорит о душе, будто о рубашке! Возмущенная Хельга все же фыркнула от невольного смеха. Потом взяла свой кувшин, хоть и налитый только наполовину, и отошла. Понимая, что за этой краткой беседой из-за столов наблюдали десятки глаз, она изо всех сил старалась держать невозмутимое лицо, но ей пришлось кусать губы изнутри, чтобы подавить беспокойный смех. Заманит она его в темный угол! Голову откусит! Где же видано такое бесстыдство! И все же больше всего ей хотелось бросить кувшин и захохотать во всю мочь.

Среди спутников Ингвара был один человек, на которого тарасились больше, чем на Хельгу. Звали его Боян, он был болгарин, близким родичей Ингваровой смуглянки жены, и приходился младшим сыном болгарскому цесарю. До того Хельга думала, что в мире существует только два цесаря: греческий и хазарский; хазарский цесарь называется каган, но по сути это одно и то же, означает конунга над конунгами. Но оказалось, что с недавних пор и в Болгарии завелся свой цесарь: тамошний князь женился на девушке из рода Романа цесаря, и тот признал его равным себе.

Для Хельги и Хедина уже то было открытием, что кроме Булгара на Итиле есть еще какая-то другая Болгария, и она далеко на юго-западе, на Греческом море и совсем рядом с Миклагардом. Однажды Хельга даже расспросила об этом Огняну-Марию; та сама привела Хрольва, одного из телохранителей Ингвара, который знал и славянский, и русский язык, чтобы им переводить. Оказалось, что западные булгары – дунайские – и правда составляли когда-то один народ с итильскими, но более двухсот лет назад переселились ближе к Греческому морю. Язык их оставался схож с языком булгар итильских, но в той стране, где они осели, жили славяне, поэтому дунайская знать, потомки кочевников, знала славянский. Сходство лиц, одежд и обычаев между двумя племенами сохранялось до сих пор, и Огняна-Мария охотно слушала все,

что Хельга могла рассказать об итильских булгарах. Особенно ей понравилось то, что дядя Хельги, Вигнир, женат на болгарке и ее дети растут вместе с детьми от его первой жены-мерянки.

Своим родичем, бату Бояном, Огняна-Мария гордилась и говорила о нем, уважительно расширив глаза. Внешность Бояна вполне отвечала происхождению, отличавшему его от прочих людей. Боковые части головы у него были выбриты, а длинные темные волосы с маковки и затылка заплетены в косу. Бороду он тоже брил, зато носил черные усы. Еще не старый человек – может быть, лет около тридцати, – высокого роста, он имел большие, открытого разреза дымчато-серые глаза, а грубоватые черты смуглого лица хоть и не были красивы, неуловимо притягивали. Повадки он имел мягкие и учтивые, но главное его очарование заключалось в голосе. Низкий и мягкий, он напоминал Хельге о драгоценных болгарских соболях, черных и блестящих, теплых и ласкающих прикосновением. Боян привез гусли и порой пел по вечерам. Он знал только славянский язык и пел тоже по-славянски, поэтому Хельга не понимала слов, но слушала, очарованная, вместе со всеми.

Вечером Хельга уже ушла в избу, собираясь спать, и даже отстегнула одну застежку, как постучала служанка из дома Сванхейд, Бирна.

– Меня прислала госпожа! – крикнула она в щель приоткрытой двери. – Там князь Боян поет! Если хотите послушать, она сказала, приходите.

Хельга пристегнула застежку обратно, накинула чепчик и шубу, и они с Бериславой опять перешли в гридницу. Осторожно пробрались между людьми поближе к очагу и встали возле толстого резного столба. Столы после ужина сняли с козел и вынесли, оставили один у двери, где стояли бочонки с пивом и лежали на широких блюдах остатки хлеба, сала, вяленой рыбы, оставленные как закуска. Вокруг очага были поставлены длинные скамьи для самых знатных, остальные сидели на помостах, а кое-кто и на полу. Боян, в кафтане узорного зеленого шелка, устроился возле очага, на самом видном месте, с гуслиями на коленях. Ярко блестели золоченые бляшки его пояса – будто он опоясан солнечным лучом.

– Про что он поет? – шепнула Хельга Бериславе.

Гости из славянских городков на Ильмене и Волхове, из Пскова, здешние русы – все разбирали смысл болгарской песни. Ничего не понимали только Хельга с братом и варяги-наемники.

Берислава прислушалась, стараясь вникнуть.

– Какой-то юнак... то есть дренг, на состязании бросил камень и попал в сад одной... э, вилы... это что-то вроде... ну, девы альвов. Она села на серого оленя и поехала с ним драться... Он ее поймал и притащил к себе домой... У нее были лебединые крылья... Он запер их в ларь...

Тут все понятно: деву на лебединых крыльях встречал даже Вёлунд, князь альвов. Видно, у всех отважных юношей, в одиночестве бродящих по лесу, одна и та же судьба. Но и так слушать было очень приятно: мягкий перезвон струн – было видно, как в свете огня они искрят настоящим золотом, – служил будто сияющей подкладкой низкому мягкому голосу, льющемуся, словно горячий мед. Хельга не понимала слов, но даже радовалась этому: сам этот голос был настолько выразителен и глубок, что, казалось, он несет людям небесные и подземные тайны, разгадки всех миров, и если ты их поймешь, то никогда уже не будешь прежним...

Скользнув случайно глазами по рядам слушателей, Хельга заметила Эскиля – на той же скамье, ближе к ней. Встретив ее взгляд, он сделал такое движение, будто предлагал ей сесть к нему на колени, но Хельга приняла высокомерный вид и отвернулась. Вот еще!

Однако сосредоточиться на пении уже было трудно, Эскиль как будто приманивал ее взгляд, хотя она вовсе не хотела туда смотреть! Тут Берислава слегка потянула ее за локоть: оказалось, что их заметила Огняна-Мария и тихонько согнала с мест кого-то из близко сидящих гридей, а теперь махала им рукой, приглашая сесть. Вслед за Бериславой Хельга пробра-

лась к болгарке между сидящими на скамье и очагом; когда шла Берислава, Эскиль отодвинул с дороги свои колени, но Хельга, проходя, опять на них наткнулась.

Пока Хельга усаживалась и оправляла платье, Боян закончил одну песню, начал другую. Хельга слушала с удивительным чувством, что само ее сердце раскрывает лепестки, один за другим, как цветок, и грудь наполняется свежим ветром. Это просторная, богатая гридница старинного королевского рода, плотно набитая людьми, яркий огонь в большом очаге, блестящие глаза людей, не так давно смотревших в глаза смерти, а также ее удивительное, вдруг возникшее единение с этими людьми, вместе с нею слушавших Бояна, что-то двигало и переворачивало в душе, так что хотелось заплакать непонятно от чего – от волнующего, немного болезненного, но сладкого чувства. Удивительно – ведь это не ее дом, не ее род, она ни с кем здесь не связана кровными узами, кроме Хедина, но чувствует себя неотделимой частью дома Сванхейд и дружины Ингвара, как ни мало эти люди со следами ожогов и ран схожи с нею, Хельгой из Силверволла. И это было такое прекрасное чувство – хотелось, чтобы оно не кончилось.

Но вот Боян закончил петь и слегка кашлянул. Огняна-Мария сказала что-то, встала и направилась к столу, где стоял бочонок с пивом. Хельга пошла за ней: ей все казалось, что эта смуглая женщина из дальней стороны заблудится в обычном доме. Та улыбнулась, увидев Хельгу, и что-то сказала. Хельга улыбнулась в ответ, ничего не поняв. Они налили из бочонка пива в три чаши, вернулись и роздали их Бояну, Ингвару и Торродду; Огняна-Мария снова что-то сказала, обращаясь к Торродду.

– Она говорит: правда, брат ее и собой хорош, и отлично поет, и в любом деле искусен? – перевел Хельге Торродд.

– О! Поет он как сам Браги¹⁵. – В этом Хельга не сомневалась, но насчет Бояновой красоты не могла покривить душой.

– Человек он ловкий, и робости не замечали мы за ним, – подтвердил Ингвар. – А играет как искусно – хоть самого Царя Морского из глубин вызовет! Вот, когда мы там на Дунае Чернигу хоронили...

– Когда человек в чем-то искусен, ему и красоты не надо, – вставила Вояна. – У нас на Шелони есть один молодец – собой страшен, как нечистик с болота, а поет хорошо, и пляшет, и на гусях играет – все девки заслушаются, выбирай любую.

– Знаете вы, что об этом Хникар говорил Сигурду сыну Сигмунда? – спросил Эскиль.

– Что это еще за Хникар? – спросил Ингвар.

– Мой дед по матери мне рассказывал о нем. Однажды Сигурд, который потом убил дракона, в сильную бурю плыл на кораблях по морю, – начал Эскиль, и люди вокруг притихли в ожидании новой саги. – Он увидел высокую скалу, а на ней стоял какой-то человек. Он назвался Хникаром и попросился к ним в ладью. Они взяли его, и буря сразу утихла. Сигурд стал задавать ему разные вопросы, а тот отвечал, так как был он самым мудрым человеком на свете¹⁶. Сигурд сказал:

Хникар, скажи мне,
Ты многое знаешь¹⁷:
Как можно мужу
К любви сердце девы
Желанной склонить?

---

¹⁵ Браги – скандинавский бог, покровитель поэтов.

¹⁶ Встреча Сигурда с Хникаром описана в «Речах Регина». Хникар – одно из имен Одина.

¹⁷ Эти две строчки – перевод А. Корсуна.

Хникар сказал:

Различные тропы
Любовь пролагает,
Но путь самый верный –
Блеск ратной славы.

Милости Фрейи
Легко достаются,
Коль собою хорош ты
И ликом румян.

Учтивою речью,
Нарядом богатым
И лестью искусной
Невесту пленишь.

Пусть муж неказист,
Но духом отважен,
Деву он смелостью
Склонит к любви.

Девичье сердце
Не менее ранит
Отрок отважный,
Чем тот, кто красив.

Любят красивых,
К искусствам способных,
Но средство вернейшее –
Блеск ратной славы.

Хельга слушала с изумлением: она не ожидала от варяга-наемника таких знаний и красноречия. В большой палате было тихо, слышался только уверенный голос Эскиля и потрескивание огня в очаге. Все взоры были сосредоточены на нем, и Хельга, слушая, невольно относилась к нему самому все сказанное: его всеми признанная воинская слава, уж конечно, делали его достойным женского внимания. След ожога на щеке – свидетельство этой же славы – скорее следовало счесть достоинством внешности, чем недостатком; помимо этого Эскиль весьма хорош собой, статен, а богатством кафтана и украшениями может равняться с любым из знатных людей. Обнаружив еще и такие познания, он вдруг показался Хельге безупречным, как сам Сигурд Убийца Дракона, и все «милости Фрейи», казалось, были созданы именно для него.

Когда он закончил, еще какое-то время стояла тишина, весьма лестная для сказителя. Потом по скамьям пробежал одобрительный говорок, кто-то засмеялся.

– Глядя на тебя и не подумаешь, что ты так премудр! – раздался недоверчивый голос Несвета.

Хельга только сейчас его заметила в полутьме: он стоял, прислонившись плечом к другому столбу.

– Не всегда стоит судить о человеке по наружности, – спокойно ответил Эскиль; он видел, что произвел впечатление, и тайком упивался этим, пряча удовольствие за невозмутимостью.

– Смелостью хвалятся те, кому больше похвалиться нечем, – поддержал отца Видимир. – Когда у человека нет ни рода, ни имущества, ни чести, ему только и остается, что размахивать топором направо-налево, а если он при этом потеряет свою никчемную жизнь, то никто о нем и не пожалеет!

– И остается ему только выдумывать сказки про сына конунга, который-де ночевал у его бабки!

Несвет не простил Эскилю вмешательства в спор женихов, хотя тот не был виноват в том, что желанного ответа Несвет не добился.

Эскиля, кажется, эти нападки не очень задели – он видел, что они вызваны завистью, да и другие тоже это видели: женщины переглядывались, усмехаясь. Он хотел что-то ответить, но ему помешала Хельга – к ее собственному удивлению.

– Почему же придумывают? – вырвалось у нее. Она сама испугалась своего вмешательства, но десятки лиц уже повернулись к ней, и было поздно отступать. – Бывает и так, что даже гости из Альвхейма приходят к людям – и мужчины, и женщины. Предком нашей матери был Асбранд Снежный, а он родился от Скульд, дочери конунга альвов. И это правда, это сразу видно... если заглянуть ей в глаза.

– Даже если и так, едва ли Арнор Камень будет очень рад породниться с внуком женщины, которая... – начал Несвет.

Эскиль чуть заметно подался вперед; его лицо переменялось.

– Умела оленихой оборачиваться, – ловко вставил толстяк Ветрлиди. Он сидел у огня на своей любимой скамеечке, которую особый раб везе носил за ним, если дяде нынешнего конунга случалось куда-то перейти своими ногами. – Ты же это хотел сказать, Несветушка?

– Ну а что же еще? – Несвет засмеялся, пытаясь придать своим словам вид добродушной шутки. – Ты, Ветрушка, на ногу нынче не слишком проворен, а острым словом меня-то опередил.

Эскиль медленно встал с места. Он не пытался выглядеть угрожающе, но само его лицо, внешне невозмутимое, выражало полную готовность постоять за свою честь, не считаясь со средствами; настороженные лица хирдманов вокруг него ясно говорили, каковы могут быть эти средства. Быстро на них глянув, Хельга поняла: они готовы вмешаться, если возникнет драка. На чьей стороне – было ясно.

– Каким бы ни было мое наследство, – неторопливо начал Эскиль, прямо глядя на Несвета, – я скорее умру, чем откажусь от него. Чем бы мне это ни грозило.

Теперь Несвет переменялся в лице и стиснул зубы. Ноздри его дрогнули, словно «молот Тора» готов сорваться в полет и обрушиться на врага. Хельга вспомнила: Несвет не стал конунгом, потому что его мать отказалась за него от престола, убоявшись, что отрока сгубят недруги в далеком Кёнугарде.

А Сванхейд не убоялась, хотя ее дитя было всего четырехлетним. И вот теперь Ингвар сидит здесь как конунг, а у Несвета нет надежды на власть, даже если Ингвар погибнет – у того уже растет собственный сын.

– Не хватит ли на сегодня сказок? – подала голос Сванхейд со своего кресла на возвышении; она говорила без тревоги, лишь немного устало.

– Нам пора! – Берислава встала и взяла Хельгу за руку. – Засиделись мы.

Та без возражений последовала за ней, смущенная своим участием в этой беседе. За ними отправился и Тородд.

– Я думала, сейчас Несвет скажет, мол, твоя бабка мужиков в лесу подбирала и к себе в постель укладывала, лишь бы согреться! – делилась Берислава с мужем, когда они оказались у себя в избе. – Ну а этот же не стерпит, морда настырная. Я так и думала: сейчас в драку полезет!

– Да мы б не дали ему Несвету лицо разбить, – успокаивал ее Тородд. – Столько людей вокруг – за руки бы схватили, растащили. Но шум вышел бы знатный, да. Все-таки Несвет – сын конунга, а Эскиль... Его после похода в дружине уважают очень, он и того... забывается немного.

– Что же Ингвар его не осадит? Я видела: будто с равным с ним говорит!

– Что нравится дружине, то нравится и ему. Будет ведь и новый поход, такие люди нужны.

Хельга завернулась в одеяло, укладываясь на помосте возле Естанай. Но, закрыв глаза, невольно рисовала себе: вот молодая женщина с корзиной идет по лесу, вот ей навстречу выскакивает белая олениха, потом она видит коня с золотой уздой... А потом светловолосого мужчину на траве... Вот он открывает глаза... Как у Эскиля – серые и уверенные, хотя и затуманенные немного, и она видит свое отражение в этих изумленных глазах. Наверное, та Эскилева бабка, Уна, была хороша собой, если ее приняли за деву альвов.

Вдруг Хельга сообразила: Эскиль чем-то напоминает ей дядю Эйрика, оттого и кажется, что она когда-то его знала, хотя этого никак не может быть. Дело не в том, что он тоже рослый и крепкий – Эйрик ростом выше и вдвое старше. Их роднит эта уверенная повадка, невозмутимая вера в свою силу. Но есть между ними значительная разница: если Эйрик твердо знает, что кровь асов в его жилах заставит все на свете идти по его воле, здесь даже волноваться не о чем, то Эскиль помнит: само ничего ему в руки не упадет, за исполнение своих желаний надо сражаться. И для победы он твердо рассчитывает на свою собственную силу. Это было странно для Хельги, привыкшей, что даже в разговорах с «ведьминами камнями» ее поддерживает сила предков, вплоть до Бьярнхедина Старого, что был родным сыном медведя. На кургане Бьярнхедина близ Силверволла стоит святилище, там отец приносит жертвы за весь Бьюрланд, как делали до него его отец и дед. Оттого Хельга привыкла ощущать, что ее сила уходит корнями в землю, питается из глубин старинного рода, как родник, что выносит на поверхность чистую воду – кровь матери-земли. Тревожно, наверное, отправляться за море, где этой силы уже не чувствуешь...

С этими мыслями Хельга заснула, не успев дойти до вопроса: что эта настойчивость Эскиля обещает ей самой?

Глава 6

– Выходит, не удалось мне тебя удивить.

Хельга выпрямилась. Ёлс твою ж овду! Она никогда не произносила вслух ничего неподобающего знатной деве, но сейчас выражения, слышанные от мужчин Мерямаа, сами приходили на ум. Уж здесь, сейчас, в поварне рано утром, пока еще и не рассвело толком...

Медленно она обернулась. Выразительным движением отложила подальше нож, которым резала вчерашний сыр, пока сегодняшнее козье молоко охлаждалось в бадье со снегом.

– Я поняла кое-что! – Со сдержанной яростью она взглянула, подняв голову, в лицо Эскиля при свете огня в очаге под котлами. – Про тебя. – И с трудом сдержала желание ткнуть его пальцем в грудь.

– Что ты поняла?

– Почему – Тень. Что за глупая привычка так подкрадываться к людям?

В общем, не надо было большого искусства, чтобы подойти к ней незаметно – в поварне вовсю трудились служанки, мололи жерновами зерно, чистили рыбу, оттирали котлы. Стоял говор, скрежет, грохот, заглушавший шаги. Скорее возмущение Хельги относилось к неожиданности появления Эскиля. Почему он не оставит ее в покое? К тому же она сама сейчас мало отличается от служанок – в сером некрашеном платье из грубой шерсти, в холщовом переднике, а на плечах бурый толстый платок.

– Вовсе не глупая. Очень полезная привычка.

– В Грикланде – может быть. Но здесь-то где твои враги?

– Надеюсь, здесь их нет. – Эскиль взял со стола ее нож, попробовал пальцем остроту, посмотрел зачем-то вдоль лезвия, будто хотел оценить качество кузнечной работы. – Но если кто напрашивается – я готов.

– Чего ты от меня хочешь?

– Я надеялся тебя удивить – когда рассказал, что моим дедом был Хроальд конунг. А у тебя, оказывается, прадед был полуальв. Можешь считать, что ты меня уела.

Эскиль склонил голову, признавая свое поражение.

– Я не собиралась с собой состязаться.

– Ну и хорошо. – Эскиль поднял на нее глаза и улыбнулся. – Раз мы наконец во всем разобрались, давай уже помиримся.

– Я с тобой не ссорилась! – заверила Хельга, чувствуя, как служанки пялятся на них, отвлекаясь от своих хлопот.

– Тогда чего ты смотришь на меня, как будто я змей Нидхёгг?

Хельга глубоко вдохнула, потом еще раз. Нужно успокоиться. Эскиль, конечно, наглец, но в чем она может его упрекнуть? Своим волнением и досадой она лишь выдает, как сильно на нее действует его грубоватое обаяние. После вчерашнего оно стало пугать ее еще сильнее: не в силах подавить восхищение, она чувствовала, что вот-вот соскользнет в пропасть, где Эскиль Тень станет господином ее души, и разум едва удерживал ее на краю.

– Если бы я была служанкой, Биркир уже побил бы меня палкой, за то что я не работаю, а только болтаю.

– Ты не служанка, и госпожа Сванхейд тебя не для работы сюда позвала... Но ведь и не для того, чтобы выдать за своего рыжего сына?

Хельга заметила, как Эскиль опустил взгляд с ее глаз на губы, и что-то в его лице навело ее на опасение, что он подумывает ее поцеловать. Не может быть, чтобы его дерзость простиралась так далеко... Хельга усилием воли заставила себя не попятиться. Пусть не думает, что она боится даже стоять рядом с ним.

– А где ты берешь эти камешки? – Эскиль посмотрел еще ниже, на ожерелье, видное из-под платка у нее на плечах. – Никогда таких не видел.

– Их находят у воды.

– Научи меня их искать.

– Это забава для маленьких детей! – Хельга усмехнулась, мельком вспомнив Арни-младшего. – Ты разве не собирал «ведьмины камни» в детстве?

– В детстве? – с недоумением повторил Эскиль, будто впервые слышал это слово.

И тем не менее Хельга легко представила его мальчиком лет восьми или десяти – крепким, с бойкими глазами и падающими на широкий лоб льняными волосами.

– Или ты, как положено сыну конунга, начал упражняться с мечом и щитом, едва научившись стоять на ногах? Я когда-то слышала, Рагнар Меховые Штаны участвовал в одной битве, когда ему было всего шесть лет. Правда, его при этом держали на руках.

– А ты не хотела бы поучаствовать в битве?

– Я? Я же не валькирия.

– А была бы ты валькирией, как Висна, – знаешь, она была в битве при Бровеллире и держала стяг, – ты могла бы пойти с нами на греков. Повидала бы Миклагард и Греческое море. Там все совсем не такое, как здесь. Все время тепло, растет виноград, всякие такие штучки, вроде яблок, только еще больше и вкуснее. Там огромные каменные дома, очень красивые... Знаешь, что такое мрамор? Это камень, но он бывает разных ярких цветов – желтый, красный, голубой, зеленый, белый, – и гладкий, как шелк. Из него построены огромные дворцы, богам в таких жить впору, и них полы и стены выложены разными узорами из мелких кусочков стекла разных цветов, а прямо в домах и во дворах есть... – Эскиль беспомощно пошевелил рукой, не имея подходящего слова, – ну, как бы источник, только он бьет не из земли, а из мраморной стены, из пасти льва из бронзы, и вода стекает в огромную чашу, тоже из мрамора. А сколько там разных сокровищ! Ну что, ты не надумала сменить какой-нибудь счастливый камешек на это вот? – Эскиль хлопнул себя по груди, где висели перстни на серебряной цепи. – Я от своего предложения не отказываюсь.

– Я поразмыслю насчет того, чтобы стать валькирией, – благосклонно, стараясь подавить смех, ответила Хельга. – И тогда сама раздобуду себя перстни еще лучше твоих. А теперь уходи-ка отсюда, иначе придет великий Один и отвесит всем валькириям тумачов за болтовню!

– Я в гриде буду.

Эскиль послушно повернулся и пошел к двери. Хельга снова взяла свой нож и повернулась к сыру, когда Эскиль ее окликнул:

– Стейнмэр!

Она обернулась.

– Если будет надо, я подержу тебя на руках!

* * *

В этот день Ингвар с ближней дружиной опять отправился на лов, пригласив с собой обоих родных братьев, и Хедина, и Несвета с сыном. Когда ловцы уехали, Хельга испытала странное чувство: и облегчение, и разочарование. Хорошо, что хотя бы до вечера «находчивая тень» не возникнет у нее за плечом и не вынудит лихорадочно подыскивать ответ; но без возможности увидеть среди хирдманов эту светловолосую голову, лицо со следом ожога на правой щеке весь конунгов двор показался ей пустым и скучным.

В Хольмгарде к этому дню стало потише: ильменские старейшины, получив свою долю греческих даров и разведав, чем дело кончилось, стали разъезжаться по домам. Семейство Вояны собиралось к себе на Шелонь, и ее дядя по матери, псковский князь Воислав, тоже, но Альдис, желая подольше побыть со своей матерью, уговаривала мужа и свекра задержаться

еще на несколько дней. Пока мужчин не было, женщины уселись в гриднице на короткой скамье близ возвышения, где стоял престол. Сванхейд сидела в своем резном кресле и тоже шила, но игла медленно двигалась в ее руках, украшенных дорогими перстнями, а лицо было задумчиво.

У Хельги никакой своей работы не было, и она попросила прялку. Уж сколько времени она не пряла – даже руки немного забыли. Обычно это занятие затягивает, успокаивает, приводит мысли в порядок. Однако сегодня мысли Хельги то и дело обращались к Эскилю; строго говоря, ей толком не удавалось подумать о чем-нибудь другом. Он занял в ее голове столько места, что другое там просто не помещалось.

После сегодняшней встречи уже нельзя было сомневаться: она ему нравится. Ну, или он хочет, чтобы она так думала. Нельзя же верить, что взрослого мужчину, повидавшего Греческое царство, привлекают камешки с дырочками! Глаза его, голос, даже то, как он стоял рядом с ней, – все выдавало влечение, это и волновало Хельгу, и тревожило. Девушка взрослая и для своих лет весьма сведущая, рядом с Эскилем она чувствовала себя ребенком. За те семь или восемь лет, что их разделяют, он повидал слишком много дальних стран, пережил слишком много опасностей, и это сделало его существом какой-то другой породы.

И почему она не догадалась прямо у него спросить – зачем он вмешался в спор Логи и Видимира? В самом ли деле хочет взять ее в жены – если вообразить, что это возможно? Почему она не задала ему этот вопрос утром в поварне, ведь был такой хороший случай! Неизвестно, представится ли другой.

Хельга вспоминала серые глаза Эскиля, его лицо, слегка склоненное к ней. Ничего неприятного в его лице нет – кроме этого красного пятна в мелких шрамах, память огненной битвы в Боспоре Фракийском. Но даже это... если подумать... не слишком его портит. Когда он смотрит так приветливо, когда в эти серые безжалостные глаза смягчаются и светлеют от удовольствия видеть ее, он не так уж и плох. Даже почти красив... Хельга вдруг представила, как можно любоваться этим лицом, если испытывать к нему любовь... сердце оборвалось и загорелось. Удивляясь, почему при первых встречах Эскиль вовсе не показался ей красивым, Хельга еще не могла по неопытности своей понять: не только красота привлекает любовь, но и любовь делает красивым все, на что упадет ее взор.

От этих мыслей ее отвлекла Огняна-Мария: помахала рукой и сделала знак, приглашая подойти. Хельга оставила прялку и перешла к ней ближе; Огняна-Мария усадила ее между собой и Альдис.

– Мария спрашивает: правда ли, что твоя мать приехала из-за моря в одиночку, чтобы отыскать здесь своего мужа? – сказала Альдис. – Она слышала от нашей матери, что твоя мать когда-то здесь побывала.

– Да, это так. Это было больше двадцати пяти лет назад, тогда никто из нас еще не родился.

– Она спрашивает, как так вышло, что твоей матери пришлось ехать одной так далеко?

– Моя мать когда-то была замужем за человеком по имени Ульвар, – начала рассказывать Хельга, делая остановки, чтобы Альдис могла перевести Огняне-Марии на славянский язык. – Она вышла за него, когда ей было шестнадцать лет, в тех краях, где она родилась, в Свеаланде. Он был торговым человеком и часто ездил по викам и торговым местам с разным товаром. Лет через пять он однажды уехал и не вернулся. Говорили, что корабли тех людей, с кем он плыл, ограбили викинги, и какое-то время все думали, что он погиб. Но через несколько лет пришли вести, что Ульвара видели живым, а потом к матери однажды приехал человек и сказал, что он ходил на сарацин вместе с большим войском из Гардов и в этом же войске был Ульвар. Тот человек рассказал, что Ульвар устроился жить в Мерямаа и не хочет возвращаться в Свеаланд. Он передал, что если жена, то есть моя мать приедет к нему, он будет очень рад. Она сначала сомневалась, что сможет одолеть такое путешествие в одиночку, но потом нашла надежных

людей, которые взяли ее на корабль, который шел из Бьёрко в Альдейгью. И так она приплыла в Альдейгью, а потом с теми же людьми доехала до Хольмгарда. Отсюда те торговые люди повернули назад, а она несколько месяцев, до начала зимы, жила вот здесь... Госпожа Сванхейд была так добра, что разрешила ей погостить, пока сборщики дани не поедут в Мерямаа и не отвезут ее в Силверволл¹⁸...

Хельга огляделась, впервые за все эти дни с необычайной ясностью осознав: двадцать пять лет назад ее мать бывала в этой гриднице, наверняка сидела на этой же скамье, видела эти же стены со звериными шкурами – покойный Олав конунг увлеченно охотился на крупного зверя, – эти же разноцветные щиты (или очень похожие), тоже ходила вдоль этих самых столов с кувшином пива в руках... Может быть, даже кувшины были те же самые – добычу сарацинского похода сюда доставили за год-другой до появления Снефрид.

– И что – она встретилась со своим мужем? – перевела Альдис вопрос Огняны-Марии. – Он ей очень обрадовался?

Подбирая ответ, Хельга взглянула в глаза болгарки. Огняна-Мария, кажется, была искренне увлечена рассказом: ее большие карие глаза в длинных черных ресницах ярко блестели, взгляд был теплым, участливым. Все же, отметила про себя Хельга, хоть восточные черты и выделяют жену Ингвара среди здешних женщин, она по-своему очень красива: нежный овал лица, высокие скулы, черные тонкие брови блестят, как соболий мех.

– Нет, она не смогла с ним встретиться. Он погиб в сражении незадолго до того, как она приехала, – пока она была в пути.

– Ах, какое горе! – Огняна-Мария ласково коснулась руки Хельги, как будто это горе выпало ей самой. – Должно быть, она была в большой печали.

– Ну, наверное... поначалу, да. – Хельга не могла считать большим горем то событие, благодаря которому ее отцом стал Арнор Камень, а не Ульвар Любимец Норн. – Но ведь она до того не видела мужа лет пять и от него отвыкла. Сперва она горевала, конечно, но ей понравилось в Силверволле, и она решила там остаться.

– От мужа ей осталось наследство? Дом, хозяйство?

– Нет. – Хельга слегка засмеялась. – У него было небольшое хозяйство, но его уже получила его вторая жена, мерянка. Ее зовут Кеганай, она сейчас у нас в доме старшая над служанками. А моя мать потом вышла за нашего отца.

– Она – очень отважная женщина. Не страшно ехать за море со своим мужем, когда ты его любишь, но ехать одной, не зная, доберешься ли живой до места и застанешь ли его в живых...

– Я бы не смогла, – вставила от себя Альдис.

– Ты ведь тоже поехала с мужем за море, – сказала Хельга Огняне-Марии. – Для этого тоже нужна немалая отвага.

– Когда ты любишь мужа, тебе ничего не страшно! Страшно одно – расстаться с ним. А я полюбила Ингвара, едва его увидела, и боялась только, что мой родич Боян не сумеет устроить нашу свадьбу. Мне даже пришлось ненадолго бежать из дома...

– Бежать из дома... – перевела Альдис и сама удивилась: – Это как? С Ингваром?

Ингвар объяснил родичам, из каких соображений взял в Болгарии вторую жену, то в такие подробности не пускался.

– Нет, он оставался в Несебре. Это придумал мой брат. Люди Ингвара увезли меня и спрятали, чтобы вернуть, когда мои родичи согласятся на наш брак.

– Тебе не было страшно? – Хельга сама взяла ее за руку.

---

¹⁸ Полностью эта история рассказана в романах цикла «Свенельд»: «Оружие вёльвы», «Янтарный след», «Ворон Хольмгарда».

– Нет! – Огняна-Мария засмеялась. – Я очень, очень хотела выйти за него, а когда так сильно любишь, ничего не кажется страшным или трудным. Как будто ангелы несут тебя на руках.

– Кто несет?

– Светлые альвы, – по-своему перевела Альдис, выслушав толкование Огняны-Марии.

– Да... наверное, – согласилась Хельга.

Мать когда-то говорила ей, рассказывая о том своем путешествии: ей казалось, что Ульвар протягивает ей руку из-за моря, и она шла к этой руке, веря, что одолеет все трудности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.